

2021
N 4 (58)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, associate professor,
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет,
Израиль

GHANAYIM Kh.,
LLD, professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Омская академия МВД России	GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, honoured lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, The Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Университет Фехта (Германия)	SIEGMUNT O.A., PhD, Vechta University (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Kuban State University
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛУНЕЕВ В.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	LUNEEV V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России	MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Саратове

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Volga Region Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice (Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Chelyabinsk State University

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения
авторов публикаций.**

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 23.12.2021. Дата выхода в свет 29.12.2021

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 15,6. Уч.-изд. л. 15,0.

Тираж 300 экз. Заказ N 081. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

АЛЕКСАНДРОВ А.С., АЛЕКСАНДРОВА И.А.
О философско-правовых притязаниях теории
уголовного процесса на общую
теоретико-методологическую основу научной
специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

6

Section 1. Methodology of law enforcement activities

ALEKSANDROV A.S., ALEKSANDROVA I.A.
On the philosophical and legal claims of the
theory of criminal process on the general
theoretical and methodological basis of the
scientific specialty 5.1.4 – Criminal Science

Раздел 2. Административная деликтология

ГУСЕВ В.А., ДЕРЮГА А.Н. Причины снижения
эффективности административного наказания

20

Section 2. Administrative delictology

GUSEV V.A., DERYUGA A.N. The reasons
for reducing the effectiveness
of administrative punishment

Раздел 3. Уголовный закон

КОРЕННАЯ А.А. Квалификация отчуждения
имущества при совершении
неправомерных действий при банкротстве
(часть 1 статьи 195 Уголовного кодекса
Российской Федерации)

26

Section 3. Criminal law

KORENNAYA A.A. Qualification of
alienation of property when committing
illegal actions during bankruptcy
(Part 1 of Article 195 of the Criminal Code
of the Russian Federation)

Раздел 4. Правоохранительная политика

МУСАТКИНА А.А. Правонарушения
и правонарушаемость как угрозы в свете
новой Стратегии национальной безопасности
Российской Федерации

34

Section 4. Law enforcement policy

MUSATKINA A.A. Offences and
delinquency as threats under
the new National Security Strategy
of the Russian Federation

Раздел 5. Уголовно- процессуальное обозрение

КРИВОЩЕКОВ Н.В. Условия и порядок
добровольного возмещения вреда, причиненного
преступлением

44

Section 5. Criminal procedural review

KRIVOSHCHEKOV N.V. Conditions
and procedure for voluntary compensation
for damage caused by a crime

Раздел 6. Совершенствование правоохранительной практики

ДЕСЯТОВА О.В. К вопросу о полицейском
задержании

53

Section 6. Improving law enforcement practice

DESYATOVA O.V. On the issue of police
detention

Раздел 7. Компаративистика и зарубежный опыт

МАЙОРОВ В.И. Роль и место подразделений
охранно-конвойной службы
в правоохранительных системах России
и зарубежных стран: научный обзор

61

Section 7. Comparative studies and foreign experience

MAYOROV V.I. The role and place
of security and convoy service units in
the law enforcement systems of Russia
and foreign countries: scientific review

ШАРИФЗОДА Ф.Р. Угрозы национальной
безопасности Республики Таджикистан:
понятие, классификация

71

SHARIFZODA F.R. Threats to national
security of the Republic of Tajikistan:
concept, classification

Раздел 8. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

УФИМЦЕВ И.А. К вопросу о понятии незаконной охоты как признака состава преступления, предусмотренного статьей 258 Уголовного кодекса Российской Федерации **79**

ОВСЯННИКОВ А.В. Тенденции развития индивидуальной и социальной профилактики в сфере незаконного оборота наркотиков **87**

ЛЬЯНОВ М.М. Процесс обнаружения виртуальных следов при расследовании преступлений **97**

ЧЕРНЯДЬЕВА А.С. О необходимости закрепления права на спорт в российском законодательстве **107**

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

ХОЛИКОВ И.В. Характеристика развития отечественного судостроительства. Рецензия на монографию В.М. Большаковой «Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование)» **114**

ЧЕРНОВА С.С. Отзыв на диссертацию А.А. Патрушевой «Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства» **121**

Раздел 10. Обзор правозащитной практики

ГУСЕВ В.А., БЕКЕТОВ О.И., МАЗУНИН Я.М. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи посредством адвокатского расследования: оперативно-розыскной аспект **126**

Раздел 11. In memoriam

Владимир Петрович Лавров (1932-2021) **133**

Section 8. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

UFIMTSEV I.A. On the issue of the concept of illegal hunting as the element of crime provided by Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation

OVSYANNIKOV A.V. Trends in the development of individual and social prevention in the field of drug trafficking

LYANOV M.M. The process of detecting virtual traces when investigating crimes

CHERNYADYEVA A.S. On the need for enshrining the right to sport in the Russian legislation

Section 9. Reviews, critiques

KHOLIKOV I.V. Characteristics of the development of the Russian judicial system. Review of the monograph by V.M. Bolshakova "The dynamics of judicial reforms in Russia in the second half of the XIX – early XXI century (historical and legal research)"

CHERNOVA S.S. Review of A.A. Patrusheva's thesis "Legal relations in criminal procedure arising due to the death of participants in criminal proceedings"

Section 10. Review of human rights practice

GUSEV V.A., BEKETOV O.I., MAZUNIN Ya.M. Implementation of the constitutional right to receive qualified legal assistance by means of the defense counsel's investigation: operational aspect

Section 11. In memory

Vladimir Petrovich Lavrov (1932-2021)

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

АЛЕКСАНДРОВ А.С., ALEKSANDROV A.S.,
доктор юридических наук, профессор,
anrc@rambler.ru
Кафедра уголовного процесса;
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

Doctor of Legal Sciences, professor,
anrc@rambler.ru
Chair of criminal procedure;
Nizhny Novgorod Academy of the
Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Ankudinovskoe Highway 3,
Nizhny Novgorod, 603950,
Russian Federation

АЛЕКСАНДРОВА И.А., ALEKSANDROVA I.A.,
доктор юридических наук, доцент,
iren-nno@mail.ru
Кафедра уголовного
и уголовно-исполнительного права;
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

Doctor of Legal Sciences,
associate professor,
iren-nno@mail.ru
Chair of criminal and penal law;
Nizhny Novgorod Academy of the
Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Ankudinovskoe Highway 3,
Nizhny Novgorod, 603950,
Russian Federation

О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

Аннотация. Актуальность темы вызвана созданием юридической специальности 5.1.4. Объективная же причина пересмотра теоретико-методологических оснований наук криминального цикла состоит в преобразовании цифровой революцией государства и права. Прежний позитивистский тип правопонимания уже недостаточен при выходе за рамки отраслевых наук. Разработанная нижегородской школой правовых исследований концепция предлагает новаторское решение проблемы создания общей теоретико-методологической, философско-правовой основы новой, междисциплинарной уголовно-правовой науки. В статье изложены основы авторской концепции относительно уголовного права и уголовного процесса. При этом деконструкции подверглись концепты классической уголовно-правовой доктрины, которые консервируют догматический, узкоотраслевой подход к пониманию правовых феноменов. Сделаны выводы о том, что правовая философия науки 5.1.4 должна строиться на постулате о ведущем значении процесса в создании как самого уголовно-правового средства воздействия, так и основания его применения. В свете процессуального детерминизма подлежат осмыслению и объяснению общие концепты уголовно-правовых наук. Процессуальный нигилизм недопустим не только в теоретико-философских построениях, но и на уровне уголовной политики, стратегии правового строительства организации защиты населения, государства, бизнеса от преступлений.

Ключевые слова: текст; дискурс; смысл; уголовный процесс; уголовное право; средство уголовно-правового воздействия; философия права и процесса.

Для цитирования: Александров А.С., Александрова И.А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 6-19.

On the philosophical and legal claims of the theory of criminal process on the general theoretical and methodological basis of the scientific specialty 5.1.4 – Criminal Science

Annotation. The relevance of the topic is caused by establishing a legal specialty 5.1.4. The objective reason for the revision of the theoretical and methodological foundations of the criminal sciences is the transformation of state and law by the digital revolution. The previous positivist type of legal understanding is no longer sufficient when going beyond the scope of a certain branch of law. The concept developed by the Nizhny Novgorod school of legal studies proposes an innovative solution to the problem of creating a common theoretical, methodological, philosophical and legal basis for a new, interdisciplinary criminal law science. The basics of the authors' theory concerning criminal law and criminal procedure are described in the article. At the same time, the concepts of the classical criminal law doctrine, which maintain a dogmatic, sectoral approach to understanding legal phenomena, have been deconstructed. It is concluded that the legal philosophy of criminal science should be based on the postulate of the crucial importance of the process when creating both the means of criminal law influence and the grounds for its application. In the light of procedural determinism, the general concepts of criminal law sciences are subject to comprehension and explanation. Procedural nihilism is unacceptable not only in theoretical and philosophical constructions, but also at the level of criminal policy, the legal strategy of organizing the protection of the population, the state, and business from crime.

Keywords: text; discourse; meaning; criminal process; criminal law; means of criminal law influence; philosophy of law and process.

For citation: Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. On the philosophical and legal claims of the theory of criminal process on the general theoretical and methodological basis of the scientific specialty 5.1.4 – Criminal Science // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No 4 (58). P. 6-19.

*В нашей стране дороги славы
заграждены шлагбаумами...
Одаренный человек либо
должен потускнеть,
либо решиться на то, чтобы
с большим скандалом
поднять шлагбаум.*

Ю. Олеша. Зависть

Актуальность выбранной темы объективно обусловлена ситуацией, возникшей в связи с созданием новой научной специальности, в которой сделан акцент на междисциплинарность научных исследований, что, признаем, объективно назрело. Скажем более: для нас в таком «повороте событий» в организации производства научного знания преимущество, поскольку нашей задачей является «продвижение» своей позиции в данном вопросе.

Целью, поставленной в этой статье, является продолжение доказывания своей, отличающейся от общепринятой, точки зрения относительно (1) теоретико-методологического, даже методического значения теории (философии) уголовно-процессуальной науки для наук криминального цикла, и прежде всего для науки уголовного права, а потому и о (2) руко-

водящей, направляющей роли науки уголовного процесса в новой научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. И дело не в личных амбициях, а в искреннем убеждении о назревании сдвига в «уголовно-правовой культуре» в сторону процессуализма; новая, **синтетическая**, «уголовно-правовая культура» должна быть проникнута философией процессуализма, если угодно – **процессуального детерминизма**.

Ранее нами была сформулирована позиция по данной проблеме [1; 2] и публично аргументирована в научном собрании*. В настоящей статье будет прокомментирована реакция со стороны видных представителей научной общественности [3]. Ответив на возражения оппонентов, предполагаем внести дополнительную ясность в нашу позицию и расширить пространство дискуссии о будущем нашей науки, которая, как видится, представляет

* См.: Авторский проект «Уголовно-правовые посиделки у Лопашенко» совместно с Саратовским филиалом Союза криминалистов и криминологов. Формат «Научная дискуссия» на тему: «Уголовное право : Уголовный процесс: новая расстановка приоритетов в известном споре о курице и яйце». 26.02.2021. URL: <http://crimescience.ru/?p=31936>

значительный актуальный научный интерес. Ведь, если задуматься, речь идет о ее «идеале», о том, к чему она должна стремиться, что и как для этого мы должны делать. Назовем его условно **«уголовно-правовое средство»**.

Очевидно, что в своих первоначальных выступлениях, для того чтобы сделать предельно понятной для коллег нашу позицию, специально не акцентировалось внимание на философско-правовой природе наших взглядов. Это делалось с целью большей доступности представленной проблематики. Теперь пришло время, что называется, полностью раскрыть карты и выложить главный – «философский козырь». Соответственно, в центре нашего исследования будут вопросы философии права. В связи с этим предлагаем свой проект*.

Но вначале ответим на критику. Основной упрек А.Г. Кибальника сводится к *произволу***, который якобы вытекает из

* В статье используется ряд авторских философско-правовых концептов, имеющих символическое значение для нашего учения, которые выделены шрифтом: ПРОЦЕСС, ПРАВО и пр., каждый, конечно, нуждается в пояснениях. Поясним концепт ПРОЦЕСС. Под ним подразумевается: (а) «устойчивая и целенаправленная совокупность взаимосвязанных действий, которые по определенной технологии преобразуют входы в выходы для получения заранее определенных результатов, представляющих ценность для потребителей» (см.: URL: <https://rich-c.ru/biznes-prozess1#:~:text=>), (б) «уголовный процесс» в его традиционном позитивно-правовом и доктринальном понимании, (в) *абсолют*, идеальное воплощение процессуальности, «процессуальное начало в...», (г) *процедурное знание* и корпус знаний о процессе, (д) феномен «реального уголовного права», (е) своего рода «волшебное» *приложение*, от которого в прилагаемом начинается преобразование, и наконец, (ж) концепция ПРОЦЕССА-ПРАВА Александра-Александровой. Предупреждая вопросы о «волшебности», сразу подчеркнем метафоричность выражения, хотя при этом в нас существует вера в особую роль ПРОЦЕССА, его восприимчивость к «волшебству» «умных технологий», которые он распространяет и на темное «уголовное право-в себе».

** Этот же упрек прозвучал от ряда дискуссионтов и в ходе означенного мероприятия, проведенного профессором Н.А. Лопашенко. См.: Авторский проект «Уголовно-правовые посиделки у Лопашенко».

нашей концепции обвинения и доказывания как *первичных* по отношению к уголовно-правовым (преступление, уголовная ответственность и пр.) и *порождающих* их феноменов. «По сути, решение вопроса о преступности деяния будет отдано на откуп органов государственной власти, выступающих на стороне обвинения» [3, с. 102]. «Если уголовный кодекс станет “общей схемой”, то одно деяние будет расцениваться как преступление только в зависимости от “вкусных пристрастий” конкретного правоприменителя» [3, с. 102]. Им рисуется апокалипсическая картина: «практически любой акт поведения произвольно может быть объявлен преступным (или наоборот)» [3, с. 102]. «Аналогичным образом обстоит дело с наказуемостью – справедливые слова о том, что “пока нет независимого суда” не будет и “верховенства права”, потеряют всякий смысл, если пределы наказуемости будет определять сам суд» [3, с. 102].

В общем, А.Г. Кибальник пытается «напугать» читателя, неверно трактуя нашу концепцию. Вполне вероятно, что он сам искренне верит в то, что написал. Предвзятость тоже допускаем, из-за обиды за «свою науку». Впрочем, основная причина отторжения и невольного искажения нашей концепции заключается в игнорировании А.Г. Кибальником **разницы** (1) между *законом и правом*, (2) между *текстом закона* и «реально-правовым средством» (регулирования, воздействия), (3) между абстрактной моделью преступления, наказания и пр., в том числе «составом преступления», что прописаны в тексте закона (уголовного), и тем, что существует конкретно-предметно-инструментально: как *реально-правовое = процессуальное явление*, в его социальном, психическом и пр. проявлениях.

Нами говорится о реально-правовых феноменах, А.Г. Кибальник рассуждает в другой плоскости – нормативной, законодательной. Последняя нами, естественно, признается***. Но не *единственно возможной*. О феномене **различия** реально-

*** Поскольку мы мыслим в разных плоскостях, постольку конструктивный диалог возможен, только если наш оппонент перейдет с уровня юрпозитивизма на философско-правовой уровень понимания *реального уголовного права*.

и номинально-правового главным образом и будет идти далее речь.

Что касается упрека в произволе, полагаем, что как раз именно ПРОЦЕСС снимает угрозу ПРОИЗВОЛА от уголовного права как абсолюта запрета/наказания. Ведь сталинские репрессии происходили на основании УК. *Но в отсутствие ПРОЦЕССА.* Это пример *институциональной нехватки ПРОЦЕССА* в уголовном праве, приведшей к обезчеловечиванию, а потому к перерождению, утрате «уголовным правом» (хотя бы и «единого») своей сущности, отрицанию правового, превращению «уголовного права» в симулякр. ПРОЦЕСС *очеловечивает* «уголовное право» и снимает угрозу избыточного и произвольного, потому что в него, если, конечно, это ПРОЦЕСС надлежащего типа (о чем пойдет речь далее), заложено *самоограничение* государства, разделение его на разные процессуальные инстанции-функции [4, с. 5 и след.] — главная гарантия прав человека и гражданина.

Так, согласно испанской уголовно-правовой доктрине «уголовное право применяется только с процессуальными гарантиями, а роль, которую играют суды в этом процессе, заключается в защите прав отдельных лиц» [5, с. 11].

Уголовный процесс есть главная *гарантия ЧЕЛОВЕКА от произвола*, который заложен *в запрете, каре*, составляющих «элементарное содержание», так сказать, «нерв» уголовного права.

Через ПРОЦЕСС происходит отсечение произвольного, случайного, избыточного, которые присутствуют как потенция в текстово-смысловой инстанции «уголовно-правовой нормы». ПРОЦЕСС и каждый «правильно проведенный процесс по уголовному делу» снимает опасность произвольного, избыточного и делает статью УК РФ единственно верным *уголовно-правовым средством*.

На задаваемый А.Г. Кибальником риторический вопрос: «Согласны ли мы отказаться от *единого уголовного права* (выделено нами. — А. С. и И. А.) и единообразного применения уголовного закона (что, кстати, закреплено в п. “о” ст. 71 Конституции РФ), заменив их бесконечным множеством “уголовных прав”, создаваемых по усмотрению суда и/или стороны обвинения?» [3, с. 105] — ответ будет следующий.

Мы за единообразное непроизвольное применение УК РФ в ПРОЦЕССЕ. Произвол исключается не уголовным правом как таковым, хотя бы и мыслимым доктринами «единым», но ПРОЦЕССОМ.

А вот «единое уголовное право по Кибальнику» без ПРОЦЕССА чревато произволом авторитарного государства в отношении человека. Мыслимое А.Г. Кибальником «единое уголовное право» может быть анти-ПРАВОМ, злом, что хуже, чем ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Это происходит, если ПРОЦЕСС не «инсталлирован» в реальность «уголовно-правового», не стал способом его существования.

Для нас приемлемо «единое» УГОЛОВНОЕ-ПРАВО-ПРОЦЕСС. Свойство «единства» понимаем не как А.Г. Кибальник — применительно к автономному «уголовному праву», но как *синергетическое единство* «УГОЛОВНОЕ ПРАВО-ПРОЦЕСС», с обязательным признанием главной роли ПРОЦЕССА в этом единении, ибо, с нашей точки зрения, синергия, противостоящая энтропии (распаду), перерождению «уголовного права» в репрессию, составляет суть правообразующего воздействия ПРОЦЕССА.

«Уголовное право» становится «единым», непроизвольным, в общем — надлежащим средством уголовно-правового воздействия, реальным, человеческим правовым средством не само по себе, а благодаря ПРОЦЕССУ.

«Уголовное право», лишенное процессуального, не может быть признано ПРАВОМ. Поэтому мера процессуальности всегда есть *мера право-человеко-мерного в нем*.

Уголовный процесс *есть способ существования реального уголовного права*, способ определения правового в уголовном законе (кодексе) и превращения уголовного закона в *реальность: правовое средство воздействия* (регулирования).

Таков главный ответ на обвинение в произволе.

К сказанному необходимо добавить следующее.

Во-первых, о пределах *экспансии* ПРОЦЕССА на уголовно-правовую материю. Никто не отрицает «самость» *уголовного права* в виде уголовного закона. Текст УК — это резервуар исходного, «ядерного» смысла об уголовно-правовом. На законодатель-

ном уровне есть полная независимость «уголовно-правового» от ПРОЦЕССА.

Уголовный кодекс есть неотъемлемый атрибут *правотворческой ситуации* по изготовлению ПРОЦЕССОМ конкретно-актуального «уголовно-правового» *средства*. И в этом виде принимается как *данность*. Означенная данность включает и то, что весь Уголовный кодекс (в первую очередь, Общая часть) — это самая важная часть *контекста, в котором происходит* процессуальная интерпретация смысла конкретной статьи кодекса, относительно которой встал вопрос о превращении в *уголовно-правовое средство*.

Таковы *не подлежащие процессуализации* элементы «уголовного права-в себе», «*внутреннего уголовно-правового мира*», как *чего-то* нераскрытого, потенциального и в известной мере всегда произвольного, опасного.

Во-вторых, написание текста УК — это, разумеется, прерогатива специалистов по уголовному праву. Это их суверенная сфера, где ПРОЦЕСС уместен только в виде фигуры умолчания.

В-третьих, *интеллектуальные модели* преступления и наказания должны быть прописаны в тексте УК РФ с максимально технико-юридическим мастерством, чтобы затем — в практической процессуальной плоскости — обеспечивалась максимальная *предуготовленность* к превращению в **уголовно-правовое средство**.

Итак. Введением в уголовно-правовой континуум ПРОЦЕССА текстовое, уголовно-законодательное не дезориентируется, не провоцируется к спонтанному умножению, не выводится из равновесия, а, напротив, стабилизируется, конкретизируется, упорядочивается, проверяется на предмет актуальности, оформляется и приобретает свойство инструментализма. Форма *ограничивает* содержание, конкретность — абсолютом, реальность — потенцию. Все три привносятся ПРОЦЕССОМ в текстуру, в смысл, в *бытие уголовно-правового*, как «*вещи для других*». В ПРОЦЕССЕ происходит синергия УГОЛОВНОГО ПРАВА, превращение его в феномен реального права для людей.

Наше утверждение о *творении* ПРОЦЕССОМ уголовно-правового основано на четком признании того, что «творение» происходит из уголовно-законо-текстового

материала и к тому же в уголовно-правовом пространстве, среде. Позитивно-правовые, нормативные детерминанты «внутреннего» уголовно-правового *объективны* и недоступны ПРОЦЕССУ.

Вместе с тем правомерно утверждать, что (а) нет преступления без обвинения, (б) основание уголовной ответственности образуется обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу. Это постулаты философии *обвинительного уголовного процесса*.

Обвинение как часть ПРОЦЕССА в нашем учении имеет *онтологическое значение* для ПРЕСТУПЛЕНИЯ-НАКАЗАНИЯ, поэтому оно имеет межотраслевую значимость; междисциплинарно значимо для новой уголовно-правовой науки. Обвинение есть процессуально «сказуемое» о «подлежащем» — уголовно-правовом. Через *выдвижение обвинения* происходит (1) утверждение, то есть публичное «раскрытие», называние (для нас — общества) некоего события ПРЕСТУПЛЕНИЕМ; оно — «*событие*» — *становится тезисом, подлежащим доказыванию*, превращается в *дискурсивный*, уголовно-процессуальный феномен; *так уголовно-правовое начинает становиться в ПРОЦЕССЕ реальностью*; (2) называние или *предварительная квалификация этого события уголовно-правовым по модели статьи УК РФ* (видимо, это есть «*раскавычивание*» «состава преступления» в тексте обвинения); тем самым происходит процессуальная *встреча* объективной реальности с текстовой — уголовно-правовой; делается предварительный набросок уголовно-правового на предполагаемый обвинителем факт в перспективе основания уголовной ответственности; (3) взятие обвинителем на себя бремени доказывания своего утверждения о предполагаемом событии преступления, благодаря чему происходит фактическая привязка «уголовно-правовой нормы» к объективной реальности.

В силу обвинения «уголовно-правовое *потенциальное*» *становится «уголовно-процессуальным реальным»*. Судом обвинительно-предположительное, промежуточное «уголовно-процессуальное реальное» превращается в категоричное, итоговое — *реальное средство уголовно-правового воздействия*: при обвинительном исходе процесса.

Таким образом, «маркером обвинения» на «корпусе уголовно-правового» как событийного, внешнего, скрытого, произвольного **обозначается** в текстовой реальности (предварительно) *актуальное притязание* обвинителя на раскрытие внутреннего, истинного и нужного; и через его **доказывание** (в суде) происходит преобразование абстрактно-уголовно-правового («запрета», «права ГОСУДАРСТВА на наказание преступника», как принято говорить) в *средство уголовно-правового воздействия*.

В связи с вышесказанным следует упомянуть еще об одной критической фразе А.Г. Кибальника: «Рассуждая о “примате” процесса над материальным правом, среди его участников называют лишь суд и представителей у стороны обвинения (следователя, прокурора). Ни разу не упомянута другая сторона – сторона защиты (позволю себе напоминание: одним из принципов уголовного процесса определена его состязательность)» [3, с. 102]. В умолчании о «защите» А.Г. Кибальник также усмотрел угрозу произвола.

Манифестация ПРОЦЕССА* через концепт «обвинение» кому-то может показаться противоестественным. Для профессионала, напротив, категория «обвинение» в одном понятийном ряду с «принципом обвинения», «обвинительной властью», «обвинительным (аккузаторным) процессом» есть оптимальное средство сообщения о сущности «нормального» уголовного процесса. Это считается классикой русской уголовно-процессуальной мысли [6, с. 2-26] и, следует признать, многими современными процессуалистами забытой.

Именно такими категориями оперирует европейская доктрина уголовного процесса. Например, «принцип обвинения» («обязательности уголовного преследования»)** закреплен в ч. 2 ст. 90 Конституции Австрии, в §§ 2, 90, 105, 259 УПК Австрии; в ст. 124.1 Конституции Испании, в §§ 153, 152а УПК ФРГ. С 2016 года принцип обвинения отражен в п. 9 ст. 129 Конституции Украины:

* Конкретно – сути нашей концепции.

** Подчеркнем, что именно «принцип обвинения», а не «принцип защиты» и даже не «принцип состязательности» надо считать принципом ПРОЦЕССА, который мыслится как идеальное уголовно-процессуальное.

«выдвижение и поддержание публичного обвинения в суде прокурором». Аналогом этого положения является часть пятой поправки к Конституции США.

Принципиальность «обвинения», а не «защиты» для ПРОЦЕССА состоит в первичности, активности, влиятельности первого и вторичности, необязательной активности второго института, что конкретно проявляется в следующем:

а) обвинение отделено от правосудия;
б) суд рассматривает дело только в пределах обвинения***;

в) прокурор – публичный обвинитель – по должности обязан выдвинуть обвинение при наличии доказательств; любое лицо (потерпевший) вправе выступить обвинителем;

г) бремя доказывания обвинения лежит на обвинителе;

е) «благоприятствование защите» (*favor defensionis*), подразумевающее возможность пассивной защиты.

Гарантированная защита – вторичный признак процесса обвинительного. Однако быть «защитительным» уголовный процесс в принципе не может: по причине пассивности, производности защиты от обвинения. Обвинительный процесс с необходимостью предполагает наличие защиты, так как это взаимно обуславливающие друг друга сущности. Защита не ищет уголовно-правового, пока ее к этому не подтолкнет обвинение.

Важно и то, что «обвинительность» характеризует начало, а не исход ПРОЦЕССА, поэтому ее нельзя путать с «обвинительным уклоном».

Для нашей концепции принципиально важно то, что концепт обвинения исключает из ПРОЦЕССА следователя, институт предварительного следствия. Следователь как традиционный совместитель судебной и обвинительной функций «выпадает» из процесса обвинительной модели. Он лишний в ней. И это надо учитывать теоретикам уголовного права.

Полагаем, что сделанные выше пояснения, если не переубедят оппонентов, то сделают нашу позицию понятней.

*** «Повторно выдвинуть обвинение в том же преступлении невозможно» (Amendment V to the United States Constitution).

Однако можно диагностировать, что современная уголовно-правовая наука серьезной философско-правовой, тем более современной философско-правовой основы не имеет.

Самое простое подтверждение этому состоит в том, что современные специалисты по уголовному праву не могут однозначно сформулировать свою цель, к которой им нужно стремиться.

Показателем этого, на наш взгляд, являются «спекуляции» с понятием «уголовно-правовое средство»: регулирования, воздействия, противодействия, защиты и пр., которые характерны для *модного* научного уголовно-правового дискурса [7]. Так, согласно Н.А. Лопашенко, в *систему компонентов «уголовно-правового воздействия»* входят уголовно-правовая доктрина, уголовное право как отрасль, уголовная политика, уголовный закон [8]. Это пример чистой, *беспроцессуальной*, поэтому ограниченной трактовки центрального элемента уголовно-правового мира, «идеала внутри» специальности 12.00.08. По нашему мнению, в контексте специальности 5.1.4 такая трактовка уже недостаточна.

Попытки обновления понятия уголовно-правового средства так или иначе связаны с дополнением изначально «карательного» в нем альтернативным, то есть согласительным, компенсаторным, и вместе с тем диспозитивным [9] содержательными моментами. Этим и ограничиваются «новизны» в области высокого – философского осмысления телеологии, природы *уголовно-правового воздействия*.

При этом вся теоретико-методологическая основа остается прежней – исключительно позитивно-правовая методология*, консервирующая, даже исключаящая междисциплинарное понимание феноменов, имеющих, безусловно, комплексную, синтетическую, синергетическую природу.

Еще одним частным доказательством философской несостоятельности современной доктрины уголовного права можно считать попытку С.А. Бочкарева [10] сформулировать философский метафизи-

ческий *modus vivendi* «уголовно-правового знания». Опять-таки самодостаточного, игнорирующего ПРОЦЕСС: С.А. Бочкарев сознательно пренебрег работами ученых-процессуалистов [10, с. 11-14].

Важно признание автором «кризиса современного уголовного права», «ригидности и стереотипности, принадлежности к ушедшей в прошлое общественно-культурной обстановке» [10, с. 6] современного научного уголовно-правового знания. Следует полностью согласиться с его мнением о том, что «уголовно-правовая теория основана в основном на внутритраслевых разработках» и «не выходит за границы имеющегося уголовно-правового знания» [10, с. 6], в ней имеет место «адаптация и эксплуатация главным образом позитивистских постулатов», сохраняется «уверование в их самодостаточность для отраслевых нужд уголовно-правового знания» [10, с. 19-20].

Впрочем, после защиты этой диссертации можно констатировать, что своей философии уголовного права не появилось. Ничего конкретного в этой сфере С.А. Бочкарев не предложил: диссертация по философии уголовного права есть, самой философии нет.

В отличие от партнеров по науке уголовного права, в 2003 году Нижегородской научной школой процесса [11] создана философия уголовного права и процесса, соответствующая новому типу правопонимания, сторонниками которого выступают известные отечественные философы права [12].

Вторая часть статьи посвящена кратко изложению нашего философско-правового «заброса в будущее», на котором еще не акцентировалось внимание наших оппонентов, как, впрочем, и пропонентов.

Для нового неклассического типа правопонимания *парадигмальное значение* имеют концепты ТЕКСТ, ДИСКУРС**, СМЫСЛ***.

** Русский аналог ему РЕЧЬ, который будет употребляться в статье в качестве обозначения всего речевого/дискурсивного и одновременно – процессуального.

*** Есть и много других: ЗНАК, СИМУЛЯКР, РИОЗА, ТЕКСТУРА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ДЕКОНСТРУКЦИЯ и пр., но они уже производны от названной триады.

* Наивысшей теоретической абстракцией было и есть понятие «механизм уголовного-правового регулирования» – продукт советской нормативистской науки.

В данной триаде* «спрессовано» новое гуманитарное знание, перешедшее из философии языка, философии в юридические науки в 1980-1990-х годах и изменившее миропонимание, что имеет самое прямое отношение и **к нашей уголовно-правовой науке.**

Эти концепты пришли на смену определявшим классическое правопонимание концептам СТРУКТУРА-СИСТЕМА, МЕХАНИЗМ, ИСТИНА и многие производные от них** [13]. Классическая парадигма, которой соответствует нормативизм и межотраслевая разделенность как объективное проявление нормативизма (юрпозитивизма), оперирует ими и сейчас.

Новые концепты радикально меняют мировоззрение, понимание правового мира. Более того, правовой мир создается по этим концептам.

Картина юридического мира концептуально теперь определяется следующим образом:

ТЕКСТ ДИСКУРС СМЫСЛ – 1-й уровень парадигмального понимания правовой реальности.

ЧЕЛОВЕК ВЛАСТЬ – 2-й уровень парадигмального понимания правовой реальности.

ГОСУДАРСТВО ПРАВО – 3-й уровень парадигмального понимания.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ и НАКАЗАНИЕ – 4-й уровень парадигмального понимания.

Полагаем, что философские концепты со второго по четвертый уровень надо понимать в свете концептов первого уровня: как «тексто-рече-смысловые» феномены.

Это, в свою очередь, составляет суть их процессуалистской ДЕКОНСТРУКЦИИ и последующего позитивного их КОНСТРУИРОВАНИЯ, уже после «прививки» ПРОЦЕССОМ.

Приведем основные ходы процессуалистской ДЕКОНСТРУКЦИИ классических концептов.

* Есть еще ЭНТРОПИЯ, но это уже не только гуманитарная сфера.

** Например, МЕТОДОЛОГИЯ – концепт, преобразовавший мир советской науки в 1970-1980-х годах как в позитивном, так и в негативном отношении (вплоть до утраты, например, «теоретической криминалистикой», культивировавшей его, своей изначальной – прикладной «самости»).

Главный состоит в том, чтобы распространить на уровне концептов (со второго по четвертый уровень) триаду «ТЕКСТ ДИСКУРС СМЫСЛ». Конечной целью является центральная для уголовно-правового специалитета бинарная оппозиция ПРЕСТУПЛЕНИЕ-НАКАЗАНИЕ. Делается ход не прямо, а через отдельные ходы по деконструкции классических концептов второго и третьего уровней.

На *втором уровне* вместо дихотомии ЧЕЛОВЕК ВЛАСТЬ предлагаем триаду: ЧЕЛОВЕК РЕЧЬ ВЛАСТЬ.

При этом следует исходить, основываясь на риторике, из того, что общество – это языковое сообщество. Язык – исходная предпосылка организации, поддержания власти. Власть состоит в управлении речью. Кто управляет публичным дискурсом, тот и властвует: общества различаются на базовом уровне тем, как в них властно организована публичная речь.

Власть есть определенная организация ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ, то есть речи, в которой решаются общественные, публичные вопросы, ответы на которые имеют значение для всех членов общества, заинтересованных в общежитии (стейкхолдеров).

По Аристотелю есть три главных вида ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ: (1) СОВЕЩАТЕЛЬНАЯ (народное собрание = парламент, «присутственное место», где есть речевая коммуникация в «официальной» обстановке), (2) ХВАЛЕБНАЯ РЕЧЬ (пиар, пропаганда) и (3) СУДЕБНАЯ [см.: 14, с. 191, 259]. По нашему мнению, главная из публичных речей в плане преодоления ЭНТРОПИИ СИНЕРГИЕЙ – СУДЕБНАЯ РЕЧЬ. **В этом заключается глобальное стабилизирующее и преобразующее значение ПРОЦЕССА.**

С нашей точки зрения, СУДЕБНАЯ РЕЧЬ = ПРОЦЕСС. Постулируя речевую природу базового отношения «ВЛАСТЬ-ЧЕЛОВЕК», мы вводим и два остальных, то есть ТЕКСТ (письмо = документ), СМЫСЛ, на этот уровень парадигмального устройства юридического мира:

ВЛАСТЬ процессуальна, когда проявляется не в прямом принуждении, а в правовом, с другой стороны, социальная/правовая сущность человека является в ПРОЦЕССЕ – СУДЕБНОЙ РЕЧИ. Кто есть человек перед властью, открывает публичная судебная речь: ПРОЦЕСС.

Итоговая формула: ВЛАСТЬ ПРОЦЕСС ЧЕЛОВЕК. Это основа основ мировоззрения по специальности **5.1.4.**

Определимся на третьем уровне: по введению постклассической **триады для нового понимания концептов** ГОСУДАРСТВО ПРАВО.

ПРАВО в свете трех названных концептов предварительно трактуется нами как *текст* (закона), *смысл* которого понимается-создается в *дискурсе*. При этом важно презюмировать то, что изначально вложенный автором в текст закона смысл не является неизменным и постоянным, поэтому готовым к автоматическому применению адресатом (читателем). Это является одной из аксиом постклассического правопонимания.

Получается, что любое текстовое требует речевого, диалогового *усилия* для обретения своей сущности, то есть своего актуального назначения: **как средства.**

В этом состоит парадигмальный сдвиг в правопонимании от «классики» к «неклассике». Следует отметить, что он зафиксирован и С.А. Бочкаревым [10, с. 21]. Правда, с отставанием от нас на 20 лет.

Смысл может меняться в зависимости от контекста интерпретации. Более того, дискурс, рече-мысле-деятельность (по Г.П. Щедровицкому)* являются средой, инстанцией, в которой происходит посредством диалога творение, обновление, изменение и даже утрата (выпад) первоначального смысла — как неактуального. И одновременно обретение актуального смысла — того, который нужен членам речевой коммуникации. Через речевую коммуникацию в ПРОЦЕССЕ находится смысл и тем самым находится или создается «правовая норма» или — в нашем случае — «средство уголовно-правового воздействия».

Определение, даваемое нами ПРАВУ, таково: **ПРАВО есть текст закона, помноженный на интерпретацию его СМЫСЛА участниками ПРОЦЕССА.** Каждый участник процесса = интерпретации, то есть ЧЕЛОВЕК, может претендовать на роль творца смысла, а потому и ПРАВА. *Принципиально новое, что появляется в пони-*

мании ПРАВА: (а) интерпретационно/толковательный момент, которому придается не служебно-вспомогательное, прояснительное значение, но созидательно-творительное, (б) включение в число правотворцев, наряду с автором текста закона, интерпретатора — человека. Отсюда вывод: «Каждый может быть творцом ПРАВА», «в ПРОЦЕССЕ обретишь свое право и ПРАВО для всех»** [15, с. 282, 285].

«Раскавычивание» текста закона, перенос и в то же время изобретение или утрата смысла в ходе толкования и сопровождающей его аргументации *глобально постулируется концептом ПРОЦЕССА как необходимое условие выявления из текста закона реального правового средства.* Практически это приводит к заключению о том, что *процесс толкования и есть процесс сотворения* правового. По-видимому, «вчитывание» смысла в текст статьи УК РФ (возможно, абсолютно идентичного оригинальному); важен сам акт сотворения смысла в ходе интерпретации, толкования текста закона. ПРОЦЕСС проговаривания-толкования статьи УК РФ (записанной в тексте обвинения) составляет акт не просто правотворчества «правоприменителя», а правотворчества солидарного, к которому подключается любой участник, имеющий свою, иную интерпретацию и предлагающий ее принятие суду, который прекращает толкование — поиск смысла и фиксирует результат интерпретации в тексте приговора.

Исходя из нашего правопонимания, ПРОЦЕСС является продолжением творения ПРАВА, начатого «законодателем» написанием ТЕКСТА закона. ДИСКУРС, способом организации которого является ПРОЦЕСС (узко: судебная речь), а если более широко, то вся устная, речевая и письменная коммуникация участников есть условие бытия уголовного права как реально-правового феномена.

Феномен уголовного права как средства может состояться в уголовном процессе. Феномены ПРЕСТУПЛЕНИЯ и НАКАЗАНИЯ процессуальны. Добавим, что процессуальная феноменальность ПРЕСТУПЛЕНИЯ предстает в «золотой клетке» доказательств, придающей правдоподоб-

* На наш взгляд, оптимальным является термин «рече-смысло-деятельность».

** В апокрифическом виде наше учение изложено в отдельном тексте.

бие, убедительность, поэтому и предметную наличность ему. Эта «фактичность», актуальная наличность, придаваемая ПРОЦЕССОМ ПРЕСТУПЛЕНИЮ, неразрывно связана со *справедливостью* НАКАЗАНИЯ и вместе с тем обвинительного приговора, в котором заложена оценка их позитивности судьей, выносящим приговор, определяющим вид и меру наказания. А если брать шире, то опора справедливости в общественном мнении. В конечном итоге психическая правовая реальность ПРЕСТУПЛЕНИЯ и НАКАЗАНИЯ проявится в правовом сознании, психике здравомыслящих людей, имеющих совесть. Суд присяжных позволяет случиться этому непосредственно в процессе по конкретному уголовному делу.

Обвинение есть «позыв» к явлению в ПРОЦЕССЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ и НАКАЗАНИЯ. Обвинительный приговор есть подтверждение обвинения и вместе с тем превращение в правовую действительность ПРЕСТУПЛЕНИЯ и НАКАЗАНИЯ. Уголовно-процессуальное доказывание — это единственный способ связи реальной действительности с лингвистической, текстовой — процессуально-правовой.

Так замыкается круг наших рассуждений о ПРОЦЕССЕ, а вместе с тем и об «обвинении», «доказывании» как о необходимых средствах творения УГОЛОВНОГО ПРАВА, ПРЕСТУПЛЕНИЯ и НАКАЗАНИЯ — как процессуальных феноменов.

Рассмотрим концепт ГОСУДАРСТВО. Используя предыдущий опыт деконструкции, попытаемся переосмыслить классический концепт ГОСУДАРСТВА как (а) творца ПРАВА, (б) субъекта правоотношения — центрального, уголовно-правового отношения — с ЧЕЛОВЕКОМ, совершившим ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Следует деконструировать постулируемое классикой (наукой уголовного права) ГОСУДАРСТВО на (1) «персонажей»: (а) автора текста закона, (б) участника дискурса (речевой коммуникации) относительно смысла текста закона, (в) интерпретатора смысла, (г) субъекта доказывания, то есть выяснения контекстуальных обстоятельств (привязки к реальности), (2) иной, оппонентский («публично-правовой») смысл, иную позицию в споре/диалоге, которые противостоят позиции/смыслу ЧЕЛОВЕКА. Далее, ГОСУДАРСТВО сводит-

ся к материально-объективной составляющей *контекста*, в котором происходит дискурс: площадка, на которой произносится публичная (судебная) речь, то есть, например, зал судебного заседания. Наконец, доходим и до цифровой инстанции ГОСУДАРСТВА — «цифровой платформы»: «ГОСУДАРСТВО-как-ПЛАТФОРМА». ГОСУДАРСТВО мыслится как «кибернетическое устройство», обеспечивающее включение цифровых (умных) технологий в ПРОЦЕССЕ нахождения уголовным правом себя и приобретения его «всеми» как нужного средства, блага. ГОСУДАРСТВО здесь в новом — цифровом качестве обеспечивает речевую, процессуальную среду взаимодействия всех «стейкхолдеров»* в изготовлении средства правового воздействия из наличного текста закона.

В любом случае мыслится, что ГОСУДАРСТВО — это ДРУГОЙ, «не Я», не ЧЕЛОВЕК, потенциально оппозиционное и нужное одновременно. Вместо классического концепта ГОСУДАРСТВО нами предполагается как актуальный ДРУГОЙ: «автор текста закона», «участник речевой коммуникации», «цифровая платформа», «следователь», «судья» и пр. — это те, с кем или с помощью чего СУБЪЕКТ (то есть Я) обретает «право-тут»**, (в классической терминологии «субъективное право» + «объективное право»), или право-как-средство-воздействия — общее для нас всех — «стейкхолдеров», заинтересованных в разрешении уголовного дела, иными словами, в победе добра над преступным злом. Даже в ситуации наличия противника добра и препятствующего нахождению истины взаимодействие, спор имеют место, а значит, ПРОЦЕСС реализует свои факто-творительную, право-творительную функции.

ЧЕЛОВЕК в ПРОЦЕССЕ, то есть «обвиняемый», «подозреваемый», «осужденный» и пр., имеет дело не с ГОСУДАРСТВОМ

* По-русски: «интересантов», или «каше-вароedов».

** Введенное нами понятие «**уголовное право-тут**» обозначает актуальное «уголовно-правовое средство воздействия», одновременно *дискретное* в проявлениях *ad hoc* и *перманентное* в плане общего публичного блага — приближения к идеальному состоянию «беспреступного».

(контрагентом в уголовно-правовом отношении, порожденным ПРЕСТУПЛЕНИЕМ), а с ансамблем радикально гетерогенных элементов: «субъектных» («следователь», «прокурор» и пр.), «объектных», «смысло-текстовых» (обвинение, факт, доказательство), ситуаций, в которых он вступает с ними в различные связи, взаимодействия, противостояния, отрицания-утверждения. Так происходит ПРОЦЕСС становления ПРАВА (УГОЛОВНОГО), в том числе в виде НАКАЗАНИЯ. Но и в случае оправдания, прекращения уголовного дела ПРОЦЕСС сохраняет актуальным уголовно-правовое до утраты обвинителем права на обвинение.

На основании вышеизложенного, надемся, проясняется наша главная идея о ПРОЦЕССЕ как необходимом условии и средстве бытия УГОЛОВНОГО ПРАВА. Итоговая формула: ГОСУДАРСТВО ПРАВО ПРОЦЕСС. Понимание сущности уголовного права, уголовно-процессуального права возможно только в единстве.

В этом проявляется сходство с испанской уголовно-правовой доктриной: «термины “преступление”, “наказание” и “процедура” строго дополняют друг друга и ни один из них не может быть исключен» [5, с. 12].

В данном случае диагностируется **философско-правовой уровень** конструируемого идеала «уголовно-правовое средство»: оно возможно только в ПРОЦЕССЕ. Дополняем классическую уголовно-правовую дихотомию ПРЕСТУПЛЕНИЕ-НАКАЗАНИЕ третьей составляющей – ПРОЦЕССОМ. Получается тройственный код: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОЦЕСС НАКАЗАНИЕ. Полагаем, через него надо раскодировать наш научный объект и идеал знания по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Добавим еще то, что «уголовно-исполнительное», с нашей точки зрения, в процессуальный феномен НАКАЗАНИЯ не входит. Разумеется, материальный, физический эффект НАКАЗАНИЯ в социуме, да и в физическом теле наказуемого, нельзя вполне игнорировать. Однако этот эффект выходит за рамки «онтоса» уголовно-правового. Это уже его «физис». Наша нацеленность проявляется в выявлении онтической природы НАКАЗАНИЯ как уголовно-правового воздействия. Как представляется, всту-

пления в силу обвинительного приговора суда достаточно для констатации сформированности основания уголовной ответственности и ее меры.

Таков философско-правовой аргумент в пользу притязания на господство в новом специалитете.

Подведем итоги.

ПРАВО процессуально. ПРОЦЕСС «творит» из текста закона ПРАВО. Посредством диалогового, конкурентного или согласительного, речевого взаимодействия заинтересованных в исходе дела субъектов – стейкхолдеров.

То, что материальное, уголовно-правовое средство творится ПРОЦЕССОМ, должно быть принято за аксиому во всех уголовно-правовых науках.

Процессуальный детерминизм существует объективно. Без него невозможно объяснение природы *результата применения уголовного закона*, а вместе с тем и цели «уголовного права», говоря по-старому – «уголовно-правового регулирования». Именно это мыслимое о цели и конечном результате уголовно-правового воздействия есть «идеал» научной специальности. Условно его можно назвать уголовно-правовым воздействием. Обозначаемый этим термином концепт теперь общий, а не отраслевой. Значит, «уголовно-правовое знание» об этом должно включать вклад процесса в возникновение феномена «средство уголовно-правового воздействия».

Отдельно говорить о концептах наибольшей степени теоретического, философского обобщения теперь не удастся. Уголовно-правовой идеал невозможно понимать изолированно, игнорируя уголовно-процессуальный контекст. Сейчас концептуальный уровень общий для наук уголовного права и уголовного процесса.

Методологически неверно объяснять закономерности действия уголовного закона или закона уголовно-процессуального по схеме «механизм регулирования», то есть как отдельные «механизм уголовно-правового регулирования» и «механизм уголовно-процессуального регулирования». Это ложные концепты, они не соответствуют действительности, которая является процессуальной. Надо отказаться от них как от лженаучных. Взамен необходимо выработать общий философско-правовой

концепт, в котором ключевой идеей должна быть идея о приоритете ПРОЦЕССА в становлении уголовно-правового средства.

Специалистам по уголовному праву нужна процессуальная «оптика» для того, чтобы лучше видеть свой специальный объект, его природу, перспективу его развития. В противном случае можно констатировать игнорирование эмпирического опыта — реальности правоприменения. Отсюда следует вывод о научной несостоятельности. Такой будет оценка игнорирования процесса партнерами по общей научной специальности.

Внутриотраслевой, юрпозитивистский подход к пониманию уголовно-правовых явлений высшего порядка методологически неправилен. Без признания фактора процессуализма любое уголовно-правовое знание, претендующее на философский, теоретический уровень, будет как минимум неполным, а по существу, искажающим реальность.

Поскольку именно благодаря процессу уголовно-правовое из «закона» превращается в реально-правовой инструмент, постольку науку уголовного процесса надо считать ведущей в научной специальности 5.1.4. Именно эта наука изучает и объясняет главную закономерность действия уголовного права.

Игнорирование объективной закономерности является грубой методологической ошибкой, имя которой «процессуальный нигилизм». В недопонимании важности ПРОЦЕССА заключается институциональная угроза научной специальности 5.1.4. Это признак низкой правовой культуры и научной несостоятельности на философско-правовом уровне.

Процессуальный нигилизм неприемлем в теоретико-философских рассуждениях о сущном по специальности. Он недопустим на уровне уголовной политики, стратегии развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Философский идеал новой уголовно-правовой науки состоит в определении природы идеального средства снятия зла — ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Наш ответ заключается в том, что его природа процессуальна.

Философия новой специальности должна включать не только философствование в рамках юрпозитивизма. Юрпозитивизм, разумеется, останется, но, как показывает опыт, философствование на его основе незначительное. Кроме концепта, изобретенного советскими учеными, ничего нового не появилось.

В связи с этим постклассическая философия не только как дополнение, но и как важнейший альтернативный подход должна составлять часть философско-правовой, но также и теоретико-методологической подосновы «уголовно-процессуально-правовой науки».

Наряду с юрпозитивистским подходом, нормативизмом должен получить признание неклассический философский подход к пониманию синтетических уголовно-правовых и уголовно-процессуальных феноменов.

Юрпозитивизм не объясняет цифровизацию уголовного права. Однако в свете процессуального детерминизма, в том числе через ПРОЦЕСС толкования как отбора (с помощью обучаемых машинных программ) прецедентов, предварительного конструирования «уголовно-правовой нормы» машинным способом, это можно делать.

Неклассический философско-правовой подход не получил развития в рамках научной специальности 12.00.08, его философско-правовая база свелась к догматике теории государства и права на уровне советского периода. В этом состоит отсталость наших партнеров.

Наше преимущество в переходе на новый, полагаем, более прогрессивный уровень понимания того идеала, к которому надо стремиться уголовно-правовой науке.

Поскольку именно в рамках науки уголовного процесса была создана на основе неклассики новая философия уголовного процесса и права, в то время как по научной специальности 12.00.08 официально в 2020 году признана философская пустота, постольку в данный момент в качестве философской основы для всей науки предлагается учение А.С. Александрова и И.А. Александровой.

Обсуждение этого предложения расширит кругозор современных ученых, «раздвинет» горизонт понимания феноменов уголовно-правового мира, повысит уровень правовой культуры, взаимно обогатит всех нас.

Список литературы

1. Александров А.С., Александрова И.А. Теоретико-методологическое значение науки уголовного процесса для остальных наук антикриминального цикла // Правовое государство: теория и практика. 2021. N 1 (63). С. 84-96.
2. Александров А.С., Александрова И.А. Процессуальная стратегия развития уголовного права в 21-ом веке // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф., 21-22 января 2021 г. Москва: МГЮА, 2021. С. 27-31.
3. Кибальник А.Г. Нужен ли новый «рецепт спасения» уголовно-права? Скорбные размышления о статье А.С. Александрова и А.И. Александровой // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. N 1 (53). С. 100-105.
4. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту: Тартуский ун-т, 1991. 148 с.
5. Барабанов П.К. Уголовный процесс Испании. Москва: Спутник+, 2021. 382 с.
6. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. Москва, 1899. Т. 1. 554 с.
7. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 339 с.
8. Лопашенко Н.А. Уголовно-правовое воздействие в современной России: цифры, факты, парадоксы и иллюстрации: выступление в рамках III Саратовских уголовно-правовых чтений: Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (29-30 марта 2018 г.). URL: <https://www.iuaj.net/node/2473> (дата обращения: 5 дек. 2021 г.).
9. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. Нижний Новгород: Нижегородский юрид. ин-т МВД России, 1997. 209 с.
10. Бочкарев С.А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. 63 с.
11. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 650 с.
12. Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И.Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. 688 с.
13. Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики // Следователь. 2011. N 3. С. 44-47.
14. Рождественский Ю.В. Теория риторики. Москва: Добросвет, 1997. 597 с.
15. Александров А.С. Как-то так сказал Александров (об уголовном процессе, о науке уголовного процесса, правоведении и «ваще») // Острые углы уголовного судопроизводства: альманах / Нижегородская (Томинская) научная школа процессуалистов; науч. ред. М.П. Поляков. Нижний Новгород, 2020. N 2. С. 282-285.

References

1. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Theoretical and methodological significance of the science of criminal procedure for other sciences of the anti-criminal cycle. Legal state: theory and practice, 2021, no. 1 (63), pp. 84-96. (In Russ.).
2. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Procedural strategy for the development of criminal law in the 21st century. Criminal law: development strategy in the 21st century. Moscow, Moscow State Law Academy, 2021. Pp. 27-31. (In Russ.).
3. Kibal'nik A.G. Is there a need for a new "recipe for salvation" of criminal law? Mournful reflections on the article by A.S. Alexandrov and A.I. Alexandrova. Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 1 (53), pp. 100-105. (In Russ.).
4. Mizulina E.B. Criminal procedure: the concept of self-restraint of the state. Tartu, University of Tartu, 1991. 148 p. (In Russ.).
5. Barabanov P.K. Criminal procedure in Spain. Moscow, Sputnik+ Publ., 2021. 382 p. (In Russ.).
6. Murav'ev N.V. Prosecutor's supervision in its structure and activity: a guide for the prosecutor's service. Moscow, 1899. Vol. 1. 554 p. (In Russ.).
7. Lopashenko N.A. The basics of criminal law impact: criminal law, criminal law, criminal law policy. St. Petersburg, Yuridicheskij tsentr Press Publ., 2004. 339 p. (In Russ.).
8. Lopashenko N.A. Criminal law impact in modern Russia: figures, facts, paradoxes and illustrations: Speech at the III Saratov Criminal Law Readings: Criminal Law impact and its role in crime prevention (29-30 March 2018). Available at: <https://www.iuaj.net/node/2473> (Accessed 5 December 2021). (In Russ.).
9. Aleksandrov A.S. Dispositiveness in criminal proceedings. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997. 209 p. (In Russ.).

10. Bochkarev S.A. Theoretical and methodological study of criminal law as a system of scientific knowledge. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2020. 63 p. (In Russ.).
11. Aleksandrov A.S. The language of criminal proceedings. Doct. Diss. Nizhny Novgorod, 2003. 650 p. (In Russ.).
12. Chestnov I.L. (ed.). Postclassical ontology of law. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2016. 688 p. (In Russ.).
13. Aleksandrov A.S. Seven deadly sins of modern criminalistics. Investigator, 2011, no. 3, pp. 44-47. (In Russ.).
14. Rozhdestvensky Yu.V. Theory of rhetoric. Moscow, Dobrosvet Publ., 1997. 597 p. (In Russ.).
15. Aleksandrov A.S. Somehow Aleksandrov said (about the criminal process, about the science of criminal procedure, jurisprudence and "finally"). Sharp corners of criminal proceedings: almanac. Nizhny Novgorod, 2020, no. 2, pp. 282-285. (In Russ.).

Раздел 2. Административная деликтология

ГУСЕВ В.А., GUSEV V.A.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences, associate
GusevVA@mail.ru professor,
Омская академия GusevVA@mail.ru
Министерства внутренних дел Omsk Academy of the Ministry of the Interior
Российской Федерации, of the Russian Federation,
644092, г. Омск, просп. Комарова, 7 Komarova Ave. 7,
Omsk, 644092,
Russian Federation

ДЕРЮГА А.Н., DERYUGA A.N.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences, associate professor,
derjuga@mail.ru derjuga@mail.ru
Кафедра государственно-правовых Chair of state and legal disciplines;
дисциплин; Far Eastern Branch
Дальневосточный филиал of the Russian State University of Justice,
Российского государственного Vostochnoe Highway 49,
университета правосудия, Khabarovsk, 680014;
680014, г. Хабаровск, Chair of administrative law
Восточное шоссе, 49; and administrative activities
Кафедра административного права; of the internal affairs bodies;
Дальневосточный юридический институт Far Eastern Law Institute
Министерства внутренних дел of the Ministry of the Interior
Российской Федерации, of the Russian Federation,
680020, г. Хабаровск, Kazarmenny Lane 15,
пер. Казарменный, 15 Khabarovsk, 680020,
Russian Federation

Причины снижения эффективности административного наказания

Аннотация. Несмотря на множество вынесенных постановлений об административных наказаниях, количество соответствующих правонарушений продолжает расти. В статье на основе анализа действующего законодательства устанавливаются причины низкой эффективности административного наказания. Обосновывается, что включение в КоАП РФ норм, позволяющих сокращать объем реализации стадий производства по делам об административных правонарушениях, уже сегодня ведет к их полной функциональной нейтрализации по отдельным видам административных проступков. Сохранение таких тенденций может привести к полному отказу от взаимодействия между правоохранительными органами и административными делинквентами, к замене достаточно трудоемкой функции наложения административного наказания на обязательные сборы. Сделан вывод о том, что в этом случае будут существенно разгружены правоохранительные органы, однако станет невозможным осуществление прямой профилактической функции в отношении правонарушителей.

Ключевые слова: административное правонарушение; административное наказание; административная деликтология; административная пенология; административно-юрисдикционное производство.

Для цитирования: Гусев В.А., Дерюга А.Н. Причины снижения эффективности административного наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 20-25.

The reasons for reducing the effectiveness of administrative punishment

Annotation. Despite many administrative penalties issued, the number of administrative offences continues to grow. Having analyzed the current legislation, the authors of the article establish the

reasons for reducing the effectiveness of administrative punishment. It is substantiated that enshrining the norms that make it possible to reduce the scope of implementation of the stages of administrative proceedings in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation already now leads to their complete functional neutralization for certain types of administrative offences. If present trends continue to stay relevant, this can lead to a complete rejection of interaction between law enforcement agencies and administrative delinquents, as well as to replacing rather laborious function of imposing administrative penalty with mandatory fees. It is concluded that such situation will significantly reduce the volume of work done by law enforcement agencies, but will lead to the impossibility of carrying out direct preventive actions concerning the offenders.

Keywords: administrative offence; administrative punishment; administrative delictology; administrative penology; administrative proceedings.

For citation: Gusev V.A., Deryuga A.N. The reasons for reducing the effectiveness of administrative punishment // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 20-25.

Административное наказание, как и любой другой вид юридического принуждения, применяемого за правонарушение, нацелено на недопущение будущего негативного поведения физического или юридического лица [1]. Сначала это достигается путем устрашения. Опасение неминуемой расплаты за вновь совершенное административное правонарушение, сформированное на основе прошлого негативного опыта, ограничивает свободу поведения субъекта права. Нахождение в таком состоянии на протяжении длительного периода времени формирует либо привычку правомерного поведения, либо латентно-маргинальный тип поведения.

Возникновение устойчивой привычки правомерного поведения основано на понимании человеком сначала противоправности своего прошлого поведения, затем на представлении о возможных его опасных последствиях для себя и окружающих, и наоборот, о возможных позитивных перспективах, образуемых в результате правомерного поведения всеми субъектами права в той или иной сфере. Наивысшим результатом такого процесса является сформированная внутренняя потребность поддерживать желаемое поведение не только в себе, но и в окружающих. Этот феномен является фундаментом социального контроля как наиболее эффективной силы поддержания правопорядка в любом сообществе.

В свою очередь, латентно-маргинальный тип поведения индивида порождается естественными и поэтому более разнообразными причинами. Естественные причины связаны с желанием человека максимально эффективно (с наименьшими за-

тратами) добиться нужного ему результата любым относительно безопасным способом. Разнообразны они потому, что не привязаны к шаблонам правомерного поведения и формируются случайным стечением обстоятельств. Нередко результатом такого поведения является множество мелких и поэтому достаточно долго скрывааемых нарушений, которые тем не менее способны в любой момент, непредсказуемо и часто по независящим от правонарушителя причинам проявиться в общественно опасных последствиях. Примером может служить длительное несоблюдение, казалось бы, незначительных правил дорожного движения или правил пожарной безопасности, которое в силу стечения негативных обстоятельств однажды повлечет тяжкий вред здоровью или гибель человека.

Склонность к дальнейшему совершению административных правонарушений нередко формируется в результате чрезмерно мягких административных наказаний или невозможности их применить. В частности, привлечение к административной ответственности граждан, имеющих высокий уровень дохода, и применение к ним небольших по размеру административных штрафов формирует у них пренебрежительное отношение к закону. Другим примером является автоматическая фиксация нарушений правил дорожного движения, совершаемых водителем транспортного средства, собственника которого наказать сложно или невозможно (гражданин, находящийся за пределами Российской Федерации, без постоянного места жительства и официального источника дохода, без вести пропавшее или ограниченно дееспособное лицо и т.д.).

Очевидно, что длительная безнаказанность формирует ложное чувство вседозволенности, часто приводит к более грубым нарушениям правил.

Поверхностный анализ указанных негативных факторов, продуцирующих противоправное поведение, может создать впечатление, что они объективно присущи общественному поведению и поэтому неустранимы. Однако, на наш взгляд, не следует делать поспешных выводов. Прежде всего, полагаем, что необходимо ответить на вопрос о том, почему у одних граждан, претерпевших административное наказание, сформировалось устойчивое законопослушное поведение или по крайней мере уважительное отношение к закону, а у других — нет.

В условиях действия юридической аксиомы, установленной в ст. 3.1 КоАП РФ, этот вопрос является особенно острым. Действительно, однажды или неоднократно примененное административное наказание в отношении одного и того же административного делинквента, далеко не всегда предупреждает совершение им новых административных правонарушений. Особенно наглядно это проявляется в систематическом нарушении правил дорожного движения практически всеми его участниками. Возникают сомнения в правильности юридической аксиомы. По нашему мнению, профилактическая формула административного взыскания верна, поскольку административное наказание, как и другие виды наказаний, действительно нацелено на формирование должного поведения как у конкретного индивида, так и у определенной социальной группы.

Другой аспект этого вопроса: как «рождается» административное наказание, а точнее, в каких формах оно возникает. В случае применения административного наказания ответ кажется очевидным: это всегда письменная форма — постановление по делу об административном правонарушении, содержащее обязательное для исполнения принудительное требование. Все верно, но не следует забывать о человеке — важнейшем сущностном элементе процесса наложения административного наказания, который в законе явно не проявляется. Нельзя отрицать тот факт, что административная ответственность

устанавливается людьми и применяется ими по поводу противоправных действий других людей и в их отношении.

Это означает, что административное наказание неразрывно связано с человеком, коммуникацией между людьми, а значит, с тесным взаимодействием наказывающих и наказываемых лиц. Анализ современных юридических технологий выявления административных правонарушений, процессуальных действий по закреплению соответствующей доказательной базы, а также процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях и принятия по ним решений показывает, что это происходит не всегда.

Во-первых, это связано с появлением и развитием дистанционных методов видео-, фото- и аудиофиксации окружающей действительности. Еще в недалеком прошлом административные правонарушения выявлялись исключительно «живым» способом, то есть в результате непосредственного контакта, возникающего между субъектом правоохранительной деятельности и правонарушителем.

В последнее время значительная часть административных правонарушений (например, предусмотренных ст.ст. 1.5, ч. 4.1 ст. 28.2, чч. 3, 4 ст. 28.6, ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ) устанавливается с помощью средств их автоматической фиксации. Пока это касается некоторых видов административных правонарушений, например совершаемых в сфере безопасности дорожного движения или благоустройства мест проживания граждан. Однако, учитывая технологический прогресс, расширение указанных возможностей в будущем очевидно. В таких условиях правоотношения между субъектами правоохраны и нарушителем, связанные с привлечением к административной ответственности, возникают опосредованно, что существенно снижает предупредительный эффект и не имеет воспитательного эффекта ввиду отсутствия личного контакта между сторонами инцидента.

Более того, в условиях отсутствия прямых законодательных установок на осуществление воспитательной функции при производстве по делу об административном правонарушении нет каких-либо сдерживающих сил, сохраняющих и под-

держивающих вербальную коммуникацию между правоприменителем и правонарушителем. В результате этого правовое регулирование производства по делам об административных правонарушениях стало меняться, максимально упрощая контакт между указанными выше субъектами. В настоящее время законодательство не исключает возможность возбуждения дела об административном правонарушении, расследования и принятия по нему решения без участия лица, привлекаемого к административной ответственности.

Таким образом, административное наказание как вид и мера государственного принуждения осталось единственной формой и методом воспитательного воздействия. Статистика административных правонарушений последних лет* свидетельствует о том, что административное наказание самостоятельно, без участия судей, должностных лиц и коллективных органов административной юрисдикции, не способно изменить поведение административного делинквента на устойчивое правомерное, а также сформировать у него уважительное отношение к закону и правоприменителю.

Во-вторых, упрощение процесса привлечения к административной ответственности также вызвано интересами правоохранительных органов. Прежде всего, решается важная задача — противодействие коррупции. Минимизация или абсолютное исключение непосредственного контакта между правоприменителем и правонарушителем максимально снижает угрозу возникновения коррупционных отношений. Беспристрастный автоматизированный формат наложения штрафных санкций полностью исключает возможность заключения противоправной сделки между людьми.

В то же время оптимизация штатной численности правоохранительных органов, как правило, связанная с ее сокращением, увеличивает служебную нагрузку на сохранившиеся штатные единицы. При этом, несмотря на установленные в норматив-

ных актах принципы оценки эффективности правоохранительной деятельности, традиционно сохраняется «палочно-рейтинговая» система учета: чем больше количество выявленных административных правонарушений, рассмотренных дел по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, тем более эффективно работает та или иная правоприменительная служба и судебные органы. В результате подготовленных отчетов о проделанной работе, формирования соответствующей статистики указанные выше органы в очередной раз доказывают необходимость своего существования и, соответственно, бюджетного финансирования.

Именно поэтому упрощенный административный процесс наложения наказания и фактически автоматизированный формат его исполнения позволяют в разы увеличить количество административных материалов. В то же время достичь таких показателей оформлением постановлений и протоколов «вручную» не представляется возможным.

В-третьих, дистанционные цифровые технологии глубоко проникли в сферу исполнения отдельных видов административных наказаний. В первую очередь, это касается административного штрафа как наиболее часто налагаемого административного наказания.

В настоящее время добровольное исполнение наказания в виде административного штрафа упрощено настолько, что стало похоже на оплату бытовых услуг. Банкоматы, различные электронные сервисы и мобильные приложения дают возможность комфортно оплачивать административный штраф. Безусловно, для решения задачи собираемости штрафов в кратчайшие сроки это очень удобная форма взаимодействия с общественностью, которая эффективно способствует пополнению соответствующего бюджета. Однако вызывает сомнения то, что такое действие способно повлиять на сознание административного делинквента. С превентивной точки зрения этот способ исполнения административного наказания нельзя назвать удачным, способным изменить поведение потенциального правонарушителя. Такой упрощенный и комфортный механизм административных отношений как минимум

* По имеющимся у авторов данным, только в системе МВД России ежегодно регистрируется около 150 млн административных правонарушений.

формирует представление об административном наказании (а вместе с этим и об административном правонарушении), как о чем-то обыденном, рядовом, а значит, не требующем общественного порицания, недопущения совершения противоправных деяний впредь.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимы административно-деликтологические исследования, объектом которых должны стать законопослушные граждане. Прежде всего, представляет научный интерес то, как на их правосознание влияют обозначения сервисов оплаты административных штрафов среди нужных им операций в банкоматах или на интернет-сайтах. Рабочей гипотезой такого исследования может стать «смягчение критического взгляда на противоправное поведение других лиц, допущение неизбежности незначительных правонарушений». В случае подтверждения этой догадки можно с уверенностью говорить об увеличении «армии» потенциальных административных делинквентов.

В-четвертых, эффективно апробированы и используются рыночные механизмы – оплата штрафа в определенный временной период позволяет нарушителю получить скидку. Полагаем, что именно этот маркетинговый прием был позаимствован при внесении в административное законодательство изменений и дополнений, касающихся снижения размера оплаты административного штрафа наполовину от установленного размера в постановлении по делу об административном правонарушении. Это возможно при условии добровольного исполнения назначенного административного наказания по большинству юридических составов в главах 12 и 15 КоАП РФ и частично в главах 5, 14 и 19 КоАП РФ в течение двадцати дней с момента вступления в силу соответствующего решения (см. ч. 1.3 и ч. 1.3.1 ст. 32.2 КоАП РФ).

На первый взгляд, данное нормативное положение носит позитивный характер и мотивирует нарушителя добровольно исполнить административное наказание. Однако никакая предупредительная функция при этом не реализуется, так как не установлены какие-либо обязательные условия оперативного исполнения административного наказания. При этом, если лицо будет

и дальше совершать аналогичные административные правонарушения, то механизм уплаты административного штрафа останется прежним.

Кроме того, оперативно уплаченный административный штраф, безусловно, не отменяет право на его обжалование, но данное обстоятельство существенно снижает вероятность активации этой стадии административно-юрисдикционного процесса до исполнения постановления об административном наказании. В этом смысле в случае проведения специального исследования гипотеза о том, что быстро оплаченная половина административного штрафа не стимулирует дальнейшее критичное отношение наказанного к качеству проведенного административно-юрисдикционного процесса, вероятнее всего, подтвердится. Таким образом, представляется, что такой льготный механизм оплаты административного штрафа стимулирует не только добровольное, но и беспорочное исполнение постановления об административном наказании. В свою очередь, это создает питательную среду для менее профессиональных решений и действий должностных лиц правоохранительных органов, формального и даже халатного подхода к исполнению ими законодательных предписаний, формирования чувства безнаказанности за недобросовестное исполнение служебных обязанностей.

Но ключевым по своему негативно-му эффекту является то, что у правоприменителя и правонарушителя развивается устойчивое отношение к соответствующим административным правонарушениям как к услуге, которая продается и покупается с 50-процентной скидкой. В общественном сознании формируется восприятие быстрой оплаты штрафа как перманентного состояния «черной пятницы» на рынке государственных услуг. В результате в адекватном восприятии гражданами огромного количества рекламных объявлений стирается грань между приобретением товара, уплатой жилищно-коммунальных услуг и исполнением административного наказания. Уже сегодня можно оформить автоплатеж за штрафы ГИБДД, а по окончании месяца мобильное приложение подсчитает экономический эффект от льготной оплаты.

При сохранении указанной тенденции можно прогнозировать появление в дальнейшем специальных банковских счетов, обязательных для физических лиц, с которых в случае совершения ими административных правонарушений будут списываться денежные средства в автоматическом режиме. Следствием этого может стать полная ликвидация административного производства по делам с формальными составами правонарушений, осуществляемого во внесудебном порядке, в современном понимании, а его итог — административное наказание — преобразуется в еще один вид обязательного сбора.

В заключение необходимо подчеркнуть, что современные юридические и цифровые технологии существенно упро-

щают процесс привлечения к административной ответственности и добровольного исполнения наложенного административного наказания, но при этом значительно снижают его профилактическую эффективность и отрицательно влияют на общественное восприятие отклоняющегося поведения. Полагаем, что перед научным сообществом стоит крайне актуальная задача изучения этого феномена, результаты которого должны быть адекватно восприняты законодателем и реализованы в конкретных нормативных предписаниях. В ином случае следует ожидать дальнейшего разрушения системы административных наказаний и выхода на новый уровень «услуго-денежных» отношений между государством и гражданином.

Список литературы

1. Максимов И.В. Административные наказания. Москва: Норма, 2009. 463 с.

References

1. Maksimov I.V. Administrative penalties. Moscow, Norma Publ., 2009. 463 p. (In Russ.).

Раздел 3. Уголовный закон

КОРЕННАЯ А.А., кандидат юридических наук, доцент, lawer_ann@mail.ru Кафедра уголовного права и криминологии; Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, просп. Ленина, 68	KORENNAYA A.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, lawer_ann@mail.ru Chair of criminal law and criminology; Altai State University, Lenina Ave. 68, Barnaul, 656049, Russian Federation
---	--

Квалификация отчуждения имущества при совершении неправомерных действий при банкротстве (часть 1 статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации)

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос определения содержания отчуждения имущества как одного из видов неправомерных действий, ответственность за которые установлена частью 1 статьи 195 УК РФ. На основе комплексного анализа положений уголовного и гражданского законодательства автор определяет перечень деяний, которые необходимо квалифицировать по части 1 статьи 195 УК РФ. В перечень подобных деяний следует включать не только сделки, но и иные действия, не являющиеся сделками в строгом смысле этого понятия, однако влекущие правовые последствия. Предлагается определять момент окончания неправомерных действий при банкротстве в зависимости от способа выполнения таких действий. Изложен авторский подход к установлению критериев разграничения неправомерных действий при банкротстве (часть 1 статьи 195 УК РФ) и мошенничества (статья 159 УК РФ) по объективным признакам, систематизированы критерии разграничения рассматриваемых преступлений по признакам субъективной стороны.

Ключевые слова: банкротство; неправомерные действия при банкротстве; мошенничество; имущественное право; юридически значимые действия.

Для цитирования: Коренная А.А. Квалификация отчуждения имущества при совершении неправомерных действий при банкротстве (часть 1 статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 26-33.

Qualification of alienation of property when committing illegal actions during bankruptcy (Part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Annotation. The issue of establishing the content of the alienation of property as one of the types of illegal actions, the responsibility for which is provided by Part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation, is analyzed in the article. Having conducted the comprehensive analysis of the provisions of criminal and civil legislation, the author of the article determines the list of acts that must be qualified under Part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation. The list of such acts should include not only transactions, but also other actions that entail legal consequences, but which are not transactions in the strict sense of this concept. It is proposed to determine the moment of termination of illegal actions during bankruptcy, depending on the method of performing such actions. The author's approach to the establishment of the criteria for distinguishing illegal actions during bankruptcy (Part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation) and fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) by objective factors is presented. The criteria for distinguishing the analyzed crimes by subjective factors are systematized.

Keywords: bankruptcy; illegal actions during bankruptcy; fraud committed during bankruptcy; property law; legally significant actions.

For citation: Korennaya A.A. Qualification of alienation of property when committing illegal actions during bankruptcy (Part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 26-33.

Правовой институт несостоятельности (банкротства) — один из наиболее действенных легальных способов перераспределения собственности. В связи с этим правовые механизмы, регулирующие несостоятельность (банкротство), могут быть использованы как эффективные инструменты в руках недобросовестных участников экономического оборота, действующих в корыстных интересах. Как следствие, охранительные правовые регуляторы приобретают особое значение для обеспечения стабильности экономической системы. В настоящее время уголовно-правовая охрана отношений несостоятельности (банкротства) осуществляется тремя самостоятельными правовыми нормами — ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство», ст. 197 «Фиктивное банкротство».

Статья 195 УК РФ является одной из наиболее сложных для квалификации в правоприменительной практике: в диспозиции нормы перечислено десять самостоятельных деяний, образующих состав неправомерных действий, и семь видов предметов, относящихся к преступному деянию. По содержанию деяния, относящиеся к неправомерным действиям при банкротстве, объединяет направленность на уменьшение активов должника или создание видимости такого уменьшения.

Принципиально соглашаясь с авторами, указывающими, что перечисленные в диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ деяния перекрещиваются друг с другом и их строгое разграничение бессмысленно и, более того, невозможно [1, с. 170], полагаем необходимым точное установление содержания и объема уголовно наказуемых деяний. При рассмотрении уголовного дела и вынесении приговора суд в описательно-мотивировочной части обязан раскрыть содержание преступного деяния с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления*. Соответственно, установление формы выполнения объек-

тивной стороны неправомерных действий при банкротстве является обязательным.

На первом этапе квалификации неправомерных действий при банкротстве, выполненных в форме отчуждения, необходимо определить, что следует понимать под отчуждением имущества. Отчуждение — понятие гражданско-правовое, для установления его содержания необходимо обратиться к нормам гражданского законодательства. Согласно части первой ГК РФ (ст.ст. 8.1, 129, 209, 218, 223, 224, 235) отчуждение — это надлежащим образом оформленная передача одним лицом права на вещь или на имущественное право. Результатом отчуждения является утрата предшествующим обладателем своего права и возникновение аналогичного права у третьего лица, то есть переход права. Таким образом, отчуждение всегда предполагает переход права, то есть наступление юридически значимых последствий.

Соответственно, оно может совершаться в форме юридически значимых действий, в результате которых происходит возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений, то есть в форме сделок (ст. 153 ГК РФ), а также в форме юридически значимых действий, поименованных в законодательстве о банкротстве. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 61.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) в ходе процедуры банкротства могут быть оспорены не только сделки должника, но и иные действия, не являющиеся сделками в понимании ст. 153 ГК РФ, в частности, действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей в соответствии с гражданским, трудовым, семейным законодательством, законодательством о налогах и сборах, таможенным законодательством, а также целый ряд иных действий**.

К действиям, подлежащим оспариванию в процедуре банкротства, относятся: действия, являющиеся исполнением

* О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2016 г. N 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. N 1.

** О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. N 127-ФЗ: ред. от 2 июля 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 43. Ст. 4190; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

гражданско-правовых обязательств (в том числе наличный или безналичный платеж должником денежного долга кредитору, передача должником иного имущества в собственность кредитора), или иные действия, направленные на прекращение обязательств (заявление о зачете, соглашение о новации, предоставление отступного и т.п.); банковские операции, в том числе списание банком денежных средств со счета клиента банка в счет погашения задолженности клиента перед банком или другими лицами (как безакцептное, так и на основании распоряжения клиента); выплата заработной платы, в том числе премии; брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов; уплата налогов, сборов и таможенных платежей как самим плательщиком, так и путем списания денежных средств со счета плательщика по поручению соответствующего государственного органа; действия по исполнению судебного акта, в том числе определения об утверждении мирового соглашения; перечисление взыскателю в исполнительном производстве денежных средств, вырученных от реализации имущества должника*.

В связи с тем, что законодательство о банкротстве дифференцирует способы отчуждения имущества на сделки и действия, полагаем, что неправомерные действия при банкротстве в форме отчуждения имущества могут быть совершены как путем сделки, так и посредством действия, указанного в законодательстве о банкротстве, в настоящее время – в ст. 61.1 Закона о банкротстве. Определяющим значением для квалификации действия по отчуждению имущества по ч. 1 ст. 195 УК РФ является утрата должником юридических прав на имущество, которое может быть включено в конкурсную массу либо за счет которого могут быть оплачены текущие платежи.

В отличие от юридического сокрытия, совершаемого путем заключения мнимой

сделки (п. 1 ст. 170 ГК РФ), при отчуждении сделка, в результате которой право на имущество переходит к третьему лицу, направлена на возникновение правовых последствий. Соответственно, у такой сделки отсутствуют признаки мнимости. Указанное не исключает недействительность сделки по отчуждению имущества по иному основанию, нежели мнимость. В частности, сделки и действия по отчуждению имущества могут быть признаны недействительными по правилам главы III.1 Закона о банкротстве. Не исключена возможность оспаривания сделок в рамках общих норм о недействительности сделок части первой ГК РФ.

Таким образом, отчуждение имущества представляет собой заключение сделки или совершение юридически значимых действий, перечисленных в Законе о банкротстве, направленных на возникновение правовых последствий в виде утраты права должником и возникновения аналогичного права у третьего лица.

Предметом сокрытия в соответствии с действующей редакцией ч. 1 ст. 195 УК РФ может быть только имущество. Уголовная ответственность за отчуждение имущества в уголовном законе не установлена. В гражданском законодательстве прямо предусмотрена возможность отчуждения не только имущества, но и имущественных прав. Отчуждение имущественного права возможно, например, по договору уступки прав требования (ст. 382, ст.ст. 388-390 ГК РФ).

Возможно отчуждение и права на товарный знак, который, безусловно, нельзя рассматривать в качестве имущества. Товарный знак – это объект интеллектуальной собственности, представляющий собой обозначение, служащее для индивидуализации товаров (ч. 1 ст. 1225, ч. 1 ст. 1477 ГК РФ), исключительным правом на который правообладатель вправе распорядиться любым не противоречащим закону способом, в том числе путем его отчуждения (ч. 1 ст. 1484 ГК РФ). Договор об отчуждении исключительного права на товарный знак представляет собой сделку, по которой правообладатель передает или обязуется передать в полном объеме принадлежащее ему исключительное право

* О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 дек. 2010 г. N 63; ред. от 30 июля 2013 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. N 3; 2013. N 10.

на соответствующий товарный знак приобретателю исключительного права.

Отсутствие указания на имущественное право как на предмет отчуждения при совершении уголовно наказуемых неправомерных действий, по нашему мнению, является законодательным пробелом. Имущественное право обладает материальной ценностью, может быть включено в конкурсную массу, за счет реализации имущественного права могут быть погашены требования кредиторов или осуществлены обязательные платежи в рамках дела о банкротстве. Имущественное право должно быть признано предметом отчуждения при совершении неправомерных действий при банкротстве в том случае, если оно является действительным активом, который подлежит реализации для соразмерного удовлетворения требований кредиторов несостоятельного арендатора. Данная правовая позиция изложена в п. 44 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 г.*, и нашла свое отражение в правоприменительной практике**.

При квалификации отчуждения имущества момент окончания преступления необходимо определять следующим образом:

1) если отчуждение имущества опосредуется заключением реальной сделки, по которой для возникновения прав и обязанностей, помимо соглашения сторон, необходим дополнительный юридический факт — передача одним субъектом другому денег или иных вещей либо совершение определенного действия, то преступление считается оконченным с момента фактической передачи имущества. К числу реальных договоров относятся, в частности, договор перевозки грузов, договор банковского вклада, договор доверительного управления имуществом. В подобных сделках передача вещи есть не исполне-

ние договора, а его заключение, и это обуславливает определение момента окончания преступления;

2) при заключении консенсуальной сделки, то есть сделки, которая считается заключенной с момента достижения соглашения в требуемой законом форме, преступление признается оконченным с момента заключения сделки, то есть достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям в требуемой законом форме. Большинство сделок являются консенсуальными (договор купли-продажи, аренды, подряда, оказания услуг, поручения, комиссии). Консенсуальная сделка порождает между сторонами обязательственное правоотношение, и все дальнейшие действия сторон, даже если они совершаются в тот же самый момент, представляют собой исполнение заключенной сделки [2, с. 59];

3) при заключении сделки, которая по своей правовой природе может быть как реальной, так и консенсуальной, в зависимости от содержания договора, преступление признается оконченным альтернативно в зависимости от вида сделки — с момента ее заключения либо с момента передачи имущества;

4) при совершении юридически значимых действий, поименованных в ч. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве, преступление признается оконченным с момента фактического совершения действий, в результате которых имущество выбывает из юридического обладания должника.

Дальнейшее признание сделки недействительной в рамках рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве) в арбитражном суде значения для квалификации содеянного как оконченного преступления не имеет.

У отчуждения имущества при банкротстве есть общие черты с мошенничеством, в связи с чем действия лица неверно квалифицируются по ст. 159 УК РФ, предусматривающей более строгое наказание.

В науке уголовного права предложены следующие критерии разграничения неправомерных действий при банкротстве в форме отчуждения (ч. 1 ст. 195 УК РФ) и мошенничества (ст. 159 УК РФ):

1) деяния разграничиваются по субъективной стороне, а именно по намерени-

* Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. N 8.

** Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 сент. 2016 г. по делу N 309-ЭС16-4636, А60-37449/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ям лица, совершающего мошенничество и неправомерные действия при банкротстве. При совершении неправомерных действий обман направлен не на завладение имуществом, а, наоборот, на «избавление» от него [3, с. 101]. Также указывается, что момент возникновения умысла для этих составов преступлений различается: в том случае, если умысел на завладение имуществом несостоятельного должника возникает до момента отчуждения имущества, то деяния следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ; если такой умысел возник уже после отчуждения имущества, то деяния следует квалифицировать по ч. 1 ст. 195 УК РФ [4, с. 42].

По нашему мнению, при отграничении по субъективной стороне неправомерных действий при банкротстве в форме отчуждения имущества от мошенничества необходимо исходить из следующего: при совершении мошенничества умысел лица направлен на хищение, то есть на противоправное безвозмездное обращение имущества в свою пользу или в пользу третьих лиц. В случае совершения неправомерных действий при банкротстве виновный не намеревается обратить имущество в свою пользу. Цель совершения неправомерных действий при банкротстве — недопущение включения имущества в конкурсную массу либо использования его в процессе хозяйственной деятельности в целях восстановления платежеспособности должника и, как следствие, обращения на него взыскания.

На практике доказывание умысла представляет наибольшую сложность. Полагаем, что для выяснения истинного умысла лица необходимо установить следующие обстоятельства:

- является ли лицо, которое приобрело имущество, аффилированным с лицом, совершившим отчуждение имущества (руководителем организации, физическим лицом и т.д.);

- является ли использование приобретенного имущества экономически целесообразным для его приобретателя, а равно имеется ли у приобретателя право на использование такого имущества;

- в чьем фактическом владении находится отчужденное имущество, используется ли указанное имущество по назначению его приобретателем;

- соответствует ли стоимость отчуждения имущества рыночной стоимости аналогичного имущества;

- произведена ли реальная оплата или предоставлено соразмерное встречное исполнение по договору отчуждения.

Указанные критерии разграничения мошенничества и неправомерных действий при банкротстве могут применяться как в целом (совокупность), так и по отдельности.

Как мошенничество следует квалифицировать отчуждение имущества аффилированному лицу, а также отчуждение имущества, совершенное при отсутствии экономической целесообразности, отсутствии соразмерного встречного исполнения;

2) по объективной стороне рассматриваемые деяния предложено разграничивать, исходя из следующего: в мошенничестве обман и злоупотребление доверием выступают средством завладения имуществом потерпевшего. Потерпевший, будучи введенным в заблуждение, считает, что передает имущество виновному добровольно. В случае мошенничества ущерб причиняется собственнику, а в случае совершения неправомерных действий при банкротстве — кредиторам или государству в лице уполномоченных органов [5, с. 187].

По нашему мнению, при банкротстве ущерб может быть причинен не только кредиторам и государству, но и самому собственнику. Процедура банкротства имеет своей целью максимально полное удовлетворение требований кредиторов, что возможно не только путем реализации имущества такого должника и пропорционального распределения полученных денежных средств, но и, в первую очередь, путем восстановления платежеспособности. Отчуждение имущества в преддверии банкротства или при банкротстве может привести, в частности, к невозможности восстановления платежеспособности, что причинит ущерб собственнику отчужденного имущества. Указанное, безусловно, применимо только к юридическим лицам, когда должник и лицо, отчуждающие имущество (руководитель, иное контролирующее должника лицо и т.д.), являются самостоятельными хозяйствующими субъектами.

Представляется, что при совершении неправомερных действий при банкротстве обман не является способом выполнения объективной стороны. В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение*.

При отчуждении имущества подобный обман отсутствует: виновное лицо заключает сделку или совершает действия, в результате которых имущество выбывает из юридического обладания должника. При отчуждении имущества информация о совершении такого действия от арбитражного управляющего и уполномоченных лиц не скрывается, вероятнее, наоборот — сообщается о том, что имущество более должнику не принадлежит. Заключаемая при отчуждении сделка имеет своей целью создать вполне понятные правовые последствия — переход права от одного лица к другому. Если при отчуждении имущества при наличии признаков банкротства либо при банкротстве лицо обращает имущество в свою пользу, то деяния следует квалифицировать по соответствующей части ст. 159 УК РФ.

Отчуждение имущества при банкротстве, ответственность, за которое установлена частью 1 ст. 195 УК РФ, следует разграничивать с неправомерным удовлетворением требований кредиторов (ч. 2

ст. 195 УК РФ). Неправомерное удовлетворение требований кредиторов, по нашему мнению, является частным случаем отчуждения имущества.

Неправомерное удовлетворение требований кредиторов возможно в двух случаях:

1) до введения процедуры банкротства при наличии у должника признаков банкротства. На этом этапе реестр требований кредиторов еще не сформирован. Однако из буквального содержания ч. 2 ст. 195 УК РФ следует, что преступление совершается при наличии признаков банкротства. Такие признаки определены в п. 2 ст. 3 Закона о банкротстве, они не связаны с введением в отношении должника какой-либо процедуры, применяемой в деле о банкротстве, а относятся к экономической стороне несостоятельности. В связи с этим препятствия для привлечения к уголовной ответственности за неправомерное удовлетворение требований кредиторов, совершенных до введения процедуры банкротства, нет.

В науке уголовного права установление обстановки совершения неправомερных действий при банкротстве относится к дискуссионным вопросам. Большинство исследователей при характеристике обстановки совершения преступления используют презумпцию, закрепленную в ст. 3 Закона о банкротстве, — количественный размер ущерба и временной промежуток, в течение которого обязательства должника не исполняются [6, с. 43]. Возникновение признаков банкротства обусловлено истечением трехмесячного срока с момента возникновения обязанности исполнить обязательства [7, с. 70]. Временной критерий предложено дополнить указанием на имеющуюся у должника неплатежеспособность [8, с. 127].

Иная точка зрения обусловлена моментом признания требований кредиторов или уполномоченных органов обоснованными и введением процедуры, применяемой в деле о банкротстве [9, с. 16]. Исходя из буквального толкования понятий, изложенных в ст. 2 Закона о банкротстве, а также положений ст. 3 указанного закона, полагаем, что признаки банкротства имеют место в следующем случае: 1) количественный критерий — задолженность превышает установ-

* О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 нояб. 2017 г. N 48: ред. от 29 июня 2021 г. // Рос. газ. 2017. 11 дек.; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. N 8.

ленный законом минимальный размер для различных категорий должников; 2) истек установленный законом срок для исполнения обязательств или уплаты обязательных платежей; 3) в отношении лица не введена процедура, применяемая в деле о банкротстве. По нашему мнению, после признания требований к должнику обоснованными и введения в отношении его какой-либо процедуры использование категории «признаки банкротства» является некорректным, так как в специальном законе указанная категория используется исключительно для установления возможности приятия к производству заявления в арбитражном суде и дальнейшего производства по данному делу. После введения любой из процедур в рамках дела о банкротстве речь должна идти не о наличии признаков банкротства, а о несостоятельности должника;

2) после введения процедуры банкротства неправомерное удовлетворение требований кредиторов представляет собой нарушение порядка очередности удовлетворения требований в зависимости от такой очереди либо нарушение порядка в соответствующей очереди.

В связи с этим по ч. 2 ст. 195 УК РФ следует квалифицировать отчуждение имущества, совершенное в пользу креди-

тора должника, при наличии законных оснований для удовлетворения требований такого кредитора, но в нарушение очередности. Нормы ч. 1 и ч. 2 разграничиваются в зависимости от того, кто является приобретателем имущества – кредитор должника или третье лицо.

Таким образом, под отчуждением имущества при совершении неправомерных действий при банкротстве следует понимать совершение сделок, а равно иных юридически значимых действий, поименованных в специальном законе о банкротстве, повлекших переход права на имущество от должника к иному лицу. Предметом преступления является только имущество, следовательно, возможно отчуждение лишь того имущества, которое принадлежит лицу на праве собственности. В том случае, когда имущество принадлежит лицу на ином праве, имеет место отчуждение права, и это исключает возможность квалификации действий лица по ч. 1 ст. 195 УК РФ. Преступление считается оконченным с момента возникновения правовых последствий заключенной сделки и определяется в зависимости от вида сделки – моментом заключения или моментом передачи имущества, являющегося предметом данной сделки.

Список литературы

1. Дерягина С.В. Способы совершения неправомерных действий при банкротстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. N 18. С. 169-171.
2. Гаврилов Э. Консенсуальные и реальные договоры в части четвертой ГК РФ // Хозяйство и право. 2019. N 2. С. 57-63.
3. Разыграева Е.Н. Криминальное банкротство – форма хищения? // Журнал российского права. 2017. N 5. С. 97-104.
4. Лимонов В. Отграничение мошенничества от смежных составов преступления // Законность. 1998. N 3. С. 39-43.
5. Орлова Л.А. Разграничение преступлений, связанных с банкротством, со смежными деликтами // Пробелы в российском праве. 2018. N 6. С. 182-190.
6. Шишко И.В. Неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. N 7. С. 41-47.
7. Тхайшаов З. Обстановка совершения преступления как обязательный признак неправомерных действий при банкротстве гражданина-должника // Уголовное право. 2015. N 3. С. 69-73.
8. Субачев А.К. Проблемы установления обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. N 1. С. 120-127.
9. Христенко Е.В. Оценочные признаки и квалификация неправомерных действий при банкротстве (ч. 1 ст. 195 УК РФ) // Юрист. 2012. N 11. С. 15-18.

References

1. Deryagina S.V. Ways of committing illegal actions in bankruptcy. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 18, pp. 169-171. (In Russ.).
2. Gavrillov E. Consensual and real contracts in Part four of the Civil Code of the Russian Federation. Economy and law, 2019, no. 2, pp. 57-63. (In Russ.).

3. Razygraeva E.N. Criminal bankruptcy – a form of embezzlement? *Journal of Russian Law*, 2017, no. 5, pp. 97-104. (In Russ.).
4. Limonov V. Delineation of fraud from related elements of crime. *Legality*, 1998, no. 3, pp. 39-43. (In Russ.).
5. Orlova L.A. Delineation of crimes related to bankruptcy with related torts. *Gaps in Russian law*, 2018, no. 6, pp. 182-190. (In Russ.).
6. Shishko I.V. Illegal actions in bankruptcy (Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2011, no. 7, pp. 41-47. (In Russ.).
7. Thayshaov Z. The situation of the commission of a crime as a mandatory sign of illegal actions in the bankruptcy of a debtor citizen. *Criminal law*, 2015, no. 3, pp. 69-73. (In Russ.).
8. Subachev A.K. Problems of establishing the situation of committing illegal actions in bankruptcy. *Actual problems of Russian law*, 2021, no. 1, pp. 120-127. (In Russ.).
9. Khristenko E.V. Evaluation signs and qualification of illegal actions in bankruptcy (Part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Lawyer*, 2012, no. 11, pp. 15-18. (In Russ.).

Раздел 4. Правоохранительная политика

МУСАТКИНА А.А., кандидат юридических наук, доцент, Musatkinaaaa@mail.ru Кафедра конституционного и административного права; Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14	MUSATKINA A.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Musatkinaaaa@mail.ru Chair of constitutional and administrative law; Tolyatti State University, Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445020, Russian Federation
--	--

Правонарушения и правонарушаемость как угрозы в свете новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации*

Аннотация. Автором статьи исследуются правонарушения, правонарушаемость и безответственность как угрозы национальной безопасности. В содержание понятия «правонарушаемость» предлагается включать не только совокупность преступлений и иных правонарушений, но и различные отклонения от правовых предписаний, не влекущие юридическую ответственность, но носящие общественно опасный характер. Особое внимание уделяется новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в частности, указанию в ней на преступления и иные правонарушения как на соответствующие угрозы национальной безопасности. В качестве недостатков новой Стратегии названы декларативность многих ее положений, отсутствие раздела об основных показателях национальной безопасности, а также указания на обязательность ее исполнения. Сделан вывод о назревшей необходимости формализации понятия «правонарушения в сфере обеспечения национальной безопасности»; выделения их видов из числа не только преступлений, но и гражданско-правовых, административных, финансово-правовых и иных разновидностей правонарушений, а также организации их официального статистического учета.

Ключевые слова: национальная безопасность; правонарушение; преступность; угроза национальной безопасности; правонарушаемость; национальный интерес; национальный приоритет.

Для цитирования: Мусаткина А.А. Правонарушения и правонарушаемость как угрозы в свете новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 34-43.

Offences and delinquency as threats under the new National Security Strategy of the Russian Federation**

Annotation. The author of the article analyzes offences, delinquency and irresponsibility as threats to national security. It is proposed to include in the content of the concept of "delinquency" not only a totality of crimes and other offences, but also various deviations from legal regulations that do not bring to legal responsibility, but are socially dangerous. Special attention is paid to the new National Security Strategy of the Russian Federation, in particular, the indication of crimes and other offences as relevant threats to national security. The author of the article identifies the following shortcomings of the new Strategy: the declarative nature of many provisions, the lack of a section concerning the main indicators of national security, as well as the indication of mandatory implementation of the strategy provisions. It is concluded that there is an urgent need to formalize the concept of "offences in the field of national security". It is also necessary to distinguish them from not only crimes, but also from civil, administrative, financial and other types of offences, as well as to organize their official statistics.

Keywords: national security; offence; criminality; threat to national security; delinquency; national interest; national priority.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

** The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-011-00083 A "Legal Responsibility in the Mechanism of Ensuring National Security".

For citation: Musatkina A.A. Offences and delinquency as threats under the new National Security Strategy of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 34-43.

Введение

Теория государства и права — наука, одной из функций которой является существенное обобщение государственно-правовых явлений, а также выявление новых закономерностей их функционирования. В связи с этим возникает вопрос о том, может ли быть что-то новое и обобщающее в разделе, посвященном правонарушениям и правонарушаемости. Понятие правонарушения является устоявшимся в юридической литературе и может вызывать споры только относительно уточнения отдельных признаков. В частности, является ли оно общественно опасным, или его характеристикой выступает вредоносность; свойственна ли общественная опасность всем разновидностям правонарушений, или это черта только уголовно наказуемых деяний; обязателен ли признак виновности в гражданско-правовых деликтах. В остальном определения понятия правонарушения стандартно воспроизводятся как в научной, так и в учебной литературе.

Отвечая на поставленный выше вопрос о новизне проблематики правонарушения, следует указать, что некоторые обобщения, а также новые данные об этом правовом явлении позволяют получить: исследование правонарушения как конфликтного деяния, направленного против существующей системы ценностей и национальной безопасности; раскрытие соотношения явлений правонарушения и правонарушаемости; определение взаимосвязей, взаимодействия и противоречий между юридической ответственностью, безответственностью и правонарушаемостью. Очевидно, что в рамках отдельной статьи невозможно охватить все названные проблемы, поэтому в ней предполагается наметить некоторые контуры дальнейшего исследования. Кроме того, в статье не ставится цель анализа хорошо известных и считающихся аксиоматическими признаков правонарушения, а также детальной статистики преступности и иных правонарушений.

Основная часть исследования

Понятие «правонарушаемость» остается недостаточно исследованным. Данное

понятие активно используется в современной юридической науке, однако его признаки не раскрываются. Считается, что одним из первых данную категорию ввел в научный оборот С.С. Алексеев. В юридической литературе отмечается, что правонарушаемость — это совокупность или система всех правонарушений, совершенных за определенный период в том или ином государстве [1, с. 130]. Иной позиции придерживается И.Л. Честнов, полагающий, что «правонарушаемость — это механизм воспроизводства правонарушений». В содержание данного явления он включает конструирование правовых запретов, системы социального контроля, а также социальных факторов, выступающих причинами (условиями) правонарушаемости, и само совершение правонарушений [2, с. 25].

Рассматривая смежное понятие преступности, Р.А. Ромашов и Е.В. Пеньковский отмечают: «государство не порождает преступность как явление и неспособно ее ликвидировать. Вместе с тем именно государство, облекая преступление в юридическую форму, легализует преступность и таким образом признает сам факт ее существования, формирует на уровне государственно-правовой идеологии негативное отношение к ней» [3, с. 276]. При этом под преступностью Р.А. Ромашовым понимается «криминальная (уголовная) среда, существующая в рамках определенного социопространственно-временного континуума, включающая в качестве составных элементов действующий уголовный закон, институциональную организацию уголовного преследования и правосудия, уголовно-правовую статистику» [4, с. 321].

Анализ мнений ученых о понятии правонарушаемости показывает, что определение ее как совокупности правонарушений несколько упрощает проблему. В то же время не является обоснованным включение в ее содержание законодательного процесса, а также причин и условий правонарушения. В противном случае отпадает необходимость в таком понятии, как «механизм правонарушения». В законодательстве при формулировании со-

ставов конкретных правонарушений моделируется не сама правонарушаемость, так как невозможно предсказать ее качественные и количественные характеристики, структуру и иные признаки. Законодательство направлено только на запрещение деяний, носящих вредный или социально опасный характер, которые противоречат истинным или ложным социальным ценностям. Под ложными социальными ценностями следует понимать те идеалы, которые формализуются в правовых нормах, но не согласуются с существующим менталитетом, культурой, традициями, а также противоречат интересам большинства населения страны.

Слово «правонарушаемость» буквально означает не нарушение, а нарушаемость права. Причем для юридического понимания имеет значение не сам факт множественности нарушений, а иные смысловые аспекты, так как научный язык не всегда совпадает с литературным. Как ни парадоксально, но при таком анализе приходится сталкиваться с самым фундаментальным понятием юриспруденции – правом. Даже если исходить из его узкого (нормативного) понимания, то в систему права включены и нормы-принципы, и нормы-цели, и нормы-дефиниции, нарушение которых не всегда может влечь юридическую ответственность, а следовательно, не будет правонарушением, так как одним из его обязательных признаков выступает наказуемость деяния (по иной терминологии – предусмотренность юридической ответственности). Кроме того, ответственность предусмотрена за нарушение не любого запрета или обязанности. По сути, злоупотребление правом – это одна из разновидностей его нарушения, а именно нарушение целей, стоящих перед правом, его использование не в соответствии с действительным социальным предназначением. Более того, следует отметить, что некоторые разновидности злоупотребления правом в законодательстве формулируются именно как правонарушения, за совершение которых предусмотрена юридическая ответственность.

Правонарушаемость необходимо рассматривать и с позиции социального конфликта, противопоставления отдельных индивидов и деяний, ими совершен-

ных, социальным ценностям. Понятие правонарушаемости должно включать любые нарушения правовых положений. Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что не каждое нарушение предписания представляет собой правонарушение.

Интересна точка зрения А.Р. Ромашова, вводящего понятие «правовое отклонение» и утверждающего следующее: «правовые отклонения связаны с совершением деяний, признаваемых в данном социуме правонарушениями. В современной России все противоправные девиации подразделяются на не представляющие существенной общественной опасности – проступки – и представляющие общественную опасность – правонарушения» [5, с. 22].

Несложно заметить, что понятие «правовое отклонение» определяется через два типа правонарушений – преступления и проступки. Думается, что оно шире по сравнению с понятием «правонарушение». Например, игнорирование в законодательстве истинных целей права не является правонарушением как таковым, но его можно отнести к правовому отклонению. Как отмечается в литературе, увеличение штрафных санкций в КоАП РФ преследует цель пополнения бюджета [6, с. 205], а также нарушает принципы отраслевой дифференциации юридической ответственности. Безусловно, это правовое отклонение, но не правонарушение, так как законотворческая деятельность происходит в рамках предоставленных ее участникам полномочий, а за нарушение целевых установок, закрепленных в нормативных правовых актах, не предусмотрена юридическая ответственность. Еще один пример: в последние годы получила распространение повсеместная практика нарушений различных принципов юридической ответственности на законодательном и правоприменительном уровнях, на что неоднократно в своих решениях указывал Конституционный Суд Российской Федерации. Подобного рода отклонения должны включаться в структуру правонарушаемости.

Думается, что правонарушаемость представляет собой более сложное явление, чем система правонарушений, совершенных за тот или иной период на опре-

деленной территории. В нее необходимо включать и все существующие правовые отклонения, в том числе деятельность, не соответствующую целям конституционно-го развития, построения правового государства и формирования гражданского общества. С учетом того, что любое определение понятия всегда будет являться неполным, правонарушаемость можно определить как систему правонарушений и иных правовых отклонений, совершенных за тот или иной период на определенной территории.

Не только правонарушения, но и иные правовые отклонения от нормы могут причинять вред национальной безопасности в той же или большей степени, чем правонарушения, детерминируя последние. Проблема усложнена еще и тем, что правонарушения поддаются исчислению, по ним ведется пусть и неполная, но официальная статистика, тогда как иные правовые отклонения не подвергаются учету как таковому, в том числе и ввиду того, что отсутствует не только их легальное, но и доктринальное определение. В связи с этим в статье не используется классическое определение понятия правонарушения, оно рассматривается с социальных позиций как конфликт с существующими ценностями. При этом количество правонарушений выступает своеобразным индикатором того, насколько общество воспринимает ценности, соглашается с установленным правопорядком и готово его поддерживать. Уровень корыстной преступности может выступать одним из индикаторов проводимой государством социальной политики.

Для дальнейшего анализа правонарушений и правонарушаемости необходимо обратиться к новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400* (далее — Стратегия от 2 июля 2021 г.). В ней называются следующие объекты национальной безопасности: реализация конституционных прав и свобод граждан; достойные качество и уровень жизни; гражданский мир и согласие

в стране; суверенитет Российской Федерации, ее независимость и государственная целостность; социально-экономическое развитие страны. При этом Стратегией от 2 июля 2021 г. предусмотрены такие понятия, как национальные интересы и стратегические национальные приоритеты. Из официальных формулировок вытекает, что национальные интересы обеспечиваются посредством реализации стратегических национальных приоритетов.

В Стратегии от 2 июля 2021 г., в отличие от утратившей силу Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683** (далее — Стратегия от 31 декабря 2015 г.), не перечисляются виды национальной безопасности, но о них можно судить, исходя из их объектов, национальных интересов с приоритетами и названий разделов и подразделов Стратегии. В результате этого можно представить традиционный перечень видов национальной безопасности. В частности, можно выделить безопасность личности, государственную безопасность, общественную безопасность, экологическую безопасность, военную безопасность, экономическую безопасность и информационную безопасность. В Стратегии от 2 июля 2021 г., в отличие от утратившей юридическую силу, более четко обозначена духовно-нравственная безопасность, так как разрушение идеологических основ может привести к потере самоидентичности и исчезновению государственности и государства. Примечательно, что в Стратегии подчеркивается: «народ является носителем суверенитета Российской Федерации и ее главным достоянием», а «российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны» (п. 28).

В контексте нашего исследования необходимо обратиться к значению юридической ответственности и упоминанию в Стратегии от 2 июля 2021 г. о преступлениях и иных правонарушениях.

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** Там же.

Так, в разделе «государственная и общественная безопасность» указывается на необходимость совершенствования единой государственной системы профилактики преступности; формирования в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности. Специально отмечается высокий уровень преступности не только в целом, но и в отдельных сферах, в частности в жилищно-коммунальном хозяйстве, экологии, собственности, информационной сфере. Подчеркивается, что дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку оказывают экстремистские проявления. Отдельно обозначается достижение целей предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе при реализации проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа. Уделяется внимание предупреждению и пресечению правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов, финансирования терроризма, организации незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также использования в противоправных целях цифровой валюты. В разделе, посвященном России в современном мире, говорится об угрозах, исходящих от организованной и трансграничной преступности.

Об иных правонарушениях в Стратегии от 2 июля 2021 г. упоминается в части противодействия незаконной миграции; повышения безопасности дорожного движения; предупреждения правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникативных технологий; незаконных финансовых операций.

Прежде всего следует обозначить акцент на необходимости борьбы с преступностью и иными правонарушениями только в сфере государственной и общественной безопасности. Между тем Стратегия от 2 июля 2021 г. содержит разделы, посвященные: сбережению народа и развитию человеческого потенциала (иными словами, безопасности личности, человека);

обороне страны (военной безопасности); информационной безопасности; экономической безопасности; научно-технологическому развитию; экологической безопасности и рациональному природопользованию; защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Во всех сферах национальной безопасности совершаются правонарушения, которые причиняют не меньший (если не больший) вред государственной и общественной безопасности. Здесь необходимо принимать во внимание и тот факт, что деление национальной безопасности на виды носит достаточно условный характер, а национальная безопасность — явление системное. В связи с этим правонарушения в одной сфере национальной безопасности могут причинять вред и в других ее сферах.

Возникает вопрос о том, почему в разделе, посвященном сбережению народа России и развитию человеческого потенциала, не акцентируется внимание на правонарушениях и преступлениях. Для ответа на данный вопрос необходимо проанализировать, что понимается под «сбережением народа России». По сути, в данном разделе идет речь о реализации государством социальной политики, критериями которой являются увеличение рождаемости и продолжительности жизни, повышение доходов населения, качества образования, снижение уровня неравенства граждан в зависимости от их доходов и т.д.

Можно заметить, что осуществление социальной политики происходит посредством претворения в жизнь социальных программ, реализуемых органами исполнительной власти. Указание на различные нарушения в данных сферах равнозначно признанию неэффективности, поскольку ни по одному из озвученных выше показателей не удалось достичь существенных, прорывных результатов.

Например, в 2019 году общий прирост населения был отрицательным (-32 130). По сравнению с 2019 годом в 2020 году общая численность населения России сократилась более чем на 500 000 человек. Количество умерших в 2020 году составило 1 568 773 человека. Естественный прирост (его необходимо отличать

от общего прироста) в 2020 году составил -213 186 человек, то есть показатель вновь стал отрицательным. Для сравнения: в 2019 году он составлял -30 920 человек. За различные плановые периоды реализации национальных проектов, программ, стратегических указов Президента Российской Федерации только в 2013 году удалось достичь его практически нулевой отметки (-792 человека)*.

Согласно официальной статистике, последний раз естественный прирост в нашей стране был отмечен в 1990 году. Как представляется, необходимо пересмотреть политику в сфере демографии с тем, чтобы естественный прирост населения составлял 1 896 000 человек (данные за 1960 год). На официальном сайте Росстата отсутствуют сведения о доходах населения за 2020 год, а в 2019 году они в среднем по России составляли 35 247 рублей в расчете на душу населения в месяц, при этом в некоторых субъектах Российской Федерации их размер был от 16 583 до 23 000 рублей. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 2020 году составила 17 800 000 человек. Для сравнения: в начале действия Стратегии от 31 декабря 2015 г. такие доходы имели 19 600 000 человек, то есть произошло незначительное улучшение ситуации. Однако возникают сомнения в том, что это действительно так. В соответствии с официальными данными в Российской Федерации увеличивается средняя продолжительность жизни, но при этом ежегодно уровень естественного прироста населения имеет отрицательные значения, а кроме того, менялась методика подсчета средней продолжительности жизни. Можно констатировать, что средняя продолжительность жизни увеличилась в связи с сокращением младенческой и детской смертности, а не в результате увеличения продолжительности жизни людей, относящихся к старшему поколению.

Очевидно, что достичь значимых результатов не удалось по ряду объективных причин, но в целом приведенная выше статистика свидетельствует об отсутствии эффективности реализации национальных

проектов и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Думается, что отрицательные показатели стали и результатом различных правовых отклонений, ложно понятых целей, формализма исполнения, отсутствия оценки социальной значимости совершаемых действий, увлеченности западными «эталоном» управления, которые, как оказалось, не работают в нашей стране.

К сожалению, статистика правонарушений, совершенных в сферах реализации различных стратегий, национальных программ, не ведется. Разрозненные данные Счетной палаты Российской Федерации не дают ясного представления о происходящем, однако в них часто отмечается отсутствие прозрачности в сфере государственных закупок и неэффективность самих мер, направленных на достижение социальных показателей. Проблема заключается еще и в том, что в Стратегии национальной безопасности, ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, указах Президента Российской Федерации ставятся конкретные целевые показатели, а планы (дорожные карты) разрабатывают органы исполнительной власти. Их деятельность осуществляется в рамках предоставленных полномочий, она правомерна, однако, возможно, не всегда социально полезна. Кроме того, возникает вопрос об отклонении этой деятельности от требований правовых предписаний. Российский правовой менталитет и культура, в отличие от западного эгоизма и формализма, всегда были основаны на соотношении не только исполнения и соблюдения, но и полезности (социальной значимости) такого исполнения.

Следует отметить, что в разделе Стратегии от 2 июля 2021 г., посвященном государственной безопасности, указывается на повышение уровня ответственности за преступления коррупционной направленности, нецелевое использование и хищение бюджетных средств, в том числе при реализации национальных проектов, то есть государство признает наличие данных проблем. В этом же разделе подчеркивается необходимость «совершенствования института ответственности должностных лиц за действия (бездействие), повлекшие неэффективное использова-

* Здесь и далее приводятся данные с официального сайта Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru>

ние бюджетных средств и недостижение общественно значимых результатов национального развития».

Однако данное положение Стратегии от 2 июля 2021 г. вызывает ряд вопросов. Во-первых, не указан вид предполагаемой ответственности (конституционная, уголовная, административная, дисциплинарная или гражданско-правовая). Во-вторых, не определен субъектный состав такой ответственности (возможно, в данном правовом документе нет необходимости его закреплять). В-третьих, действующее законодательство не содержит легального определения понятия «эффективность использования бюджетных средств». В-четвертых, сложно утверждать о совершенствовании института, которого в принципе не существует, так как отсутствует взаимосвязанная система норм, предусматривающих ответственность именно за «неэффективность» и «недостижение общественно значимых результатов».

Возможно, подобное указание в Стратегии от 2 июля 2021 г. является первой попыткой создания данного института, и в настоящее время его можно рассматривать только как некую целевую установку. Однако чтобы такой институт был сформирован и формализован, необходимо прежде всего посредством законодательной деятельности различного рода нарушения и правовые отклонения со всеми присущими им признаками перевести в категорию правонарушения. Здесь возникает другая проблема – отсутствие у федеральных субъектов правотворчества обязанности осуществлять такую деятельность. При этом субъекты законодательской инициативы не стремятся ограничивать себя посредством установления мер юридической ответственности и формулирования новых составов правонарушений, затрагивающих их самих же.

Другой аспект, на котором следует остановиться, заключается в том, что в Стратегии от 2 июля 2021 г. не содержится указание на обязательность ее исполнения. В Стратегии от 31 декабря 2015 г. отмечалось: «Положения настоящей Стратегии обязательны для выполнения всеми органами государственной власти и органами местного самоуправления...» (п. 109). В новой Стратегии слова об обязательности

исполнения заменены формулировкой: «органы публичной власти в своей деятельности руководствуются положениями настоящей Стратегии». Исключен из Стратегии от 2 июля 2021 г. и раздел об основных показателях состояния национальной безопасности, а ранее ими являлись: ожидаемая продолжительность жизни; удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод и др.

Как и в период действия Стратегии от 31 декабря 2015 г., в настоящее время также можно констатировать безответственность субъектов государственной власти за реализацию положений Стратегии от 2 июля 2021 г. При этом сама Стратегия скрывает в себе правовые опасности и угрозы в виде необеспеченности ее исполнения мерами юридической ответственности. В обоснование данного тезиса можно привести следующие доводы.

Во-первых, известно, что Конституция Российской Федерации закрепила права и свободы человека и гражданина в качестве высшей ценности. Под правовой охраной находятся интересы общества и государства. Правонарушитель своими действиями или бездействием вступает в конфликт с существующими ценностями, но, с другой стороны, обычный гражданин имеет право не только на жизнь, но и на достойный уровень жизни, надлежащее ее качество, а задача государства состоит в создании для всех граждан соответствующих равных возможностей. Обычная, так называемая корыстная преступность, связанная с посягательствами на собственность, во многом обусловлена отсутствием должного уровня жизни. Таким образом, нарушение закрепленных ценностей в виде создания качества жизни воспроизводит иные правонарушения – это своеобразная реакция части общества на существующую систему распределения социальных благ. Государство, его органы и должностные лица ответственны за обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина, создание условий для их развития, обеспечение национальной безопасности, одними из приоритетов которой выступают права и свободы человека и гражданина, а также качество жизни.

Кроме того, огромный разрыв между доходами самых богатых и бедных граждан приводит к еще большему дистанцированию граждан от государственной власти. По данным МВД России, за 2020 год зарегистрировано 2044,2 тыс. преступлений. В результате преступных посягательств погибло 22,7 тыс. человек. Только по официальным данным, ущерб от преступлений составляет 518 млрд. рублей. Совершено на 67 % больше преступлений террористического характера, а их количество составило 623. Больше половины всех преступлений – это различные виды хищений чужого имущества. Обращает на себя внимание то, что самым распространенным преступлением по-прежнему остается кража (751 243 случая)*. При этом 544 829 лиц, совершивших преступления, не имеют постоянного источника дохода.

Во-вторых, обращение к Стратегии от 2 июля 2021 г., а также к различным нормативным документам, развивающим ее отдельные положения, позволяет сделать вывод о том, что юридическая ответственность органов государственной власти и их должностных лиц за ее реализацию носит декларативный характер. Например, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании»** содержит отсылочные нормы к КоАП РФ, но в нем закреплена ответственность за своевременность разработки различных стратегий, а не за их исполнение. Таким образом, возникает аномия, понимаемая как недостаточное урегулирование общественных отношений, являющееся одной из форм проявления юридической безответственности. Здесь не следует утверждать о существовании правонарушений как таковых, поскольку они не закреплены в законе; при этом совершаются общественно опасные и конфликтные деяния, которые необходимо запретить, установить за их совершение юридическую ответственность.

В-третьих, проблема правонарушаемости, юридической ответственности и бе-

зответственности тесным образом связана с существующей системой ценностей. «Общая структурная модель, с которой связывается представление о ценностях, основана на том, что человеческое поведение носит интенциональный (т.е. направленный) характер. Различные элементы реальности могут вызывать у человека или коллектива либо притяжение, либо отталкивание» [7, с. 102].

Если обратиться к формальной стороне, а именно к тому, что закреплено в различных нормативных правовых актах, то субъекты видят декларируемые цели социального развития, лозунги о повышении качества жизни, признании прав и свобод человека высшей ценностью и др. В реальной действительности имеет место сухой формализм при обращении в органы государственной власти; низкое качество жизни; избирательное правосудие; отсутствие достойной оплаты труда; падение авторитета многих профессий, без которых невозможно существование любого общества; социальная несправедливость; расслоение общества при фактическом отсутствии среднего класса; высокий уровень коррупции и т.д. В таких условиях субъекту сложно принять те ценности, которые закрепляются в правовых нормах. У значительной части общества возникает отторжение государственной власти и всего того, что исходит от нее (в том числе и правовых норм). В данном случае не принимаются во внимание те правила поведения, которые вытекают из норм элементарного человеческого общежития.

В связи с негативными явлениями современной правовой жизни возникает вопрос об ответственных за эти факты социальной действительности, а также о том, являются ли правонарушениями те действия или бездействие, которые привели к существующему положению дел. В целом сложившаяся ситуация предопределена действиями или бездействием органов государственной власти, причем осуществляемыми в рамках предоставленных полномочий. Сложно и практически невозможно выявить корреляции в масштабах страны между проводимой политикой и отсутствием реальных механизмов реализации прав и свобод человека, их действенностью. Формально не-

* Состояние преступности за январь – декабрь 2020 года // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 26. Ст. 3378.

достижение целей социального развития, нарушение положений о социальности нашего государства и других конституционных норм является конституционным правонарушением. Однако правонарушение становится таковым при наличии признака наказуемости, который в конституционных нормах практически отсутствует. Таким образом, конституционная правонарушаемость не влечет юридической ответственности и превращается в фактическую безответственность субъектов общественных отношений. В результате получается своеобразный замкнутый круг: безответственность органов государственной власти порождает правонарушаемость и безответственность обычных (не наделенных властными полномочиями) субъектов общественных отношений.

Следующая проблема, которая не разрешена в Стратегии от 2 июля 2021 г., — это отсутствие четкого определения видов преступлений и иных правонарушений, посягающих на национальную безопасность. В Стратегии есть упоминания о таких преступлениях, как терроризм, экстремизм, указывается о коррупции, хищении бюджетных средств и их нецелевом использовании. Вполне понятно, что перечислить все виды правонарушений в данном документе практически невозможно, но необходимо в каждом разделе, посвященном обеспечению того или иного вида национальной безопасности, выделить правонарушения, которые на данном этапе представляют повышенную угрозу национальным интересам и приоритетам. Одновременно следует изменить и структуру статистических данных, обязав органы, занимающиеся обработкой официальной статистики, учитывать такие правонарушения как посягающие на национальную безопасность. Таким образом, государственные органы будут иметь объективную картину уровня правонарушений в тех или иных сферах национальной безопасности.

Однако даже в условиях информационного общества с учетом и обработкой статистических данных существует ряд проблем. Первая из них заключается в стереотипах, зародившихся еще в период административно-командной экономики. В ней гражданско-правовым правонару-

шениям не придавалось особого значения, специальная статистика по ним не велась, за исключением общих данных о количестве рассмотренных дел той или иной категории. Между тем гражданско-правовые деликты могут приносить не меньший ущерб, чем преступления. В настоящее время на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации представлены сведения о количестве рассмотренных гражданско-правовых дел и их классификации, которая слабо соотносится с объектами национальной безопасности*. Прежде чем вести учет подобного рода категорий дел, требуется осуществить научное исследование, направленное на выявление критериев, по которым гражданско-правовое правонарушение можно отнести к правонарушениям, посягающим на национальную безопасность. Кроме того, не каждый гражданско-правовой спор может быть сопряжен с правонарушением.

Следует отметить важность учета не только наиболее общественно опасных деяний в виде преступлений, но и всех правонарушений. В настоящее время в Российской Федерации существует лишь централизованная статистика преступности. В связи с тем, что полномочиями применять административные наказания обладают различные органы, данные об административных правонарушениях носят разрозненный характер.

Выводы

Преступность, правонарушения, правонарушаемость и иные отклонения от требований правовых норм — это взаимосвязанные правовые понятия и явления современной реальности, представляющие угрозу национальной безопасности. Понятие правонарушаемости должно включать в свое содержание не только совокупность тех или иных правонарушений, совершенных на определенной территории за определенный временной промежуток, но и иные правовые отклонения — нарушение норм-принципов, норм-целей, запретов и обязанностей, которые не влекут юридическую ответственность. Наиболее опасные

* Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

правовые отклонения посредством законодательной деятельности должны переводиться в разряд преступлений. Особой оценки требуют отклонения, допущенные органами государственной власти и их должностными лицами в процессе реализации направленных на обеспечение национальной безопасности социальных программ и стратегий.

В настоящее время назрела необходимость формализации понятия «правонарушения в сфере обеспечения национальной безопасности», выделения их видов не только из числа преступлений, но и из гражданско-правовых, административных, финансово-правовых и иных разновидностей правонарушений, а также организации на данной основе их официального статистического учета.

Стратегия от 2 июля 2021 г., носящая в целом прогрессивный характер, не только не лишилась недостатков, которые были характерны для Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утратившей силу, но и «приобрела» новые. В частности, из текста Стратегии исключены указание на обязательность ее исполнения, раздел об основных показателях национальной безопасности. Преступлениям и иным правонарушениям как угрозам национальной безопасности уделяется внимание лишь в разделе, посвященном государственной и общественной безопасности, в остальных разделах они затрагиваются фрагментарно либо не указываются вообще. Между тем и в иных сферах обеспечения национальной безопасности совершаются различные правонарушения, причиняя вред общественным отношениям.

Список литературы

1. Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск: Университетское, 1990. 207 с.
2. Честнов И.Л. Постклассическая теория правонарушаемости // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2017. N 1. С. 25-30.
3. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. 290 с.
4. Ромашов Р.А. К вопросу о понимании, соотношении и взаимном влиянии государства и преступности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. N 4. С. 320-324.
5. Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность. Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. 274 с.
6. Шаклеин С.Н. Теоретико-правовые аспекты административной пенологии // Правоприменение. 2021. N 1. С. 202-211.
7. Правогенез: традиция, воля, закон / О.С. Батаева, Е.А. Брылева, Ю.Ю. Ветютнев [и др.]; под ред. Р.А. Ромашова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 480 с.

References

1. Bluvshstein Yu.D., Dobrynin A.V. Foundations of criminology: the experience of logical and philosophical research. Minsk, Universitetskoe Publ., 1990. 207 p. (In Russ.).
2. Chestnov I.L. Postclassical theory of delinquency. Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences, 2017, no. 1, pp. 25-30. (In Russ.).
3. Romashov R.A., Penkovsky E.V. Philosophy of law and crime. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2015. 290 p. (In Russ.).
4. Romashov R.A. On the question of understanding, correlation and mutual influence of the state and crime. Vector of Science of Togliatti State University, 2013, no. 4, pp. 320-324. (In Russ.).
5. Romashov R.A. Law: normativity and deviance. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2018. 274 p. (In Russ.).
6. Shaklein S.N. Theoretical and legal aspects of administrative penology. Law enforcement, 2021, no. 1, pp. 202-211. (In Russ.).
7. Bataeva O.S., Bryleva E.A., Vetyutnev Yu.Yu. [i dr.]. Legal genesis: tradition, will, law. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2021. 480 p. (In Russ.).

Раздел 5. Уголовно-процессуальное обозрение

КРИВОЩЕКОВ Н.В., кандидат юридических наук, доцент, Krivoschyokov.nikolaj@yandex.ru
Кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

KRIVOSHCHEKOV N.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Krivoschyokov.nikolaj@yandex.ru
Chair of crime detection and forensics; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

Условия и порядок добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением

Аннотация. В статье отмечается недостаточное правовое регулирование форм возмещения вреда, причиненного преступлением, нормами уголовно-процессуального законодательства. Отсутствие в законе указания на формы возмещения причиненного преступлением вреда ведет к неясности в области прав и обязанностей участников деятельности по возмещению вреда и, как следствие, влечет низкую эффективность применения данного института на практике. В качестве форм возмещения причиненного преступлением вреда приведены гражданский иск в уголовном процессе, уголовно-процессуальная реституция и добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением. В связи с большой актуальностью добровольного возмещения вреда анализируются условия реализации данной формы восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего, акцентировано внимание на значимости добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, для потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого). На этой основе предлагается алгоритм действий следователя (дознателя) по реализации добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова: возмещение вреда, причиненного преступлением; формы возмещения вреда; заглаживание причиненного преступлением вреда; восстановление прав потерпевшего.

Для цитирования: Кривощек Н.В. Условия и порядок добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 44-52.

Conditions and procedure for voluntary compensation for damage caused by a crime

Annotation. The insufficient legal regulation of the forms of compensation for damage caused by a crime by the rules of criminal procedure legislation is emphasized in the article. The absence of an indication of the forms of compensation for damage caused by a crime in the legislation leads to ambiguity in the field of rights and obligations of the participants in the activities concerning the compensation for damage and, as a result, involves a low effectiveness of using this institution in practice. Civil action in criminal proceedings, restitution in the criminal process and voluntary compensation for damage caused by a crime are considered as the forms of compensation for damage caused by a crime. Due to the significance of voluntary compensation for damage, the conditions for implementing this form of victim restoration are analyzed. Attention is also focused on the importance of voluntary compensation for damage caused by a crime for the victim and the suspect (accused). On this basis, the algorithm for the actions of an investigator (inquirer) to implement voluntary compensation for damage caused by a crime is proposed.

Keywords: compensation for damage caused by a crime; forms of compensation for damage; making amends for the harm caused by a crime; restoration of victim's rights.

For citation: Krivoschekov N.V. Conditions and procedure for voluntary compensation for damage caused by a crime // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 44-52.

Конституционное право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации) в уголовном судопроизводстве обеспечено устоявшимся механизмом реализации. Вытекающая из конституционного положения двойственная направленность интересов потерпевшего в уголовном процессе ориентирует на различия в моделях правового регулирования каждого элемента. В отношении доступа к правосудию можно говорить о наличии относительно эффективной системы мер, направленных на реализацию данного положения как на законодательном уровне, так и в части правоприменительной практики. В литературе активно дискутируется вопрос о возможностях потерпевшего при реализации уголовного преследования по уголовным делам публичного обвинения, вплоть до предложений о сокращении объема предусмотренных в настоящее время прав [1]. В части обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, научное сообщество констатирует явную недостаточность правовой регламентации рассматриваемого института [см., например: 2], что, безусловно, ведет к различиям (порой диаметрально противоположным) в практике расследования и рассмотрения уголовных дел.

Недостаточную эффективность правовых механизмов обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда подтверждает и правовая статистика. Несмотря на наблюдаемую в последние годы общую тенденцию к снижению суммы ущерба, причиненного преступлениями (в частности, по данным ГИАЦ МВД России, ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) за 2020 год составил 512,8 млрд. руб., что на 18,3 % меньше показателя за 2019 год; за январь — август 2021 года ущерб от преступлений составил 299,58 млрд. руб., что на 15,8 % меньше, чем за аналогичный период 2020 года*), результат выполнения в 2020 году подпрограммы «Реализация полномочий в сфере внутренних дел» го-

* Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 года; Состояние преступности в России за январь — август 2021 года // МВД России: официальный сайт. URL: <http://мвд.рф>

сударственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»** по разделу «Целевые индикаторы и показатели подпрограммы» в части показателя «доля возмещенного ущерба от фактически причиненного ущерба по уголовным делам, оконченным следователями», составляет 36,8 % при плановом показателе 40,2 %***.

Основы института обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, наряду с нормами Конституции Российской Федерации, закреплены в положениях достаточно большого количества нормативных правовых актов, среди которых следует выделить ст. 6 УПК РФ (находящуюся в главе «Принципы уголовного судопроизводства» и в силу этого имеющую фундаментальный характер), согласно п. 1 ч. 1 которой защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, установлена в качестве первоочередного назначения уголовного судопроизводства. Однако одним из наиболее существенных недостатков современного института возмещения вреда, причиненного преступлением, выступает уже традиционное для отечественного уголовно-процессуального законодательства отсутствие в УПК РФ правовой регламентации форм, способов, условий и порядка восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего.

На протяжении последнего десятилетия развитие института восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего идет по пути нормативного закрепления возмещения (заглаживания) причиненного преступлением вреда в качестве обязательного условия применения опре-

** Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апр. 2014 г. N 345 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

*** Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год // МВД России: официальный сайт. URL: <http://мвд.рф>

деленного основания освобождения от уголовной ответственности. Например, в ряде статей главы 11 УК РФ имеется указание на возмещение (заглаживание) причиненного преступлением вреда как необходимое условие освобождения от уголовной ответственности; введенная в 2011 году ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба», изначально ориентированная на смягчение уголовной ответственности за преступления в сфере экономики, в 2018 году претерпела серьезные изменения и распространила свое действие на значительно более широкий круг уголовно наказуемых деяний. Аналогичные изменения вносились и в корреспондирующую статью 76.1 УК РФ статью 28.1 УПК РФ.

Научная полемика относительно правовой природы ст. 76.1 УК РФ, ее соотношения с другими предусмотренными УК РФ основаниями освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением вреда [3, с. 91-92] не снимает проблемы неурегулированности процедуры оформления требования о возмещении вреда, разъяснения участникам уголовного судопроизводства соответствующих прав, обязанностей и последствий добровольного восстановления нарушенных прав потерпевшего, взаимодействия невластных участников уголовного процесса при реализации добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, а также закрепления факта возмещения вреда и роли властного субъекта в этом процессе.

Для законодательства ряда стран постсоветского пространства характерно более бережное отношение к вопросам регламентации форм возмещения вреда, причиненного преступлением. Например, УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК) содержит главу 20 «Гражданский иск в уголовном процессе», в которой установлены порядок предъявления и рассмотрения гражданского иска, правила доказывания по гражданскому иску, а также урегулированы иные вопросы, связанные со спецификой гражданского иска по уголовному делу (подсудность исковых требований, обеспечение гражданского иска и т.д.). Предусмотренные УПК РК правила во многом схожи с положениями гражданского процессуального законодательства,

но их включение в уголовно-процессуальное регулирование снимает целый ряд проблем, касающихся, например, формы гражданского иска в уголовном процессе, возможности заключения мирового соглашения, и др. Однако иные уголовно-процессуальные формы восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего в указанном законе также отсутствуют.

На основе теоретического анализа отечественного уголовного и уголовно-процессуального закона представляется возможным выделить несколько форм возмещения причиненного преступлением вреда. Основной формой здесь выступает традиционный для отечественного права гражданский иск, который урегулирован уголовно-процессуальным законодательством лишь частично. Если УПК РСФСР в ст. 29 закреплял существование такой формы возмещения причиненного преступлением вреда, как гражданский иск в уголовном деле, устанавливая общие его положения, то УПК РФ подобной нормы не содержит, и наличие гражданского иска в уголовном процессе можно лишь выделить из норм, регулирующих процессуальный статус участников уголовного процесса (ст.ст. 42, 44, 54 УПК РФ), норм обеспечительного характера (ст.ст. 115, 116, 160.1 УПК РФ) и некоторых других (ст.ст. 299, 306, 309 УПК РФ и др.).

Наряду с гражданским иском возмещение вреда, причиненного преступлением, возможно осуществить в формах реституции (фактическое возвращение имущества его законному владельцу) и добровольного возмещения (заглаживания) вреда. Уголовно-процессуальная реституция регламентирована в ст.ст. 81 и 82 УПК РФ, в законе закреплена процедура возвращения предметов законным владельцам. Данную форму от добровольного возмещения причиненного преступлением вреда отличает то, что субъектами правоотношений при реституции выступают следователь (дознатель) или суд и владелец имущества; передаче потерпевшему подлежат предметы, являющиеся по уголовному делу вещественными доказательствами; инициатором передачи имущества может быть как лицо, ведущее производство по уголовному делу, так и сам потерпевший.

Остановимся более подробно на добровольном возмещении вреда, причиненного преступлением. Заметим, что в рамках настоящей статьи заглаживание вреда (ч. 1 ст. 75 УК РФ, ст. 76.2 УК РФ) в качестве комплекса действий, направленных на устранение негативных последствий преступного деяния, рассматривается как синоним возмещения причиненного вреда: Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 г. N 19 (далее – Постановление N 19) определяет заглаживание вреда как имущественную, в том числе денежную, компенсацию морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства (п. 2.1)*.

Сущность данной формы возмещения вреда исследована достаточно подробно, и мнения ученых-процессуалистов по данному вопросу в общем едины и вполне аргументированы: добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением, имеет двойное значение (для потерпевшего и для виновного в совершении преступления) реализации частного интереса публичным порядком. Частные начала добровольного возмещения причиненного преступлением вреда проявляются в активной роли виновного в совершении преступления (иных лиц с его согласия) и свободе выбора сторонами способов возмещения. Как указывает Верховный Суд Российской Федерации, «...способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. При этом возможные способы возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда законом не ограничены»**.

* О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19: ред. от 29 нояб. 2016 г. Доступ из справ.-поисковой системы «КонсультантПлюс».

** Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. N 12.

Публичность отношений при реализации добровольного возмещения вреда, как отмечается в подавляющем большинстве изысканий по данной тематике, обусловлена обязательным участием властного субъекта (следователя или дознавателя, суда) в процессе добровольного возмещения вреда в связи со значимостью этого комплекса действий для решения вопроса об уголовной ответственности [см., например: 4; 5]. Сложная правовая природа рассматриваемой формы восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего дает основу для выделения ряда обязательных условий, наличие которых позволяет констатировать возможность реализации добровольного возмещения причиненного преступлением вреда.

В первую очередь к таковым следует отнести волеизъявление обвиняемого на восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего. Добровольность действий проявляется в желании заглаживать негативные последствия преступления. Например, по уголовному делу N 119****614 по обвинению Б. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, сумма ущерба составила 4,7 млн руб., в том числе 1,1 млн руб. – сумма ущерба, причиненного потерпевшим Д. и Ф. Данный ущерб добровольно в полном объеме был возмещен потерпевшим; на имущество (квартиру) стоимостью 3,6 млн руб. наложен арест в обеспечение возмещения вреда, причиненного бюджету Российской Федерации***. Как добровольное возмещение причиненного вреда судебной практикой рассматривается возврат потерпевшему имущества, которое было из его правомерного владения в результате преступления. Так, постановлением Ленинского районного суда г. Кирова от 14 декабря 2017 г. уголовное дело в отношении М., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ прекращено с назначением судебного штрафа. Принимая указанное решение, суд первой инстанции учел, что М. возме-

*** Уголовное дело N 119****614, находится в производстве Следственного управления УМВД России по Тюменской области.

стила причиненный преступлением ущерб потерпевшей путем добровольной выдачи похищенного имущества*.

Примечательно, что Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении N 19 указывает, что при рассмотрении положений ст.ст. 75-76.2 УК РФ возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами. В теории уже высказывались сомнения относительно правомерности подобной трактовки положений закона [6, с. 9; 3, с. 93]. На первый взгляд, такое понимание возмещения (заглаживания) вреда действительно ставит под сомнение саму суть деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности, обусловленного осознанием виновным лицом противоправности и антиобщественности совершенного им преступления и желанием виновного исправить последствия своего поступка. Безусловно, можно сказать, что согласие виновного на возмещение вреда со стороны других лиц показывает его отношение к восстановлению нарушенных прав потерпевшего, однако воспитательное значение личного участия виновного в оказании помощи пострадавшему, уходе за ним и иные действия аналогичного характера сложно переоценить. Наконец, вряд ли возможно представить извинения, приносимые потерпевшему иным лицом от имени обвиняемого, как проявление его (обвиняемого) деятельного раскаяния.

На это можно возразить, что в ряде случаев обязанность возмещения вреда третьими лицами вытекает из закона (ст. 54 УПК РФ, глава 59 ГК РФ). Приоритетным в рамках возмещения (заглаживания) вреда на сегодняшний день является восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего, которому, как правило, безразлично, кто именно возместит причиненный вред. Кроме того, уголовно-правовое воздействие на лицо, виновное в совершении преступного деяния, проявляется и в других обязательных условиях

применения отдельных оснований освобождения от уголовной ответственности – элементах деятельного раскаяния (явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления и др.), факте примирения с потерпевшим. Такая трактовка вытекает из понимания деятельного раскаяния, приведенного Верховным Судом Российской Федерации в абз. 2 п. 4 Постановления N 19.

Действия лица, направленные на восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего, в том числе оплата лечения, оказание помощи потерпевшему и др., должны быть соразмерны причиненному вреду. На это обстоятельство прямо указывает Верховный Суд Российской Федерации. В частности, по уголовному делу в отношении Р., осужденного по ч. 6 ст. 264 УК РФ, Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил ряд вынесенных ранее кассационных решений, в которых суд кассационной инстанции, применяя п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в качестве смягчающего наказание обстоятельства к иным действиям, направленным на заглаживание вреда, причиненного потерпевшим, отнес зачисление бывшей супругой Р. денежных средств в сумме 5 млн руб. на счет Управления Судебного департамента «для компенсации морального вреда потерпевшим» после вынесения приговора (но до вступления его в законную силу). Как указала высшая судебная инстанция, основанием для отмены явился тот факт, что по смыслу п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ во взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 62 УК РФ применение льготных правил назначения наказания может иметь место в случае, если имущественный ущерб и моральный вред возмещены потерпевшему в полном объеме. В данном случае имело место внесение 5 млн руб. в счет возмещения ущерба потерпевшим во исполнение приговора в части разрешения гражданских исков о компенсации морального вреда, при этом не указано, в отношении каких именно потерпевших и в каком размере частично возмещен ущерб перечислением названной суммы**. Кроме того,

* См.: Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ).

** Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. N 5.

из приведенного решения следует, что в случае причинения преступлением вреда нескольким лицам действия виновного по возмещению должны быть индивидуализированы, то есть направлены на определенного потерпевшего (или потерпевших – с указанием, какая именно сумма из возмещения подлежит передаче каждому потерпевшему).

Наряду с указанным выше, для реализации добровольного возмещения причиненного преступлением вреда еще одним обязательным условием выступает согласие потерпевшего принять компенсацию и его активное участие в процессе возмещения вреда. В частности, на приоритет мнения потерпевшего (в отношении заглаживания вреда в контексте ст. 76 УК РФ) указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 10 Постановления N 19: «Способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим». Правоприменительная практика показывает, что при решении вопроса о применении обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, суды принимают во внимание позицию потерпевшего. В частности, при рассмотрении апелляционной жалобы было установлено, что размер причиненного преступлением вреда составляет 2600 руб., при этом обвиняемым вред потерпевшей был возмещен в размере 2500 руб. Обвиняемый хотел передать потерпевшей оставшуюся сумму, однако потерпевшая отказалась принять денежные средства и в процессе рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции заявила, что претензий к подсудимому не имеет. Апелляционная инстанция смягчила наказание, поскольку пришла к выводу о полном возмещении причиненного преступлением вреда, что явилось основанием применения положения о смягчающем обстоятельстве [7, с. 16-17].

Заметим, что активное участие потерпевшего здесь не только обеспечивает защиту его имущественных интересов, но и подтверждает отсутствие противоправного воздействия на этого участника уголовного процесса со стороны виновного в совершении преступления или иных лиц.

Представленные выше условия добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, с учетом требо-

ваний об обязательном участии властного субъекта в деятельности по возмещению причиненного преступным деянием вреда позволяют предложить следующий возможный алгоритм действий следователя (при условии, что установлены причиненный преступлением и подлежащий возмещению вред, потерпевший, а также лицо, совершившее преступление):

1) разъяснение потерпевшему возможных, кроме заявления гражданского иска, форм возмещения вреда, причиненного преступлением, и процедуры их реализации. Это целесообразно осуществить на этапе признания лица потерпевшим и разъяснения ему прав и обязанностей;

2) в процессе допроса потерпевшего определение его желания получить от подозреваемого (обвиняемого) или иных лиц компенсацию или заглаживание причиненного вреда. При этом в случае согласия необходимо выяснить возможный и желаемый для него способ восстановления его нарушенных прав (денежная компенсация, имущественное возмещение и т.д.);

3) разъяснение подозреваемому (обвиняемому) возможности и правовых последствий добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, процедуры возмещения и возможности привлечения третьих лиц к восстановлению нарушенных преступлением прав потерпевшего. Аналогично указанному выше п. 1 алгоритма следует провести на этапе разъяснения подозреваемому (обвиняемому) его прав и обязанностей;

4) при поступлении ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о желании возместить причиненный вред самостоятельно или с привлечением третьих лиц (данный этап включается в тех случаях, когда подозреваемый (обвиняемый) не имеет сведений о потерпевшем, и указанные участники не достигли соглашения о возмещении причиненного преступлением вреда самостоятельно, вне рамок уголовно-процессуальной деятельности):

– провести комплекс действий, направленных на проверку возможности выполнения обязательства подозреваемого (обвиняемого) по возмещению вреда, начиная с допроса этого участника. Здесь вполне допустимы допросы свидетелей, выемка представляемых подозреваемым (обвиня-

мым) документов, направление запросов о предоставлении документов (справок, характеристик и т.п.), поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий и другие следственные и процессуальные действия. При указании подозреваемого (обвиняемого) на возмещение вреда третьими лицами необходимо согласие подозреваемого (обвиняемого) на возмещение зафиксировать в материалах уголовного дела (в протоколе либо получив от подозреваемого (обвиняемого) письменный документ), а затем провести аналогичные приведенным выше мероприятия в отношении лиц, которые будут возмещать вред (допрос этих лиц; действия, направленные на установление их согласия на возмещение в интересах подозреваемого (обвиняемого), уровня материального благосостояния, отношения с подозреваемым (обвиняемым) и других значимых обстоятельств);

— уведомить о поступившем ходатайстве потерпевшего, разъяснить порядок возмещения и правовые последствия его реализации как для самого потерпевшего, так и для подозреваемого (обвиняемого), и получить согласие потерпевшего на возмещение и предоставление подозреваемому (обвиняемому) данных, необходимых для заключения соглашения;

5) организовать процедуру возмещения вреда, причиненного преступлением, с учетом предложений сторон о способе и порядке возмещения. Поскольку возможны различные варианты реализации, то позволим себе сгруппировать их в зависимости от наличия непосредственного контроля следователя (дознателя) за процедурой восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего:

— передача имущества (документов, подтверждающих право на имущество), денежных средств в присутствии следователя (дознателя) — непосредственный контроль добровольного возмещения вреда со стороны властного субъекта;

— возмещение иным порядком с последующим уведомлением следователя (дознателя) — уведомительный порядок возмещения*.

* Примененная терминология — «непосредственный контроль» и «уведомительный порядок» не претендует на статус дефиниции и употребляется прежде всего для краткости изложения.

Возмещение причиненного преступлением вреда должно быть отражено в материалах уголовного дела. При этом следует зафиксировать обстоятельства, имеющие в данной ситуации существенное значение:

1) характер (имущественный или моральный) и размер вреда. В случае компенсации морального вреда должен быть указан денежный эквивалент по согласованию сторон либо по требованию потерпевшего, против которого не возражает сторона защиты; при возмещении имущественного вреда его размер выражается твердой суммой;

2) способ возмещения вреда — передача денежных средств или имущества (представляется возможным возмещение в виде передачи прав на имущество, например, сдача в аренду — безвозмездную или со снижением арендной платы — жилого или нежилого помещения; передача во временное пользование транспортного средства и т.д.), перечисление услуг, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется оказать в пользу потерпевшего;

3) порядок передачи денежных средств (передачи имущества, оказания услуг и т.п.) — кем и когда были переданы, единовременно или в несколько выплат, в наличном виде или зачислением на счет (в последнем случае — когда поступили на счет потерпевшего), были ли денежные средства или имущество (услуги) приняты потерпевшим.

Способ фиксации факта и порядка восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего в силу частного характера правоотношений между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшим не закреплен в законе, он может быть различным. Определяющим при документировании выступает непосредственное участие властного субъекта в процедуре возмещения. Возможной видится следующая процедура. Иницирующим является заявление одним из участников (потерпевшим или подозреваемым, обвиняемым) ходатайства относительно добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением. В ходатайстве может быть высказана просьба приобщить к материалам уголовного дела документы, подтверждающие факт добровольного возмещения

вреда (уведомительный порядок возмещения) либо провести передачу денежных средств или имущества в присутствии следователя (дознателя) — непосредственный контроль властного субъекта. На основании ходатайства следователь (дознатель) с целью установления и фиксации рассмотренных выше значимых обстоятельств проводит допрос подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего, а также, в случае возмещения вреда иными лицами, этих лиц.

Дальнейшая процедура осуществляется по-разному в зависимости от того, присутствует ли следователь (дознатель) при передаче денежных средств или имущества. Непосредственный контроль властного субъекта за добровольным возмещением причиненного преступлением вреда обязывает следователя (дознателя) составить в порядке ст.ст. 166-167 УПК РФ протокол добровольного возмещения вреда (либо, если добровольное возмещение состоялось в ходе судебного заседания, факт возмещения фиксируется в протоколе судебного заседания). К протоколу приобщаются копии документов, подтверждающих факт передачи денежных средств или имущества — расписок, чеков, квитанций, документов на имущество и др. Уведомительный порядок не позволяет зафиксировать факт добровольного возмещения вреда отдельным протоколом. Наиболее оптимальным здесь видится составление письменного соглашения между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшим. Копия соглашения приобщается к материалам уголовного дела; кроме соглашения стороны также должны предоставить сле-

дователю (дознателю) документы, подтверждающие передачу денежных средств или имущества и его стоимость — расписки, чеки, квитанции и др. Копии этих документов также подлежат приобщению к материалам уголовного дела. О возможности и порядке составления такого соглашения следователь (дознатель) информирует подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего на первом этапе алгоритма, при разъяснении положений о добровольном возмещении вреда, причиненного преступлением.

Рассмотренный алгоритм действий по добровольному возмещению вреда, причиненного преступлением, находится фактически вне правовой сферы, поскольку входящие в него действия прямо не урегулированы законом. Однако восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего существенно затрагивает интересы сторон уголовного судопроизводства и ведет к серьезным правовым последствиям, в том числе в части решения вопроса о применении мер уголовного наказания. С учетом того, что возмещение причиненного преступлением вреда выступает обязательным элементом гарантирования государством конституционных прав и свобод граждан, нормативное правовое обеспечение восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего нуждается в совершенствовании. В этом направлении нормативное закрепление порядка добровольного возмещения причиненного преступлением вреда может выступить необходимой гарантией соблюдения интересов не только подозреваемого (обвиняемого), но и потерпевшего.

Список литературы

1. Сумин А.А., Химичева О.В. О достаточности процессуальных прав потерпевшего в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. N 2. С. 41-46.
2. Володина Л.М. Назначение уголовного процесса и реальное обеспечение прав человека по новому УПК РФ // Уголовная юстиция: состояние и пути развития. Региональная научно-практическая конференция. Тюмень: Экспресс, 2003. С. 18-22.
3. Шумаков С.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и денежным возмещением // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 90-96.
4. Азаров В.А. Деятельность органов дознания, предварительного следствия и суда по охране имущественных интересов граждан: учеб. пособие. Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1990. 107 с.
5. Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела: монография. Рязань: Узоречье, 2001. 210 с.
6. Ценева В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Томск, 2002. 24 с.

7. Дайджест практики по уголовным делам областных и равных им судов / подг. А.М. Балибекова // Уголовный процесс. 2021. N 3. С. 16-19.

References

1. Sumin A.A., Himicheva O.V. On the sufficiency of the procedural rights of the victim in the criminal process. Criminal proceedings, 2021, no. 2, pp. 41-46. (In Russ.).

2. Volodina L.M. Purpose of the criminal procedure and the real provision of human rights under the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Criminal Justice: state and development paths. Regional scientific and practical conference. Tyumen, Express Publ., 2003. Pp. 18-22. (In Russ.).

3. Shumakov S.A. Exemption from criminal liability due to the compensation for damage and monetary compensation. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2021, no. 1 (55), pp. 90-96. (In Russ.).

4. Azarov V.A. The activities of the bodies of inquiry, preliminary investigation and the court to protect the property interests of citizens. Omsk, Higher Police School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1990. 107 p. (In Russ.).

5. Himicheva G.P., Michurina O.V., Himicheva O.V. The end of the preliminary investigation by the termination of the criminal case. Ryazan, Uzorechye Publ., 2001. 210 p. (In Russ.).

6. Tseneva V.V. Exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim. Autoabstract Cand. Diss. Tomsk, 2002. 24 p. (In Russ.).

7. Digest of practice in criminal cases of regional and equivalent courts. Criminal Procedure, 2021, no. 3, pp. 16-19. (In Russ.).

Раздел 6. Совершенствование правоохранительной практики

ДЕСЯТОВА О.В., кандидат юридических наук, доцент, olya.desyatova.80@mail.ru Кафедра организации охраны общественного порядка; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	DESYATOVA O.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, olya.desyatova.80@mail.ru Chair of public order maintenance; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
--	--

К вопросу о полицейском задержании

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования полицейского задержания. Отмечено отсутствие в науке однозначной позиции относительно содержания термина «полицейское задержание». Проанализировав действующее законодательство и точки зрения ученых, автор статьи приходит к выводу о необходимости использования данного термина в научных целях для классификации оснований задержания, предусмотренных Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции». При этом обосновывается нецелесообразность его включения в законодательство, а также принятия федерального закона «О задержании». Рассмотрены особенности задержания отдельных категорий лиц, в частности допустивших нарушение правил комендантского часа, уклоняющихся от следования в специализированное лечебное учреждение для исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера. С целью устранения проблем, возникающих при задержании таких лиц, предложено усовершенствовать законодательство.

Ключевые слова: неприкосновенность личности; задержание; правовое задержание; полицейское задержание; административное задержание; задержание подозреваемого; фактическое задержание.

Для цитирования: Десятова О.В. К вопросу о полицейском задержании // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 53-60.

On the issue of police detention

Annotation. The article is devoted to the problems of the legal regulation of police detention. It is noted that there is no an unambiguous position in science regarding the content of the term "police detention". Having analyzed the current legislation and the points of view of scientists concerning this term, the author of the article comes to the conclusion that it is necessary to use this term for scientific purposes to classify the grounds for detention provided by Federal Law No. 3-FL of February 7, 2011 "On Police". At the same time, the inexpediency of enshrining this term in the legislation, as well as the adoption of the federal law "On Detention", is substantiated. The characteristics of the detention of certain categories of persons, in particular, those who have violated the curfew rules, who evade going to a specialized medical institution for compulsory medical measures imposed by the court, are considered. To eliminate the problems arising during the detention of such persons, it is proposed to improve the legislation.

Keywords: personal inviolability; detention; lawful detention; police detention; administrative detention; detention of a suspect; actual detention.

For citation: Desyatova O.V. On the issue of police detention // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 53-60.

Термин «полицейское задержание» имеет глубокие исторические корни и применялся еще в дореволюционной России [1], определяя полномочия полиции по кратковременному ограничению свободы гражданина [2, с. 37; 3, с. 757]. При этом в науке до сих пор не сложилось единое мнение о содержании анализируемого

понятия. В узком смысле под ним понимается лишь фактическое задержание [4, с. 9-10], в широком смысле — это любое задержание, осуществляемое сотрудниками полиции в порядке, предусмотренном ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции»)* [2, с. 37; 5, с. 177].

Если согласиться с первой точкой зрения, то аналогичный термин необходимо будет вводить для определения действий сотрудников иных правоохранительных органов, наделенных таким правом. Если отдать предпочтение второй точке зрения, то полицейское задержание сложно будет разграничить с иными видами задержания: уголовно-правовым (ст. 38 УК РФ), уголовно-процессуальным (ст. 91 УПК РФ), административным (ст. 27.3 КоАП РФ и ст. 14 ФЗ «О полиции») и дисциплинарным (ст. 28.7 Федерального закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»**).

Административное задержание само по себе рассматривается в узком (ст. 27.3 КоАП РФ) и широком значении, когда включаются все административно-правовые основания, предусмотренные ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции» (пп. 9, 10, 11, 12) [6, с. 33-35]. Дисциплинарное задержание как мера обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке, по справедливому замечанию Э.Л. Лещины, устанавливается «нормами административно-процессуального законодательства, направленными на принудительную реализацию норм административного (служебного), военного и административно-процессуального права» [7, с. 54]. Учитывая особый статус отдельных субъектов, которые в соответствии со ст. 2.5 КоАП РФ за совершение административных правонарушений несут дисциплинарную ответственность, применяемое в отношении их задержание может из административного перерасти в дисциплинарное. При этом в законодательстве не регламентируется вопрос о том, учитываются ли сроки административного задержания при назначении дисциплинарного ареста.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 22. Ст. 2331.

В уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве термин «задержание» также применяется в разных значениях. С одной стороны, предусмотрена поощрительная норма как обстоятельство, исключающее преступность деяния (причинение вреда при задержании совершившего преступление), в соответствии с которой задержание есть фактическое действие любого лица по доставлению в органы власти, что, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, является «одним из средств обеспечения неотвратимости уголовной ответственности и пресечения совершения им новых преступлений»***. С другой стороны, состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, подразумевает незаконное задержание подозреваемого как процессуальное действие специально уполномоченных субъектов ответственности, принимающих соответствующее процессуальное решение о задержании.

В уголовно-процессуальном законодательстве задержание подразделяется на процессуальное и фактическое действия. Первое обусловлено составлением протокола задержания (ч. 1 ст. 92 УПК РФ), второе определяет, в частности, момент возникновения у задержанного лица прав, в том числе на защиту (ч. 2 ст. 92 УПК РФ). По мнению В.Н. Григорьева, понятие фактического задержания подозреваемого используется в законодательстве в «достаточно узком смысле для обозначения определенной вехи в системе сугубо уголовно-процессуальной деятельности, связанной с принятием решения о лишении лица свободы», а все предшествующие этому моменту действия не включаются в анализируемое понятие [8, с. 78-79]. С.В. Супрун также отождествляет эти понятия, поскольку считает, что они совпадают по содержанию и по сути. При этом предшествующие процессуальному задержанию действия осуществляются в административном порядке [9, с. 94]. К таким дей-

*** О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент. 2012 г. N 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. N 11.

ствиям указанные авторы относят захват и доставку задержанного лица, предлагая называть их физическим задержанием [9, с. 92]. Исключение, по их мнению, составляют «случаи, когда задержание производится на основании постановления о задержании, вынесенного органом дознания или следователем» [8, с. 78].

В соответствии с п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» к фактическому задержанию относятся случаи «задержания в порядке статей 91 и 92 УПК РФ лица, объявленного в розыск, суд по месту его задержания вправе рассмотреть ходатайство об избрании меры пресечения»*.

С.И. Вершинина справедливо отмечает, что «различия в понимании задержания в уголовно-процессуальной сфере привели к слиянию фактического и процессуального задержания. Факторами, опосредующими такое слияние, стали основания, перечисленные в уголовно-процессуальном законе (ст. 91 УПК РФ), но имеющие явный полицейский характер, обусловленный их появлением до начала уголовного процесса» [3, с. 758].

В то же время ФЗ «О полиции» закрепляет полномочие полиции задержать любое лицо, подозреваемое в совершении преступления (п. 1 ч. 2 ст. 14), а УПК РФ – только подозреваемого в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 91), и именно в отношении такого лица составляется протокол, предусмотренный ст. 92 УПК РФ. В противном случае должен составляться протокол в порядке ч. 14 ст. 14 ФЗ «О полиции», однако не определена его процессуальная форма, как и порядок фиксации и последующего хранения. Также неясен срок задержания вне рамок уголовно-процессуальной меры принуждения и правовые последствия его применения. Кроме того, необходимо обеспечить защиту прав таких лиц с одновременной реализаци-

ей такого предназначения полиции, как противодействие преступности. Указанные пробелы правового регулирования приводят к тому, что сотрудники полиции, как справедливо отмечает К.А. Волков, не желают использовать предоставленные им полномочия [10, с. 13].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что термин «фактическое задержание» не должен отождествляться только с уголовно-процессуальным задержанием и, соответственно, обозначаемое данным термином действие может совершаться вне рамок уголовно-процессуальной деятельности по применению меры обеспечения. Фактическое задержание может применяться для пресечения деятельности лиц, не являющихся субъектами ответственности, девиантного поведения, и в других случаях [3, с. 760]. При этом вряд ли можно согласиться с тем, что его необходимо трансформировать в полицейское задержание [3, с. 760], поскольку это не решит вопрос о разграничении видов задержания, так как фактический захват и доставка предшествуют большинству из рассматриваемых видов. На наш взгляд, это один из способов осуществления задержания, и он не должен рассматриваться как самостоятельный вид задержания.

Термин «административное задержание» также традиционно имеет узкое и широкое значение применительно к мере обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ст. 27.3 КоАП РФ), сущность которой также заключается в кратковременном ограничении свободы физического лица [11, с. 77], и применительно к мере административно-обеспечительной, необходимой для обеспечения административной деятельности полиции, которая в целом опирается на нормы материального административного права. В свое время В.П. Кудрявцев, подчеркивая универсальный характер данной меры, утверждал, что «административное задержание есть единая мера административного принуждения, которая служит достижению нескольких целей...». [12, с. 10-11]. С приведенной позицией следует согласиться, поскольку, с одной стороны, само задержание, осуществляемое на основании полномочий полиции, закрепленных в ФЗ «О полиции» и других норматив-

* Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. N 2.

ных правовых актах, всегда направлено на прекращение противоправного или девиантного поведения. С другой стороны, его реализация одновременно обеспечивает неотвратимость ответственности. В данном случае невозможно разделить нормы материального и процессуального права.

Возвращаясь к понятию «полицейское задержание» и необходимости его выделения в самостоятельный вид, следует исходить из того, что оно должно отличаться по своей правовой природе. На наш взгляд, правовые основы такого задержания должны вытекать из законодательства, регламентирующего непосредственно деятельность полиции, а фактические – из ее назначения и основных направлений деятельности.

Введенная в ФЗ «О полиции» унифицированная норма (ст. 14), закрепляющая общие требования к государственной мере принуждения в виде задержания, не может рассматриваться только как полицейское задержание, так как аналогичные полномочия имеются и у других правоохранительных органов. При этом особенности реализации полномочий по задержанию некоторых перечисленных в данной норме категорий лиц определяются нормами соответствующего процессуального законодательства (ст.ст. 27.3-27.5 КоАП РФ, ст.ст. 91, 92 УПК РФ).

Кроме того, задержание отдельных категорий лиц, перечисленных в ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции», регламентируется иными нормами материального права. В частности, в соответствии со ст. 14 ФЗ «О полиции» задержание лица, допустившего нарушение правил комендантского часа, определяется Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»* (п. 9 ч. 2) (далее – ФКЗ «О чрезвычайном положении»); задержание лица, уклоняющегося от следования в специализированное лечебное учреждение для исполнения назначенных ему судом принудительных мер медицинского характера, – Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»**

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 23. Ст. 2277.

** Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. N 33.

(п. 8 ч. 2) (далее – Закон «О психиатрической помощи»). В то же время в указанных законах не предусмотрены ни сроки, ни порядок задержания соответствующих лиц [2, с. 37].

Согласно ст. 31 ФКЗ «О чрезвычайном положении» граждане, нарушившие правила комендантского часа, установленные во время чрезвычайного положения, задерживаются до окончания комендантского часа. Время и срок действия комендантского часа устанавливаются исходя из принципа целесообразности, а Правила комендантского часа определяются комендантом территории, на которой введено чрезвычайное положение [13].

Закон «О психиатрической помощи», как отмечено выше, не только не содержит положения о сроках и порядке задержания лиц, уклоняющихся от следования в специализированные лечебные учреждения для исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера, но и отсылает к ФЗ «О полиции», определяя, что при необходимости розыска и задержания лица, подлежащего госпитализации, сотрудники полиции действуют в порядке, установленном Федеральным законом «О полиции» (ч. 3 ст. 30).

Еще одна разновидность административного задержания предусмотрена в отношении лиц, незаконно проникших либо пытавшихся проникнуть на охраняемые объекты, до выяснения личности, но на срок не более трех часов (п. 10 ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции»), то есть определены и срок, и цель задержания. В то же время не установлено его отличие от задержания лиц, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях, поскольку такие действия образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.17 КоАП РФ. И, соответственно, не регламентирован порядок исчисления сроков такого задержания с учетом дальнейшего принятия процессуального решения. На наш взгляд, имеет место избыточная регламентация однородных общественных отношений.

Анализ категорий лиц, в отношении которых может применяться мера государственного принуждения в виде задержания, показал, что имеются две категории,

не подпадающие ни под один из рассматриваемых видов задержания, которые, на наш взгляд, и следует отнести к полицейскому задержанию, осуществляемому в рамках административно-правового регулирования в соответствии с ФЗ «О полиции».

Согласно п. 11 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции» сотрудники полиции имеют право задерживать лиц, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и окружающих, до передачи их в лечебные учреждения либо по месту жительства. В соответствии со ст. 30 Закона «О психиатрической помощи» сотрудники полиции обязаны оказывать содействие медицинским работникам при осуществлении недобровольной госпитализации и обеспечивать безопасные условия для доступа к госпитализируемому лицу и его осмотра.

На основании п. 12 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции» сотрудники полиции имеют право задерживать лиц, совершивших побег из психиатрического лечебного учреждения или скрывающихся от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение, до передачи их в психиатрическое лечебное учреждение.

Порядок действий сотрудников полиции при взаимодействии с органами Минздрава России по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами, определяется приказом Минздрава России и МВД России от 30 апреля 1997 г. N 33/269 «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами»*. В то же время порядок осуществления задержания не регламентируется. В связи с этим сотрудникам полиции следует руководствоваться требованиями, закрепленными в ст. 14 ФЗ «О полиции», в том числе относительно составления протокола о задержании. Несмотря на наличие общей нормы о задержании, считаем действующее законодательство несовершенным. Необходима детальная регламен-

тация данных видов задержания в Законе «О психиатрической помощи».

И хотя требования к содержанию протокола в части указания даты, времени и места его составления, должности, фамилии и инициалов сотрудника полиции, составившего протокол, сведений о задержанном лице, дате, времени, месте, основании и мотивах задержания, а также о факте уведомления близкого родственника (родственника) или близкого лица задержанного лица повторяют процессуальные нормы КоАП РФ и УПК РФ, в качестве недостатка следует отметить отсутствие образца бланка такого протокола. Полагаем, что не требуется, как предлагают О.Ю. Филиппов и И.В. Слышалов, издание отдельного ведомственного нормативного правового акта [6, с. 37], определяющего форму протокола. Достаточно внести дополнение в утвержденное приказом МВД России от 30 апреля 2012 г. N 389 Наставление о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан**, которое регламентирует порядок действий сотрудников полиции при доставлении лиц такой категории.

При этом нельзя согласиться с данными авторами относительно буквального толкования положения ч. 14 ст. 14 ФЗ «О полиции» и необходимости составления двух самостоятельных протоколов в рамках соответствующих процессуальных норм и материальных норм ФЗ «О полиции», поскольку указанные положения закрепляют лишь факт необходимости составления протокола, не уточняя порядок его составления. В то же время полагаем, что не будет избыточной конкретизация рассматриваемого положения указанием на то, что отдельные виды протоколов составляются в соответствии с иным законодательством.

Нельзя поддержать и предложение С.И. Вершининой о дополнении ФЗ «О полиции» статьей 14.1, регламентирующей полицейское задержание [3, с. 762-763], поскольку, во-первых, предложенная норма дублирует основания задержания, предусмотренные ст. 91 УПК РФ, что делает невозможным их разграничение, во-

* Медицинская газета. 1997. 19 сент.

** Рос. газ. 2012. 11 июля.

вторых, сроки задержания будут необоснованно увеличиваться до 8-ми часов, в-третьих, права задержанных будут дублировать положения ст. 14 ФЗ «О полиции», в-четвертых, автором без аргументации предлагается меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении в виде досмотровых мероприятий применять к полицейскому задержанию, поскольку одновременно с их проведением будет возбуждаться дело об административном правонарушении (ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ).

Полагаем, что термин «полицейское задержание», как и термин «фактическое задержание», нецелесообразно вводить в действующее законодательство, так как имеющиеся виды задержания — административное, дисциплинарное, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное — имеют устоявшуюся правовую природу, достаточно регламентированы и не требуют существенной корректировки. В то же время для удобства классификации категорий лиц, подлежащих задержанию, допустимо использовать оба термина, поскольку, например, такая категория, как лица, находящиеся в розыске (п. 4 ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции»), может подпадать под несколько видов задержания: это могут быть и лица, совершившие преступления, и водители, скрывшиеся с места ДТП, и лица, пропавшие без вести, и др.

Вызывает сомнения целесообразность принятия отдельного федерального закона «О задержании» [14, с. 175; 5, с. 184] только из-за необходимости урегулировать порядок задержания на первых этапах, который не регламентируется процессуальными нормами. Предлагаемый закон будет носить «рамочный» характер, поскольку, во-первых, отказаться от задержания как от меры процессуального принуждения невозможно, во-вторых, он будет содержать много норм, отсылающих к нормативным правовым актам, регламентирующим деятельность отдельных правоохранительных органов.

При этом следует согласиться с В.Н. Авдеевым и А.С. Каманициным в том, что «законодатель, объединив в статье 14 Закона о полиции все возможные виды задержания, применяемые полицией, а также установив новые виды задержания, не провел четко-

го разграничения между ними» [2, с. 39]. На наш взгляд, требуется унификация категорий лиц, подлежащих задержанию, во избежание дублирования и неоднозначного толкования.

Ранее отмечалось, что ФЗ «О полиции», регламентируя правовые основания задержания, не учитывает уголовно-правовое задержание, поскольку в п. 1 ч. 1 ст. 14 речь идет лишь об уголовно-процессуальном задержании [15, с. 106]. Правовая природа такого задержания, несмотря на имеющиеся дискуссии, заключается именно в захвате и доставлении такого лица в помещение территориального органа внутренних дел. Это дает основание говорить о том, что оно (уголовно-правовое задержание) должно найти отражение не только в ст. 38 УК РФ, действие которой распространяется на неопределенный круг лиц, в том числе сотрудников полиции, но и в ст. 14 ФЗ «О полиции» по аналогии с указанием в ч. 3 ст. 18 ФЗ «О полиции» на распространение положений данного института в отношении применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Фактически уголовно-правовое задержание лица, совершившего преступление, невозможно представить себе без силового воздействия.

Вместе с тем нельзя согласиться с позицией И.Г. Плэмэдялэ о необходимости переименования ст. 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» на «Принудительное задержание» только на этом основании, а также в связи с тем, что все остальные виды задержания, исходя из данной точки зрения, являются «добровольным задержанием», что противоречит их правовой природе как государственной меры принуждения [16, с. 67-68]. Тем более, что во время уголовно-правового задержания предполагается причинение вреда задерживаемому лицу, вплоть до причинения смерти, что исключает последующее уголовно-процессуальное задержание.

Таким образом, в рамках начавшейся дискуссии о введении в оборот термина «полицейское задержание» следует сделать некоторые выводы:

1. Поддерживая введение термина «полицейское задержание» в целом, полагаем, что нецелесообразно применять его

как название самостоятельного вида задержания или как обобщающий термин, охватывающий все виды задержания, предусмотренные ст. 14 ФЗ «О полиции». При этом представляется правильным его использование в научных целях для классификации оснований задержания, предусмотренных исключительно ФЗ «О полиции».

2. В целях унификации оформления протокола задержания следует ввести образец бланка, дополнив соответствующим примечанием Наставление о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан, утвержденное приказом МВД России от 30 апреля 2012 г. N 389.

3. Предлагаем дополнить Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» разделом «Меры государственного принуждения, применяемые для обеспечения оказания психиатрической помощи», определив порядок задержания лиц, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и окружающих, и лиц, совершивших побег из психиатрического лечебного учреждения или скрывающихся от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение.

Список литературы

1. Тарасов И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности: Рассуждение, представленное для публичной защиты на степень магистра. Киев: Унив. тип., 1875. 229 с.
2. Авдеев В.Н., Каманицин А.С. Полицейское задержание: к вопросу о необходимости формирования понятия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. N 3 (29). С. 36-39.
3. Вершинина С.И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. N 4. С. 755-765.
4. Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 172 с.
5. Чупилкин Ю.Б. О необходимости унификации порядка фактического задержания при осуществлении правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. В.А. Семенов. Краснодар, 2021. С. 176-185.
6. Филиппов О.Ю., Слышалов И.В. Административно-правовые аспекты задержания граждан в условиях реформирования полицейского законодательства: проблемы и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. N 1 (48). С. 33-37.
7. Лещина Э.Л. Меры дисциплинарно-правового принуждения в системе государственной службы России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. N 1 (43). С. 48-59.
8. Григорьев В.Н. О фактическом задержании подозреваемого // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. N 3 (89). С. 77-81.
9. Супрун С. Разграничение физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2007. N 1. С. 92-96.
10. Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. N 4. С. 11-15.
11. Пивоваров Д.В. Административное задержание как мера обеспечения производства, применяемая сотрудниками полиции // Административное право и процесс. 2016. N 2. С. 77-81.
12. Кудрявцев В.П. Административное задержание (правовые и тактические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1983. 24 с.
13. Козлов С.С. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. Москва: Проспект, 2019. 192 с.
15. Десятова О.В. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. N 3 (49). С. 106-114.
16. Плэмэдялэ И.Г. Актуальные проблемы статьи 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российский следователь. 2021. N 5. С. 64-68.

References

1. Tarasov I.T. Personal detention as a police security measure: Reasoning presented for public defense for a master's degree. Kiev, 1875. 229 p. (In Russ.).
2. Avdeev V.N., Kamanitsin A.S. Police detention: on the need to form a concept. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 3 (29), pp. 36-39. (In Russ.).
3. Vershinina S.I. On the issue of legalizing the actual (police) detention of persons caught at the scene of the crime. Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 755-765. (In Russ.).
4. Retyunskih I.A. Procedural problems of detention of a person on suspicion of committing a crime. Cand. Diss. Yekaterinburg, 2001. 172 p. (In Russ.).
5. Chupilkin Yu.B. On the need to unify the procedure for actual detention in the implementation of law enforcement activities. Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure and national security. In 2 parts. Part 2. Krasnodar, 2021. Pp. 176-185. (In Russ.).
6. Filippov O.Yu., Slyshalov I.V. Administrative and legal aspects of the detention of citizens in the context of reforming police legislation: problems and prospects. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 1 (48), pp. 33-37. (In Russ.).
7. Leshchina E.L. Measures of disciplinary and legal coercion in the system of public service in Russia. Legal science and law enforcement practice, 2018, no. 1 (43), pp. 48-59. (In Russ.).
8. Grigor'ev V.N. On the actual detention of the suspect. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, no. 3 (89), pp. 77-81. (In Russ.).
9. Suprun S. Differentiation of physical, actual and criminal procedural detention. Criminal law, 2007, no. 1, pp. 92-96. (In Russ.).
10. Volkov K.A. Necessary Defense in Police Activity: Questions of Theory and Judicial Practice. Russian judge, 2013, no. 4, pp. 11-15. (In Russ.).
11. Pivovarov D.V. Administrative detention as a measure of ensuring production used by police officers. Administrative law and process, 2016, no. 2, pp. 77-81. (In Russ.).
12. Kudryavtsev V.P. Administrative detention (legal and tactical aspects). Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 1983. 24 p. (In Russ.).
13. Kozlov S.S. Commentary on the Federal Constitutional Law of May 30, 2001 No. 3-FKZ "On the State of Emergency" (itemized). Access from the reference legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).
14. Rossinskiy S.B. Detention of a suspect: constitutional and intersectoral approach: monograph. Moscow, Prospect Publ., 2019. 192 p. (In Russ.).
15. Desyatova O.V. Institute for causing harm during the arrest of a person who has committed a crime in the legislation of the Russian Federation and foreign countries. Legal science and law enforcement practice, 2019, no. 3 (49), pp. 106-114. (In Russ.).
16. Plemedyale I.G. Actual problems of article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation "Causing harm during the arrest of a person who has committed a crime". Russian investigator, 2021, no. 5, pp. 64-68. (In Russ.).

Раздел 7. Компаративистика и зарубежный опыт

МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор, 1955715@rambler.ru Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences, professor, 1955715@rambler.ru Chair of administrative activities of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	--

Роль и место подразделений охранно-конвойной службы в правоохранительных системах России и зарубежных стран: научный обзор

Аннотация. В статье на основе использования сравнительно-правового метода исследуются модели организации охранно-конвойных подразделений органов внутренних дел в России и зарубежных странах. Рассматривается опыт Франции, Испании, США, Казахстана, Украины. В качестве ключевых объектов сравнения выбраны ведомственная принадлежность, структура и функции подразделений, осуществляющих охрану и конвоирование лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также осужденных. Выявлены общие и особенные черты в моделях организации охранно-конвойных подразделений, их роль и место в правоохранительных системах рассмотренных стран. Определено, что в Российской Федерации охранно-конвойные подразделения имеются в составе нескольких федеральных органов исполнительной власти и выполняют задачи по охране и конвоированию различных категорий лиц. Правоохранительные системы стран ближнего зарубежья (Украины и Казахстана) обладают некоторым сходством с российской системой, однако функции по охране и конвоированию в них возложены на специальные подразделения национальных гвардий. В странах Западной Европы схожие функции в области охраны правопорядка выполняют полиция и жандармерия (гвардия). Наибольшей спецификой организации охранно-конвойной службы характеризуются США.

Ключевые слова: охранно-конвойная служба; конвоирование; структура; функции; национальная гвардия; жандармерия; Служба маршалов США.

Для цитирования: Майоров В.И. Роль и место подразделений охранно-конвойной службы в правоохранительных системах России и зарубежных стран: научный обзор // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 61-70.

The role and place of security and convoy service units in the law enforcement systems of Russia and foreign countries: scientific review

Annotation. By using comparative legal analysis, the author of the article studies the models of organizing the security and convoy service units of law enforcement agencies in Russia and foreign countries. The experience of France, Spain, USA, Kazakhstan, Ukraine is considered. Departmental affiliation, structure and functions of the units that carry out the protection and escort of persons suspected and accused of committing crimes, as well as convicts, are chosen as the key objects of comparison. Common and special features of the models of organizing the security and convoy service units, as well as their role and place in the law enforcement systems of the countries under consideration, are revealed. It is determined that in the Russian Federation security and convoy units are the part of several federal executive bodies and they carry out the tasks of protecting and escorting various categories of persons. The law enforcement systems of the neighboring countries (Ukraine and Kazakhstan) have some similarities with the Russian system, but the functions that concern protecting and escorting in these countries are assigned to special units of the National Guard. In Western Europe, the police and the gendarmerie (guard) perform similar law enforcement functions. The security and convoy service of the United States is characterized by the greatest specifics of its organization.

Keywords: security and convoy service; escorting; structure; functions; National Guard; Gendarmerie; the United States Marshals Service.

For citation: Mayorov V.I. The role and place of security and convoy service units in the law enforcement systems of Russia and foreign countries: scientific review // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 61-70.

Введение

Одним из важных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации является охрана и конвоирование лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений (далее – охрана и конвоирование). Реализация соответствующих задач в системе МВД России возложена на подразделения охранно-конвойной службы полиции.

В зарубежных странах существуют различные модели организации охранно-конвойных подразделений, характеризующиеся спецификой ведомственной принадлежности, подчиненности, структуры, а также выполняемых функций. В связи с этим актуально проведение сравнительно-правового исследования организации охранно-конвойной службы и аналогичных структур, функционирующих в России и за рубежом.

Описание исследования

В Российской Федерации специфика деятельности конвойных подразделений состоит в том, что конвоирование является неотъемлемой частью не только уголовно-исполнительных, но и уголовно-процессуальных правоотношений, направленных на обеспечение возможности участия подозреваемого (обвиняемого) в следственных действиях и судебном рассмотрении уголовного дела [1, с. 23].

Функции конвоирования и охраны в нашей стране относятся к компетенции структурных подразделений нескольких органов, среди которых:

1. Подразделения охранно-конвойной службы полиции территориальных органов внутренних дел, находящиеся в подчинении МВД России. К ним относятся:

а) подразделения по содержанию лиц, арестованных в административном порядке;

б) подразделения по охране и конвоированию лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;

в) подразделения по содержанию лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений*.

Порядок деятельности конвойных подразделений полиции определяется различными нормативными правовыми актами МВД России**. Система подразделений ОВД, осуществляющих содержание, охрану и конвоирование подозреваемых и обвиняемых, по уровням управления имеет следующую структуру. На уровне МВД России функционирует Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, выполняющее управленческие, координационные и контрольные функции по содержанию, охране и конвоированию задержанных, подвергнутых административному аресту и заключенных под стражу лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений***. В субъектах Российской Федерации в территориальных

* Вопросы организации полиции: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. N 250 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 10. Ст. 1336.

** Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: приказ МВД России от 22 нояб. 2005 г. N 950; Об утверждении типовых штатных расписаний изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых: приказ МВД России от 25 мая 2004 г. N 309 и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Об утверждении Положения о Главном управлении по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 18 июля 2011 г. N 849. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

органах МВД России в состав управлений (отделов) обеспечения общественного порядка входят управления (отделы) полиции по руководству охранно-конвойной службой. Низовые конвойные подразделения полиции по охране и конвоированию сформированы в виде полков, батальонов, рот, взводов – в зависимости от обслуживаемой территории и объема работы. На местном уровне в ОВД также функционируют изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в которых осуществляются прием, содержание, охрана и конвоирование данных лиц, надзор за их поведением, соблюдение режима содержания и изоляции.

2. Подразделения, выполняющие функции охраны и конвоирования в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС).

В 1997 году в целях совершенствования системы исполнения уголовных наказаний началась передача УИС МВД России в ведение Минюста России*. В 2004-2005 годах была создана Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН России)**, а в 2009 году – Управление охраны и конвоирования ФСИН России, являющееся специальным подразделением УИС по конвоированию осужденных и лиц, заключенных под стражу, по плановым маршрутам. На подразделения охраны и конвоирования ФСИН России приходится более 60 % от общего числа конвоируемых лиц [1, с. 25].

3. В структуре Министерства обороны Российской Федерации функции конвоирования выполняют воинские части или военные комендатуры гарнизонов для охраны «в военных судах лиц, содержащихся в дисциплинарных воинских частях, под стражей на гауптвахтах»***.

* О реформировании уголовно-исполнительной системы МВД России: указ Президента Российской Федерации от 8 окт. 1997 г. N 1100 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 41. Ст. 4683.

** Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента Российской Федерации от 13 окт. 2004 г. N 1314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 42. Ст. 4109.

*** О военных судах Российской Федерации: федер. конституционный закон от 23 июня 1999 г. N 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3170.

Таким образом, полномочия по охране и конвоированию в Российской Федерации распределены между несколькими ФОИБ**** в зависимости от их компетенции, а также от категорий лиц, подлежащих конвоированию.

При изучении проблематики организации охранно-конвойной службы в Российской Федерации представляет интерес зарубежный опыт. Не вызывает сомнений то, что ведомственная принадлежность, структура и функции конвойных подразделений в той или иной стране отражают национальную специфику и складываются под влиянием исторического развития правоохранительной системы. В связи с этим в первую очередь необходимо проанализировать опыт организации охранно-конвойных подразделений в странах ближнего зарубежья, среди которых для предметного исследования автором были выбраны Украина и Казахстан.

После распада СССР в рамках реформирования правоохранительной системы в Республике Казахстан и Республике Украина начался процесс поиска и апробации наиболее оптимальных способов устройства и правового регулирования системы охранно-конвойной службы. В конце советского периода актуальной была проблема ведомственной принадлежности, разграничения сфер деятельности и полномочий между внутренними (конвойными) войсками, действующими в системе исполнения наказаний, с одной стороны, и подразделениями конвойной службы милиции – с другой.

Истоки данной проблемы лежали во включении в 1968 году охранно-конвойных подразделений МВД СССР в состав внутренних войск, которые находились в двойном подчинении МВД СССР и Минобороны до 1989 года. В постсоветский период внутренние войска как воинские формирования с правоохранительными функциями были в том или ином виде воссозданы в государственно-правовых системах бывших советских республик, в том числе в Республике Украина и Республике Казахстан. При этом с определенными коррективами были реципированы многие положения советского законода-

**** ФОИБ – федеральный орган исполнительной власти.

тельства, касающиеся правового регулирования деятельности внутренних войск [2, с. 72].

В августе 1991 г. части внутренних войск МВД СССР, дислоцированные на Украине, были переведены под ее юрисдикцию*. На их основе были созданы, во-первых, Внутренние войска как особое воинское формирование в составе МВД Украины, на которое возлагались правоохранительные функции, в том числе по охране и конвоированию**, во-вторых, Национальная гвардия Украины*** (в 2000 году Национальная гвардия была расформирована).

Таким образом, на Украине, отражая преемственность опыта СССР, функции охраны и конвоирования осужденных, а также арестованных и подозреваемых в совершении преступлений, первоначально были возложены на специальные подразделения внутренних войск. В 1996 году был создан Государственный департамент Украины по вопросам исполнения наказаний (в 2010 году преобразован в Государственную пенитенциарную службу Украины) — структура, аналогичная ФСИН России. Департаменту были переданы полномочия надзора, а с 2000 года — и охраны в учреждениях исполнения наказаний. Однако полномочия по охране и конвоированию по-прежнему были закреплены за Внутренними войсками МВД Украины.

В результате реорганизации правоохранительной системы, начавшейся в стране в 2014 году, Внутренние войска были расформированы, а на их основе в системе МВД Украины создана Национальная гвардия Украины как военное

формирование с правоохранительными функциями и как правопреемник Внутренних войск МВД, к которому перешли полномочия по охране и конвоированию. Согласно законодательству на Национальную гвардию Украины возлагаются обязанности по конвоированию лиц, взятых под стражу и осужденных к лишению свободы, во время их экстрадиции в Верховный Суд и иные судебные органы, изоляторы временного содержания, а также по их охране в зале суда****. Перечень объектов конвоирования и категорий лиц, подлежащих конвоированию, определяется совместно министром внутренних дел Украины и соответствующими учреждениями исполнения наказаний. Для реализации данных функций в структуре Национальной гвардии Украины созданы специальные батальоны конвойной службы, находящиеся в подчинении МВД.

Вместе с тем некоторые функции по конвоированию и охране, в том числе по содержанию изоляторов временного содержания, были сохранены за милицией и пришедшей ей на смену с 2016 года Национальной полицией Украины. Необходимо констатировать, что на протяжении всего периода существования Украины как независимого государства для нее характерны перманентные изменения в структуре правоохранительных органов в целом и внутренних войск в частности. В полной мере это повлияло и на организацию охранно-конвойной службы.

Как и в Республике Украина, в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 21 апреля 2014 г. N 807 внутренние войска МВД Республики Казахстан были преобразованы в Национальную гвардию Республики Казахстан, которая входит в систему органов внутренних дел наряду с полицией, УИС и военными следственными органами*****.

* О подчинении Украине внутренних войск, которые дислоцируются на ее территории: указ Президиума Верховной Рады Украины от 30 авг. 1991 г. N 1465-X // Ведомости Верховной Рады Украины. 1991. N 44. Ст. 592.

** О войсках внутренней и конвойной охраны: закон Украины от 26 марта 1992 г. N 2235-X // Там же. 1992. N 29. Ст. 397. (Утратил силу).

*** О порядке введения в действие Закона Украины «О Национальной гвардии Украины»: постановление Верховной Рады Украины от 4 нояб. 1991 г. N 1775-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua> (Утратило силу).

**** О Национальной гвардии Украины: закон Украины от 13 марта 2014 г. N 876-VII // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: <http://base.spinform.ru>

***** Об органах внутренних дел Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 23 апр. 2014 г. N 199-V. URL: <https://online.zakon.kz>

К числу полномочий Национальной гвардии Республики Казахстан, перешедших к ведомству от внутренних войск, относится конвоирование осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также осуществление контроля и надзора за поведением лиц, содержащихся в учреждениях УИС*.

Осуществление конвойной деятельности в Республике Казахстан регламентируется Правилами конвоирования подозреваемых, обвиняемых и осужденных, утвержденными приказом МВД Республики Казахстан от 2 декабря 2016 г. N 1122**. Правила разграничивают компетенцию подразделений органов внутренних дел в рассматриваемой области, определяя, что основным субъектом, реализующим функции охраны и конвоирования, являются подразделения Национальной гвардии Республики Казахстан. Однако в случае отсутствия в населенном пункте по месту дислокации учреждения УИС таких подразделений конвоирование обвиняемых и осужденных осуществляется подразделениями Комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан.

Как отмечается в исследованиях, методология сравнительного правоведения помогает выявить типичное и уникальное в объектах сравнения, а после выявления типичного — сопоставить общее и особенное [3, с. 11].

Проведенный анализ позволяет определить в качестве общей черты правоохранительных систем Украины и Казахстана наличие Национальной гвардии как отдельной силовой структуры, созданной на базе внутренних войск и наделенной полномочиями по охране и конвоированию. Следует отметить, что в Российской Федерации в 2016 году также была создана Федеральная служба войск национальной гвардии (далее — Росгвар-

дия), ФОИВ, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в следующих сферах: деятельность войск национальной гвардии Российской Федерации, оборот оружия, частная охранная деятельность, частная детективная деятельность, вневедомственная охрана***.

Войска национальной гвардии Российской Федерации были сформированы на основе внутренних войск МВД России. В этом проявилась характерная для бывших республик СССР тенденция реформирования правоохранительной системы. Вместе с тем в Республике Украина и Республике Казахстан национальные гвардии входят в состав органов внутренних дел, при этом для Украины характерна система двойного подчинения — МВД и Министерству обороны. В свою очередь, Росгвардия — это организационно самостоятельный ФОИВ, который находится в прямом подчинении Президенту Российской Федерации****. Кроме того, в отличие от гвардий Украины и Казахстана, к функциям Росгвардии не относятся охрана и конвоирование, осуществляемые другими органами, — МВД России и ФСИН России.

Таким образом, в Казахстане и на Украине длительное время сохранялась преемственность опыта СССР в положении подразделений охранно-конвойной службы, которые находились в составе внутренних войск, а затем в 2014 году перешли в сформированные на их основе национальные гвардии. В Российской Федерации в 90-е годы прошлого века была проведена реорганизация правоохранительной системы, в результате которой служба по охране и конвоированию вошла в состав милиции общественной безопас-

* О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 21 апр. 2014 г. N 807 // Инф.-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz>

** См.: Там же.

*** О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30 сент. 2016 г. N 510 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

**** Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 апр. 2016 г. N 157 // Там же.

ности*. В связи с этим при образовании на основе внутренних войск МВД России войск национальной гвардии осуществление охраны и конвоирования не вошло в полномочия последних.

В странах Западной Европы и США на процесс формирования и способ организации охранно-конвойных подразделений оказали большое влияние культурно-исторические особенности этих государств, а также фактор наличия централизованной или децентрализованной модели функционирования правоохранительной системы.

Исторически в США не сложилась единая система правоохранительных органов. Как отмечают А.Н. Мещеряков и Я.Л. Ванюшин, «в США существует более 140 всевозможных бюро, служб и управлений, относящихся к ведению федеральных министерств и занимающихся правоохранительной деятельностью» [4, с. 52]. Кроме того, сама структура правоохранительных органов включает четыре уровня, между которыми отсутствует какая-либо субординационная связь: федеральные правоохранительные органы, полиция штата, полиция округа, муниципальные органы полиции [5, с. 104]. Для каждого уровня характерна собственная юрисдикция, которая ограничивается территориально и отчасти функционально, поскольку, например, расследование нарушений федерального законодательства относится к исключительной компетенции органов федерального уровня.

Следует отметить, что в США на федеральном уровне имеется особое ведомство, к задачам которого относятся охрана и конвоирование различных категорий лиц – Служба маршалов США – структура, аналога которой нет в Российской Федерации и странах СНГ. Создание подобной службы как общедоинформального правоприменительного органа с предельно широкими полномочиями было призвано компенсировать исторически сложившие-

ся особенности политико-правовой системы США: низкий уровень централизации, значительный объем полномочий административных штатов, слабость институтов федеральной власти.

Качественным своеобразием отличается ведомственная принадлежность Службы маршалов США и ее место в правоохранительной системе государства. Система органов безопасности США на федеральном уровне включает в себя пять самостоятельных ведомств: внутренней безопасности, юстиции, обороны, финансов и почты. Служба маршалов США является одной из трех спецслужб, наряду с Федеральным бюро расследований и Федеральным бюро тюрем входящих в состав Министерства юстиции США. Возглавляет Службу маршалов назначаемый Президентом США директор, который руководит деятельностью 95 окружных отделений Службы маршалов, охватывающих 350 населенных пунктов в 50 штатах. Главное управление Службы маршалов США расположено в Арлингтоне (штат Виргиния) [6, с. 66].

Столь разветвленная структура ведомства обусловлена централизованным характером деятельности Службы маршалов США и разнообразием выполняемых ею функций, часть которых совпадает с полномочиями охранно-конвойной службы полиции и конвойных подразделений ФСИН России: содержание под стражей и транспортировка заключенных; конвоирование подсудимых, содержащихся под стражей; содержание под стражей и перевозка арестованных, обвиняемых, осужденных по делам федеральной юрисдикции, до помещения их в исправительные учреждения; перевозка освобожденных из-под стражи граждан и др.

При этом основной круг полномочий Службы маршалов США связан с обеспечением функционирования судебной системы США. К таким полномочиям относятся: 1) охрана зданий федеральных судов; 2) поддержание порядка во время судебных заседаний; 3) обеспечение личной безопасности судей, присяжных, прокуроров и свидетелей; 4) транспортировка и содержание под стражей нарушителей федерального законодательства, начиная с момента ареста и до вынесения приговора [4, с. 54].

* См.: О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 12 февр. 1993 г. N 209; О подразделениях милиции общественной безопасности: постановление Правительства Российской Федерации от 7 дек. 2000 г. N 926. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Служба маршалов США занимается судебными перевозками арестантов, а также осуществляет контроль и координацию деятельности Федерального бюро тюрем – федерального агентства, обеспечивающего исполнение наказаний по приговорам федеральных судов. Федеральное бюро тюрем ответственно за содержание и безопасность осужденных судами штатов, а также обвиняемых и подозреваемых, в отношении которых избрана такая мера пресечения, как арест [7, с. 87].

Одновременно Служба маршалов США занимается оперативно-следственной деятельностью – поиском беглых преступников и лиц, скрывающихся от проработки (особый режим, который должны соблюдать лица, условно осужденные и условно освобожденные); бежавших из-под надзора, а также других категорий граждан, скрывающихся от федерального правосудия. Таким образом, Служба маршалов США как своеобразный гибрид объединяет полномочия, которые в других странах распределены между различными учреждениями и подразделениями правоохранительных органов.

Причина уникального положения Службы маршалов в правоохранительной системе США состоит в том, что данный правовой институт изначально создавался как общенациональное учреждение, призванное приводить в исполнение судебные решения и обеспечивать реализацию федеральных законов и указов президента США на всей территории страны. В настоящее время каждое правоприменительное ведомство Соединенных Штатов Америки в той или иной степени взаимодействует со Службой маршалов. Специфика ведомственной принадлежности Службы маршалов определяется тем, что орган, формально относящийся к структуре исполнительной власти (Министерство юстиции), фактически подчинен власти судебной, поскольку главная функция маршала и его помощников заключается в исполнении предписаний и распоряжений, отданных федеральным судом.

Полицейские органы на уровне штатов, округов, муниципалитетов США также осуществляют охрану и конвоирование – преимущественно подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений лиц

– аналогично охранно-конвойной службе полиции Российской Федерации, однако выделение самостоятельных охранно-конвойных подразделений, их задачи и функции зависят исключительно от нормативно-правового регулирования в конкретном штате США.

В европейских государствах исторически сложилась централизованная (или континентальная) модель полицейской системы, возникшая в странах континентальной Европы в конце XVIII – начале XIX века. В большинстве стран (прежде всего во Франции, в Италии и Испании) подобная модель предполагает наличие двухуровневой системы правоохранительных органов, имеющих особый правовой статус и различную ведомственную подчиненность: полиции и жандармерии [8, с. 74]. В свою очередь, по содержанию деятельность полиции и жандармерии подразделяется на судебную и административную. Судебная деятельность заключается в оказании содействия судебному следователю («следственному судье»), в том числе в розыске и конвоировании виновных и их передаче судебному следователю.

Функции, аналогичные тем, которые выполняют подразделения охранно-конвойной службы Российской Федерации, в странах Западной Европы находятся в ведении либо специализированных подразделений полиции охраны общественного порядка, подчиненных МВД, либо жандармерии (гвардии), которая относится к органам двойного подчинения. Например, в ФРГ конвоирование арестованных и их охрана во время судебных заседаний относятся к компетенции полиции охраны общественного порядка. В то же время в Испании наряду с полицией действует Гражданская гвардия – национальная правоохранительная служба, первоначально находившаяся в двойном подчинении Министерства внутренних дел и Министерства обороны. В 1986 году был принят закон о Гражданской гвардии, в соответствии с которым, сохранив организационную обособленность, она окончательно перешла в подчинение МВД.

Данное ведомство обладает широкой компетенцией в области обеспечения общественной безопасности и правопорядка, однако выполняет свои функции

преимущественно за пределами городов — на различных объектах транспорта, автомагистралях, в сельской местности и др. Ряд функций, связанных с охраной и конвоированием, например конвоирование арестованных и их охрана во время судебных заседаний, осуществляется частями Гражданской гвардии совместно с полицией; однако задержанные и заключенные под стражу перевозятся исключительно силами Гражданской гвардии [9, с. 104].

Что касается Франции, то в юридической литературе подчеркивается высокий уровень централизации и одновременно дуалистичность системы полицейского управления, исторически оформившиеся в стране еще со времен Наполеона [10, с. 6; 11, с. 23-24]. В соответствии с Законом от 9 июля 1966 г. N 66-492 «Об организации национальной полиции»* все полицейские силы страны были объединены в рамках Национальной полиции. При этом функции конвоирования возложены на службу судебной полиции — структурное подразделение Национальной жандармерии Франции, которая является одним из ведущих учреждений в правоохранительной системе страны и органом двойного подчинения. Как правоохранительный орган Национальная жандармерия входит в структуру национальной (государственной) полиции и подчиняется МВД, а как один из видов вооруженных сил находится в подчинении Минобороны. В этом можно провести аналогию как со спецификой организации внутренних войск в СССР, так и с особенностями ведомственной подчиненности Национальной гвардии Украины и жандармерий (гвардий), существующих в европейских странах. Исследователями подобный ведомственный дуализм оценивается преимущественно с позитивной стороны — как своеобразная страховка от возможных злоупотреблений силовых структур [12, с. 28-29].

Современный правовой статус Национальной жандармерии регулируется Законом от 3 августа 2009 г. N 2009-971 «О национальной жандармерии Франции», основывающимся на трех принципах: сосуществование внутри страны двух

сил безопасности; сохранение военного статуса жандармерии; организационное и функциональное присоединение жандармерии к МВД [13, с. 55].

Национальная жандармерия отличается сложной структурой, в которой присутствует четыре уровня управления. Важнейшим из них является Генеральная дирекция, включающая три службы, в том числе Службу оперативных органов. Именно на эту службу возложены функции по охране и конвоированию, которые реализует находящееся в ее составе Главное управление судебной полиции, действующее под руководством и контролем судебных органов. Согласно п. 1 Закона от 3 августа 2009 г. N 2009-971 «О национальной жандармерии Франции» «судебная полиция является важнейшей миссией жандармерии». К функциям судебной полиции относятся: преследование и арест подозреваемых, ответственность за конвоирование заключенных в суды и их содержание под стражей. Также подразделения судебной полиции в интересах органов юстиции занимаются конвоированием осужденных к местам заключения, поэтому Национальная жандармерия координирует свою деятельность не только с МВД, но и с Минюстом.

Таким образом, во Франции сохраняется дуализм полицейской системы, включающей как полицию, так и Национальную гвардию. Неизменным остается и статус последней как органа двойного подчинения (МВД и Минобороны) в отличие от Гражданской гвардии Испании, полностью перешедшей в структуру органов внутренних дел.

Заключение

Проведенное компаративное исследование моделей организации охранно-конвойной службы в Российской Федерации и зарубежных странах позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В системе органов внутренних дел всех рассмотренных стран имеются подразделения, выполняющие функции по охране и конвоированию, которые относятся к полиции или иным ведомствам, входящим в систему ОВД (национальные гвардии, жандармерии).

2. В таких странах, как Украина и Франция, национальные гвардии и ана-

* См.: Официальный портал законодательства Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

логичные им структуры являются органами двойного подчинения, исполняющими распоряжения не только МВД, но и Минобороны.

3. Осуществление охраны и конвоирования тесно связано с задачами УИС, в связи с чем соответствующие подразделения либо входят в состав органов, подчиненных министерствам юстиции (Служба маршалов в США, ФСИН в России), либо осуществляют с ними постоянное взаимодействие.

4. По структуре и выполняемым функциям подразделения, осуществляющие охрану и конвоирование в Российской Федерации и зарубежных странах, можно разделить на следующие группы:

а) специализированные подразделения охранно-конвойной службы полиции, обладающие четко определенными функциями по охране и конвоированию подозреваемых и обвиняемых и действующие обособленно от органов УИС. Подобные подразделения имеются в России (охранно-конвойная служба полиции), ФРГ (полиция охраны общественного порядка), Испании (подразделения полиции Испании, осуществляющие конвоирование арестованных и их охрану в суде совместно с частями Гражданской гвардии);

б) особые конвойные части (подразделения) Национальной (Украина, Казахстан) или Гражданской (Испания) гвардии, выполняющие функции по охране и конвоированию подозреваемых, обвиняемых, осужденных и заключенных. К данной группе также следует отнести подразделения судебной полиции Франции, действующие в составе Национальной жандармерии;

в) отсутствие на территории страны единой полицейской структуры и, соответственно, централизованного регулирования деятельности полиции и ее подразделений, в том числе осуществляющих охрану и конвоирование различных категорий лиц. Такая модель сложилась в США, где наличие или отсутствие охранно-конвойных подразделений в структуре полиции полностью зависит от законодательства конкретного штата. Тем не менее децентрализацию правоохранительной системы компенсирует наличие Службы маршалов, обладающей значительным объемом полномочий в области содержания и конвоирования арестованных, обвиняемых, осужденных по делам федеральной юрисдикции, оперативно-следственной деятельности, обеспечения безопасности федеральных судов и др.

Таким образом, в результате сравнительного анализа ведомственной принадлежности, структуры и функций подразделений охранно-конвойной службы в России и ряде стран ближнего и дальнего зарубежья можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации сложилась одна из наиболее эффективных моделей организации охранно-конвойной службы, характеризующаяся четким разграничением ведомственной принадлежности, сфер деятельности и полномочий. При этом для Российской Федерации несомненный интерес представляет зарубежный опыт взаимодействия судебной власти и подразделений, осуществляющих функции охраны и конвоирования, в частности, деятельность института судебной полиции в европейских странах и Службы маршалов в США.

Список литературы

1. Кавокина С.Ю. Проблемы реализации функций конвоирования правоохранительными органами РФ // Уголовно-исполнительное право. 2010. N 1. С. 23-26.
2. Микитюк Ю.В. Организация деятельности внутренних войск МВД Украины // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 72-75.
3. Малиновский А.А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. N 3. С. 10-24.
4. Мещеряков А.Н., Ванюшин Я.Л. Полиция зарубежных стран (основы организации): учеб. пособие. Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2005. 95 с.
5. Курлович П.Н. Полиция в правоохранительной системе США // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. N 12. С. 104-110.
6. Левитан И.К. История становления и развития Службы судебных маршалов Соединенных Штатов Америки: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 173 с.

7. Место и роль пенитенциарной системы в государственном механизме Соединенных Штатов Америки / А.В. Быков, Л.Ф. Пертли, М.А. Калужина, Б.А. Спасенников // Пенитенциарная наука. 2015. N 3. С. 85-89.
8. Лазорин К.Б. Формирование полицейского государства в странах Европы в 18-19 вв. // Пробелы в российском законодательстве. 2013. N 6. С. 73-76.
9. Гасанов К.К., Саудаханов М.В. Национальная полиция Королевства Испания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. N 5. С. 103-107.
10. Смирнов Л.Л. Организационно-правовые основы формирования и функционирования Национальной жандармерии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 22 с.
11. Андреева И.А. Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII – начало XXI вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 396 с.
12. Быков А.В. Континентальная модель обеспечения внутренней безопасности государства // Российский следователь. 2007. N 8. С. 27-30.
13. Андреева И.А. На пути к радикальной полицейской реформе Франции. Объединение Национальной полиции и Национальной жандармерии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. N 4. С. 55-59.

References

1. Kavokina S.Yu. Problems of the implementation of the functions of escorting by law enforcement agencies of the Russian Federation. Criminal executive law, 2010, no. 1, pp. 23-26. (In Russ.).
2. Mikityuk Yu.V. Organization of the activities of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine. Manuscript. 2019. Vol. 12. Issue 1. Pp. 72-75. (In Russ.).
3. Malinovskiy A.A. Methodology of Comparative Law. Bulletin of the University named after O.E. Kutafin, 2016, no. 3, pp. 10-24. (In Russ.).
4. Meshcheryakov A.N., Vanyushin Ya.L. Police of foreign countries (organization fundamentals). Chelyabinsk, Chelyabinsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 95 p. (In Russ.).
5. Kurlovich P.N. Police in the US law enforcement system. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 12, pp. 104-110. (In Russ.).
6. Levitan I.K. History of the formation and development of the Service of Judicial Marshals of the United States of America. Cand. Diss. Ekaterinburg, 2005. 173 p. (In Russ.).
7. Bykov A.V., Pertli L.F., Kaluzhina M.A., Spasennikov B.A. The place and role of the penitentiary system in the state mechanism of the United States of America. Penitentiary Science, 2015, no. 3, pp. 85-89. (In Russ.).
8. Lazorin K.B. Formation of a police state in European countries in the 18-19 centuries. Gaps in Russian legislation, 2013, no. 6, pp. 73-76. (In Russ.).
9. Gasanov K.K., Saudahanov M.V. National Police of the Kingdom of Spain. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 5, pp. 103-107. (In Russ.).
10. Smirnov L.L. Organizational and legal basis for the formation and functioning of the National Gendarmerie. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2003. 22 p. (In Russ.).
11. Andreeva I.A. French police system: genesis, formation, development (second half of the 17th – early 21st centuries). Doct. Diss. Moscow, 2015. 396 p. (In Russ.).
12. Bykov A.V. Continental model of ensuring the internal security of the state. Russian investigator, 2007, no. 8, pp. 27-30. (In Russ.).
13. Andreeva I.A. Towards a radical police reform in France. Association of the National Police and the National Gendarmerie. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, no. 4, pp. 55-59. (In Russ.).

ШАРИФЗОДА Ф.Р., SHARIFZODA F.R.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
faizali_74@mail.ru, associate professor,
faizali_74@mail.ru
Академия Министерства внутренних дел Академия of the Ministry
Республики Таджикистан; of Internal Affairs
734012, Республика Таджикистан, of the Republic of Tajikistan,
г. Душанбе, ул. М. Мاستонгулова, 3 M. Mastongulov St. 3, Dushanbe, 734012,
Republic of Tajikistan

Угрозы национальной безопасности Республики Таджикистан: понятие, классификация

Аннотация. В статье представлена авторская позиция относительно понятия национальной безопасности. Отмечено, что обеспечение безопасности является ключевым ориентиром деятельности органов внутренних дел в направлении эффективного обеспечения прав и свобод личности, безопасности и правопорядка в государстве. Основываясь на регламентирующем обеспечении национальной безопасности законодательстве Республики Таджикистан, а также некоторых государств – участников СНГ, точках зрения по данной теме исследователей, автор статьи анализирует понятия «вызовы», «угрозы», «опасность», отмечает, что сущность национальной безопасности состоит в защищенности совокупности таких элементов, как личность, общество и государство. Предложена авторская классификация угроз национальной безопасности, учитывающая современные вызовы.

Ключевые слова: национальная безопасность; угрозы национальной безопасности; личность; общество; государство; Республика Таджикистан.

Для цитирования: Шарифзода Ф.Р. Угрозы национальной безопасности Республики Таджикистан: понятие, классификация // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 71-78.

Threats to national security of the Republic of Tajikistan: concept, classification

Annotation. The author's position concerning the concept of national security is presented in the article. It is noted that ensuring security is a key guideline for the activities of the internal affairs bodies aimed at the effective protection of individual rights and freedoms, law and order and state security. Having researched the legislation of the Republic of Tajikistan and some CIS member states that regulates the issues connected with ensuring national security, as well as the researchers' points of view on this topic, the author of the article analyzes the concepts of "challenges", "threats", "danger". It is emphasized that the essence of national security is the safety of the totality of such elements as the individual, society and the state. The author's classification of national security threats that takes into account modern challenges is proposed.

Keywords: national security; threats to national security; personality; society; state; Republic of Tajikistan.

For citation: Sharifzoda F.R. Threats to national security of the Republic of Tajikistan: concept, classification // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 71-78.

На современном этапе развития в Республике Таджикистан отмечается все более последовательное совершенствование законодательства в области обеспечения национальной безопасности. В частности, с момента принятия Закона Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. N 721

«О безопасности»* (далее – Закон о безопасности) в него было внесено достаточное количество изменений и дополнений,

* О безопасности: закон Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. N 721: ред. от 3 авг. 2018 г. // Вестник Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. N 6. Ст. 434; Законы Республики Таджикистан. 2018. N 7-8. Ст. 524.

являющихся, по сути, доказательством пристального внимания к этому вопросу со стороны государства. Обеспечение национальной безопасности всегда было и остается одной из важнейших задач любого государства.

В соответствии с Законом о безопасности под национальной безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов страны от реальных, потенциальных внутренних и внешних угроз. Более того, в данном определении прослеживается связь национальной безопасности с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, правовым положением граждан в современном обществе.

Следовательно, можно с уверенностью говорить о том, что обеспечение национальной безопасности связывается прежде всего с состоянием благополучия государства и его граждан. Дальнейшее поступательное развитие государства и повышение уровня благосостояния и качества жизни граждан республики являются основой Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года*.

Согласно большинству словарей понятие «безопасность» представляет собой «положение, при котором опасность не угрожает кому или чему-нибудь» [1, с. 47]. При этом слово «национальный» связано с общественно-политической жизнью нации, с ее интересами [1, с. 328].

Как отметил Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон в Послании парламенту республики, безопасность и стабильность считаются основой развития любого государства. По этой причине стабилизация мировых процессов и безопасность на мировом пространстве являются одной из краеугольных задач. Вызовы и угрозы современного мира, ситуация на Среднем Востоке, в особенности ситуация в соседнем Афганистане, вынуждают придавать первостепенное

значение вопросу обеспечения национальной безопасности**.

Возникновение новых очагов военной напряженности и конфликтов на Ближнем Востоке и в других регионах мира, возрастание глобальных и региональных угроз и вызовов, беспрецедентное расширение международного терроризма и организованной преступности, незаконного оборота наркотических средств и оружия, усугубление внутриэкономических, социальных и экологических проблем суверенных государств многократно увеличивают значимость решения вопросов, связанных с обеспечением национальной безопасности [2, с. 15].

Исследователи справедливо отмечают, что в современных условиях реальными очагами напряженности и опасной конфронтации могут быть стимулирование сепаратистских вооруженных конфликтов с конечной целью доведения их до всеобщего кризиса и распада страны; использование современных деструктивных технологий «цветных революций», социально-политическая конфронтация общества, раскол национальной системы ценностей или системы смыслов как окончательная стадия так называемого управляемого хаоса (Манн С., 1992), представляющего собой разработанную политтехнологами запада геополитическую технологию неокOLONIALИЗМА с применением «мягкой силы» свержения правящей власти, последующей гуманитарной интервенцией и превращением суверенного государства в марионеточный объект мировой политики [3]; дальнейшая активизация разнообразных форм и методов информационной интервенции, массовых панических настроений, полная деморализация ключевых институтов государственной власти [4, с. 64]. В связи с этим органы государственной власти, исходя из конституционного принципа признания человека, его прав и свобод высшей ценностью, задают ключевые ориентиры деятельности органов внутренних дел в направлении эффективного обеспечения

* Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года: утв. Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан 1 дек. 2016 г. N 636 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт. URL: <http://ncz.tj>

** Послание Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 22 дек. 2017 г. // Президент Республики Таджикистан: официальный сайт. URL: <http://president.tj/ru>

прав и свобод личности, безопасности и правопорядка.

Республика Таджикистан, учитывая общечеловеческие ценности и национальные интересы государства, глобальные вызовы и региональные угрозы безопасности республики, ориентирована на укрепление основ государства и национальной государственности, защиту стабильности и спокойствия общества, недопустимость уязвимости эффективно развития республики на долгосрочную перспективу, дальнейший рост благосостояния населения, продвижение вперед и обретение своего достойного места в мировом пространстве. В этом аспекте теоретико-прикладное значение имеет анализ опасностей, вызовов и угроз национальной безопасности Республики Таджикистан.

Своевременное выявление различных по степени вызовов, то есть множества проблем, угроз и опасностей, сложность и размеры которых таковы, что они не могут быть своевременно оценены, предотвращены, устранены или разрешены различными методами (включая силовые) исключительно за счет увеличения ресурсов и реагирования на них со стороны элементов системы обеспечения национальной безопасности, имеет первостепенную значимость в деятельности по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства.

В статье 1 Закона о безопасности общее понятие угрозы рассматривается через количественно-качественную величину, включающую в себя сумму условий, процессов и факторов, которые при определенных обстоятельствах могут препятствовать осуществлению национальных интересов или создавать возможность реальной опасности. В контексте исследования опасность понимается как объективно существующие возможности, совокупность условий и факторов, способных негативно воздействовать на социальный организм, нанести ему ущерб, вред, которые приводят к изменению свойств социального организма, ухудшают состояние, придают его развитию негативную динамику или параметры и даже могут вызвать дезорганизацию и полное уничтожение социального организма [5, с. 150].

В литературе верно указывается, что опасность как явление реальной действительности носит двойственный характер [6, с. 122]. С одной стороны, ее сущность выражена в вероятности, угрозе возникновения или наступления в перспективе при определенных обстоятельствах возможных негативных явлений, событий. Следовательно, она выступает субъективно построенной теоретической моделью в виде сложившегося представления о вероятности развития событий, которые могут произойти и причинить вред существующим правоотношениям. С другой стороны, опасность – категория объективная в том смысле, что в природе или в социальном мире реально существуют определенные явления, которые в совокупности при обычном развитии причинно-следственных связей и пространственно-временных зависимостей образуют состояние реальной возможности наступления нежелательного результата.

Полагаем, что такой подход к определению опасности, объективно существующей в окружающем нас социальном мире вне и помимо воли субъекта познания, а также вне зависимости от начала ее возникновения и от того, признана она законом таковой или нет, наиболее точно выражает существо данного явления. Опасность не является конечным результатом права, его творением. Право лишь придает этому феномену, когда его движущей силой становятся действия (бездействие) человека, специфически выраженную нормативно-правовую форму.

Угрозы как совокупность условий, неблагоприятных процессов и факторов представляют высшую степень опасности, ее конкретное выражение, целенаправленное намерение каких-либо сил нанести ущерб национальным интересам, негативно воздействовать на их реализацию [7, с. 121; 8, с. 38]. В настоящее время проявление угроз национальной безопасности ощущается мировым сообществом реально и уже не так отвлеченно, как это было еще несколько десятилетий назад. Например, в соответствии с п. 27 гл. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь к числу основных потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности относится «возник-

новение в Республике Беларусь беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций...» [см.: 9, с. 387-388]. В подавляющем большинстве законодательных актов, стратегических и концептуальных положений государств – участников СНГ изложены угрозы национальной безопасности*.

Анализ указанных положений, а также специальной литературы [10, с. 387; 11; 12, с. 112; 13, с. 112] дает основание утверждать, что любое государство самостоятельно выражает свое геополитическое видение мира и вправе определять доминирующие внешние и внутренние факторы (совокупность условий, обстоятельств, явлений, действий, бездействия), препятствующие (создающие возможность, направленные против, подрывающие устои, представляющие потенциальную опасность) или могущие препятствовать реализации национальных интересов (создающие опасность личности, обществу и государству; конституционным правам и свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому раз-

витию, обороноспособности; существованию государства, общества, семьи и личности).

Как представляется, нет необходимости конструировать какое-то универсальное определение, хотя, как справедливо утверждается в литературе, понятийный аппарат во все времена считался своего рода основой, прочным фундаментом, без создания которого невозможно построить новое правовое здание со своими структурными элементами [14, с. 8]. На каждом отрезке исторического развития независимых государств, с учетом потенциальных или реальных рисков, опасностей и угроз, возможных разрушительных последствий их реализации, которые требуют адекватных превентивных мер со стороны государства и общества, на первый план выдвигается та или иная их совокупность. В связи с этим характер и уровень угроз предопределяют основные направления деятельности по их предупреждению и локализации, формы, способы, средства и методы решения задач обеспечения национальной безопасности при рациональном использовании имеющихся ограниченных сил и средств, материальных ресурсов.

Угрозы национальной безопасности Республики Таджикистан обозначены в ст. 5 Закона о безопасности. Анализ данной статьи приводит к выводу о том, что их перечень достаточно обширен и включает в себя как внутреннюю, так и внешнюю сторону условий, процессов и факторов, препятствующих реализации национальных интересов или предполагающих опасность возникновения нежелательных последствий. Бессистемное отображение внутренних и внешних угроз и порождающих их факторов в рамках одной статьи закона затрудняет адекватное восприятие, не дает возможности нормативно-правового упорядочения совокупности актуальных областей действительности.

Кроме того, как справедливо отмечают ученые [15, с. 18; 16, с. 11], каждый вид угроз требует от полномочных органов правопорядка соответствующего и дифференцированного реагирования, что предопределяет необходимость углубленного анализа и оценки событий, стратегического и оперативного планирования предсто-

* О национальной безопасности Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 6 дек. 2012 г. N 527-IV. URL: <https://kodeksy.kz.com>; Стратегия национальной безопасности Республики Армения. 2020 г. URL: <https://gov.am>; Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь 9 нояб. 2010 г. N 575. URL: <https://pravo.by>; Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики: утв. Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 23 мая 2007 г. N 2198; Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики: утв. Указом Президента Кыргызской Республики от 9 июня 2012 г. N 12. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg>; Концепция национальной безопасности Республики Молдова: утв. Законом Республики Молдова 22 мая 2008 г. N 112-XVI «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Молдова». URL: <https://lex.justice.md>; О национальной безопасности Туркменистана: закон Туркменистана от 4 мая 2013 г. N 388-IV. URL: <https://turkmenistan.gov.ru>; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400. URL: <https://pravo.gov.ru>

ящих мер. Прежде всего, следует обратить внимание на обеспеченность своевременной готовности сил и средств к действиям при резком осложнении криминогенной обстановки, на особенности задач и реализацию функций. Появление новых целевых установок, безусловно, потребует уточнения и корректировки правового регулирования функционирования государственных органов, принятия своевременных и эффективных мер противодействия угрозам национальной безопасности.

Разделяя приведенную выше позицию, полагаем, что правила юридической техники, основанные на общих принципах и единой законотворческой политике государства, правотворческая культура требуют изложения правовых установок в определенной последовательности, логично, с учетом системы внутренних связей, что позволяет устранить различное изложение одной и той же нормы в нормативных правовых актах, сократить количество подзаконных нормативных правовых актов, устранить пробелы и противоречия в системе законодательства [17].

Исследователями разработаны различные классификации угроз национальной безопасности по разным основаниям [18, с. 163-164]. Однако необходимо учитывать, что в социальных системах причинная связь между явлениями и процессами редко бывает линейной, поэтому принятое в науке деление угроз национальной безопасности на внутренние и внешние является условным. Тем не менее изложенное дает основания для попытки уточнить и по-новому классифицировать современные вызовы и угрозы национальной безопасности во внешней и внутренней среде, которые прямо или косвенно влияют на политико-правовую, духовно-нравственную и социальную стабильность и защищенность жизни, здоровья и благополучия граждан Республики Таджикистан.

В основе предлагаемой классификации изучаемых явлений по признаку сходства существенных свойств и наличия связей лежит гуманистическая идея о сохранении общечеловеческих ценностей и национальных интересов Таджикского государства с учетом глобальных вызовов и региональных угроз безопасности страны.

Анализ нормативных правовых актов*, специальной литературы [11; 13] позволяет утверждать, что современные внешние вызовы и угрозы национальной безопасности Республики Таджикистан, прямо или косвенно влияющие на политико-правовую, духовно-нравственную и социальную стабильность и защищенность жизни, здоровья и благополучия граждан от преступных посягательств, состоят в следующем:

– негативное влияние противоречивых глобальных процессов, осложнение геополитической ситуации в регионе и мире, столкновение интересов сверхдержав, претензии на превосходство одной нации над другими, процессы нового передела мира, усиление недобросовестной геоэкономической конкуренции, торговых конфликтов и санкций;

– попытки ряда стран изменить в свою пользу геополитическое, военное и стратегическое равновесие на мировой арене, использовать любые возможности насильственного свержения конституционного строя суверенного государства и создать так называемую Большую Центральную Азию;

– межрегиональные и межклановые конфликты в ряде стран Центральной Азии, которые в той или иной степени подрывают стабильность и вызывают серьезные социальные проблемы;

– активизация радикальных элементов, подрывная деятельность националистических, религиозных, сепаратистских, экстремистских и террористических формирований, организаций и структур, направленная на свержение конституционного строя, нарушение единства и территориальной целостности Республики Таджикистан, вынашивающих планы совершения террористических актов в приграничных районах и внутри Таджикистана, дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране;

– не до конца решенные проблемы энергетики, использования трансгранич-

* О безопасности: закон Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. N 721; Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года: утв. Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан 1 дек. 2016 г. N 636.

ных рек и водоемов; спорные вопросы ряда стран Центральной Азии о делимитации и демаркации границ поселений, связанные с несовпадением этнического расселения с административно-территориальными границами.

Среди внутренних опасностей и угроз, прямо или косвенно относящихся к защищенности государственно-правовой, духовно-нравственной и социальной стабильности Республики Таджикистан и жизни, здоровья и благополучия граждан, в настоящее время следует прежде всего назвать:

- бедность, имущественное и социальное неравенство, коррупцию;
- высокий уровень безработицы и трудоизбыточность как фактор миграции большей части трудоспособного населения за пределы страны;
- необоснованное расширение сфер внедрения искусственного интеллекта, которое может отрицательно повлиять на уровень безработицы;
- любую враждебную деятельность, направленную на дезорганизацию функционирования федеральных органов государственной власти, нападение на государственные, хозяйственные, военные

объекты, объекты жизнеобеспечения и информационной инфраструктуры;

– устойчивый наркотрафик, контрабанду, незаконный оборот наркотических веществ, который является одним из главных источников финансирования международного терроризма и беспорядков в регионе и мире;

– транснациональную организованную преступность, терроризм, контрабанду, иную подрывную деятельность в масштабах, угрожающих национальной безопасности Республики Таджикистан.

Таким образом, предлагаемая научная классификация в полной мере учитывает современные вызовы национальной безопасности государства, упорядочивает перечень угроз национальной безопасности, устраняет имеющее место в Законе Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. N 721 «О безопасности» смешение внутренних и внешних угроз и факторов, их обуславливающих, которое не способствует адекватному восприятию, вызывает затруднения в их толковании, препятствует применению норм права в конкретных отношениях, порождает излишнюю неопределенность в реализации превентивных мер.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и образование, 2015. 1375 с.
2. Кудратов К.А. Влияние афганского конфликта на национальную безопасность Республики Таджикистан (1991-2014 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: [07.00.03]. Душанбе, 2015. 27 с.
3. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление // Синергетика: сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://sprkurdyumov.ru> (дата обращения: 5 окт. 2021 г.).
4. Митрошенков О.А. Теория управляемого хаоса: использовать себе во благо // Власть. 2017. N 8 (25). С. 64-73.
5. Ким М.О. Проблемы национальной безопасности на современном этапе развития общества // Философия права. 2017. N 3 (82). С. 150-157.
6. Дзалиев М.И., Урсул А.Д. Основы обеспечения безопасности России: учеб. пособие. Москва, 2003. 421 с.
7. Умнова Ю.В. Практическая потребность выявления общественной опасности экономических преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2012. N 1 (21). С. 121-124.
8. Сацута А.А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма // Вестник Военного университета. 2007. N 3 (11). С. 36-43.
9. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика в сфере обеспечения экономической безопасности Республики Таджикистан: монография. Душанбе: ЭР-граф, 2018. 471 с.
10. Стельмах В.И. Угрозы гибридной войны: подготовка сотрудников органов внутренних дел к противодействию // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 7 апреля 2016 г.). Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2016. С. 387-388.
11. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. 2-е изд. Москва: Изд-во РАГС, 2005. 344 с.
12. Кардашова И.Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2006. 494 с.

13. Алешин Ю.Н. Специфика угроз национальной безопасности новых независимых государств Центральной Азии // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2011. Т. II. N 1. С. 112-116.
14. Зоиров Дж.М. Организационно-правовой механизм нейтрализации вызовов и угроз в условиях многополярного мира // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2014. N 3 (23). С. 7-13.
15. Желудков М.А. Соотношение принципов гуманизма и справедливости при реализации мер по предупреждению преступности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. N 4. С. 15-20.
16. Махмадов П.А. Информационная безопасность в системе национальной безопасности государств Центральной Азии: учеб. пособие. Душанбе: Ин-т философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, 2018. 209 с.
17. Княжев В.Б., Майдыков А.Ф. О стратегии деятельности органов внутренних дел в условиях новых угроз национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2016. N 1 (37). С. 10-12.
18. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных актов органами исполнительной власти / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. Москва: Эксмо, 2010. 199 с.
19. Балдина Д.Р. Угрозы национальной безопасности Российской Федерации и мероприятия по их устранению // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: материалы ежегодной всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2021. С. 263-264.
20. Рахмонов А.С. Роль и место Республики Таджикистан в системе безопасности и противодействии современным нетрадиционным угрозам в ЦАР // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. N 2. С. 107-116.

References

1. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2015. 1375 p. (In Russ.).
2. Kudratov K.A. Influence of the Afghan conflict on the national security of the Republic of Tajikistan (1991-2014). Autoabstract Cand. Diss. Dushanbe, 2015. 27 p. (In Russ.).
3. Mann S. Chaos theory and strategic thinking. Synergetics: S.P. Kurdyumov. Available at: <http://spkurdyumov.ru> (Accessed October 5, 2021). (In Russ.).
4. Mitroshenkov O.A. The theory of controlled chaos: use it for your own good. Power, 2017, no. 8 (25), pp. 64-73. (In Russ.).
5. Kim M.O. Problems of national security at the present stage of development of society Philosophy of law, 2017, no. 3 (82), pp. 150-157. (In Russ.).
6. Dzljev M.I., Ursul A.D. Fundamentals of ensuring the security of Russia. Moscow, 2003. 421 p. (In Russ.).
7. Umnova Yu.V. The practical need to identify the public danger of economic crimes. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 1 (21), pp. 121-124. (In Russ.).
8. Satsuta A.A. National security as a social phenomenon: a modern paradigm. Bulletin of the Military University, 2007, no. 3 (11), pp. 36-43. (In Russ.).
9. Rakhimzoda R.Kh. Operational-search policy in the sphere of ensuring the economic security of the Republic of Tajikistan. Dushanbe, ER-graph Publ., 2018. 471 p. (In Russ.).
10. Stel'mah V.I. Threats of Hybrid War: Training of Internal Affairs Bodies to Resist. Problems of Combating Crime and Training for Law Enforcement Agencies. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2016. Pp. 387-388. (In Russ.).
11. General theory of national security. Moscow, Publishing house of RAGS, 2005. 344 p. (In Russ.).
12. Kardashova I.B. Ministry of Internal Affairs of Russia in the system of ensuring the national security of the Russian Federation. Doct. Diss. Moscow, 2006. 494 p. (In Russ.).
13. Alyoshin Yu.N. Specificity of threats to the national security of the newly independent states of Central Asia. Bulletin of the KRSU, 2011, Volume II, no. 1, pp. 112-116. (In Russ.).
14. Zoirov J.M. Organizational and legal mechanism for neutralizing challenges and threats in a multipolar world. Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan, 2014, no. 3 (23), pp. 7-13. (In Russ.).
15. Zheludkov M.A. Correlation between the principles of humanism and justice in the implementation of measures to prevent crime. Problems of law enforcement, 2016, no. 4, pp. 15-20. (In Russ.).
16. Makhmadov P.A. Information security in the national security system of Central Asian states. Dushanbe, 2018. 209 p. (In Russ.).
17. Knyazhev V.B., Maidikov A.F. On the strategy of the internal affairs bodies in the context of new threats to national security. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 1 (37), pp. 10-12. (In Russ.).
18. Legal technique. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 199 p. (In Russ.).

19. Baldina D.R. Threats to the national security of the Russian Federation and measures to eliminate them. Economic security of the individual, society, state: problems and ways of ensuring. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. Pp. 263-264. (In Russ.).

20. Rakhmonov A.S. The role and place of the Republic of Tajikistan in the security system and countering modern non-traditional threats in the CAR. Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Science Series, 2016, no. 2, pp. 107-116. (In Russ.).

Раздел 8. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

УФИМЦЕВ И.А., UFIMTSEV I.A.,
ivanufimcev@gmail.com ivanufimcev@gmail.com
Кафедра правовой подготовки Chair of legal training
сотрудников органов внутренних дел; of law enforcement officers;
Тюменский институт повышения Tyumen Advanced Training Institute
квалификации of the Ministry of the Interior
сотрудников Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75 Russian Federation

К вопросу о понятии незаконной охоты как признака состава преступления, предусмотренного статьей 258 Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена понятию охоты, анализу его законодательного закрепления и разъяснения Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Раскрываются содержание и стадии охоты, приводится краткая история данного вида деятельности. Выявлены и рассмотрены проблемные вопросы, возникающие у органов исполнительной власти при реализации возложенных на них функций по охране объектов животного мира, привлечении лиц к ответственности за незаконную транспортировку продукции охоты. Проводится разграничение между нарушением правил охоты и незаконной охотой. Высказываются предложения по совершенствованию законодательства, в частности по уточнению понятия «добыча», которое автор определяет как деятельность лица, направленную на умерщвление или отлов диких животных.

Ключевые слова: охота; незаконная охота; добыча; признак состава преступления; поиск; отслеживание; преследование; транспортировка; дикие животные.

Для цитирования: Уфимцев И.А. К вопросу о понятии незаконной охоты как признака состава преступления, предусмотренного статьей 258 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 79-86.

On the issue of the concept of illegal hunting as the element of crime provided by Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the concept of hunting, the analysis of enshrining this concept in legislation, as well as the explanation formulated by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The content and stages of hunting are revealed, a brief history of this type of activity is given. The problematic issues facing the executive authorities while implementing the functions of protecting wildlife assigned to them, as well as the problems that concern bringing persons to responsibility for the illegal transportation of the prey hunted, are identified and analyzed. A distinction is made between violation of hunting rules and illegal hunting. Proposals are made to improve the legislation and the practice of its enforcing, in particular, the proposal to clarify the concept of "prey", which the author of the article defines as the activity of a person aimed at killing or trapping wild animals.

Keywords: hunting; illegal hunting; prey; element of crime; search; tracking; pursuit; transportation; wild animals.

For citation: Ufimtsev I.A. On the issue of the concept of illegal hunting as the element of crime provided by Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 79-86.

Согласно п. 5 ст. 1 Федерального закона от 24 июля 2009 г. N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законо-

дательные акты Российской Федерации»* (далее – Федеральный закон «Об охоте»)

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 30. Ст. 3735.

под охотой понимается поиск, выслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка и транспортировка. При этом в ч. 2 ст. 57 Федерального закона «Об охоте» определено, что к охоте приравнивается и нахождение в охотничьих угодьях лиц с орудиями и (или) продукцией охоты, собаками охотничьих пород, ловчими птицами.

Имеется множество научных работ, посвященных незаконной охоте, однако большинство авторов ограничиваются цитированием соответствующих положений нормативных правовых актов. Часть исследователей при определении термина «охота» полагает, что это деятельность, направленная на добычу диких животных. Некоторые исследователи исключают первичную переработку и транспортировку из ее содержания, оперируя старым понятием, изложенным в п. 10 Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР, в соответствии с которым охота — это выслеживание с целью добычи, преследование и сама добыча диких зверей и птиц*.

Например, по мнению Р.А. Забавко, используемое в настоящее время в законодательстве понятие является «излишне широкой трактовкой термина “охота”, которая представляет собой деятельность, направленную на умерщвление дикого животного с целью последующего завладения его тушей или ее частями, либо деятельность, направленную на отлов, повреждение или уничтожение диких животных с целью реализации спортивного или иного интереса [1, с. 72]. Ю.Н. Ерофеев, формулируя определение понятия охоты, отмечает, что это добывание диких зверей и птиц, то есть извлечение их из естественной среды путем умерщвления или живьем [2, с. 19]. Б.Н. Звонков считает охотой любую деятельность, имеющую целью добычу диких животных и птиц, представляющих хозяйственную, или научную, или культурную, или просветительную ценность, а также ценность с точки зрения обеспечения сложившихся в природе экологических ассоциаций и равновесия [3, с. 101].

* Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР: утв. Постановлением Совмина РСФСР от 10 окт. 1960 г. N 1548 // СП РСФСР. 1960. N 34. Ст. 164. (Утратило силу).

Фактически все указанные определения ученых ограничиваются включением в состав понятия «охота» только добычи. Исходя из их суждений, не должно признаваться охотой нахождение в охотничьих угодьях лиц с орудиями и (или) продукцией охоты, так как «такое расширение содержания объективной стороны незаконной охоты безосновательно, создает предпосылки для объективного вменения» [1, с. 72].

Представляется, что подобная интерпретация рассматриваемого понятия для деятельности органов исполнительной власти является неприемлемой, так как неверное применение действующего законодательства приводит к недостижению задач и несоблюдению принципов уголовного закона, а также к безнаказанности совершающих такие деяния, росту экологических преступлений в целом, распространению нигилизма.

На наш взгляд, при отнесении к охоте нахождения в охотничьих угодьях лиц с орудиями и (или) продукцией охоты, собаками охотничьих пород, ловчими птицами преследовалась цель не только повышения эффективности привлечения к ответственности виновных лиц, но и предупреждения подобных деяний.

Процесс профилактики заключается в пресечении бесконтрольного, хищнического истребления объектов животного мира, так как при определенных объективных обстоятельствах данные действия являются либо начальной, либо заключительной стадией охоты. Реагирование же является вынужденной мерой, направленной на привлечение к ответственности лиц за нарушение предписанных правил, в том числе за незаконную добычу животных.

Президент Русского географического общества С.К. Шойгу обратил внимание на стремление человечества к «безудержному потреблению» животных и привел в пример своего деда, который добывал во время охоты мясо в количестве, достаточном для пропитания**.

Как правило, охотники, пренебрегающие правилами охоты, осуществляют добычу неограниченного количества жи-

** Вокруг света. 2021. N 7. URL: <https://www.vokrugsveta.ru>

вотных, ровно столько, сколько им удастся добыть. При этом животные добываются не для того, чтобы прокормить семью, а для личного обогащения. Например, приобретая разрешение на отстрел одной козули, охотники добывают большее их количество, не закрывая данное разрешение, а если в процессе первичной переработки и транспортировки окажутся застигнутыми правоохранительными или контролирующими органами, то будут привлечены только к административной ответственности за нарушение правил охоты, поскольку доказать их преступные намерения, как правило, невозможно.

Разумеется, любое усиление ответственности как необходимой меры реагирования на противоправное поведение влечет критику. Приравнение к охоте нахождения в охотничьем угодье с оружием и (или) продукцией охоты не является в этом плане исключением. Но если обратиться к цели принятия нормы (ч. 2 ст. 57 Федерального закона «Об охоте»), то становится очевидным, что она необходима для сохранения диких животных от истребления, а также для сбережения экологического баланса.

По мнению Э.Н. Жевлакова, исходя из определения, нахождение в охотничьих угодьях с орудиями охоты не является охотой и, соответственно, не может образовывать оконченное преступление. Эти действия могут быть расценены лишь как приготовление к преступлению, но в силу ч. 2 ст. 30 УК РФ они уголовно не наказуемы, поскольку незаконная охота не относится к тяжким и особо тяжким преступлениям. В данном случае возможно применение только мер административного воздействия [4, с. 16].

Безусловно, само по себе нахождение в лесном массиве с орудиями охоты не является охотой, но если орудия охоты приведены в готовность (заряжены, взведены и т.д.) для производства выстрела, то это свидетельствует о начале поиска, выслеживания, преследования животных, что уже является охотой, и в зависимости от места нахождения (общедоступное охотничье хозяйство или особо охраняемая территория) и способа охоты (например, применение механического транспортного средства) лицо может быть привлечено

как к административной, так и к уголовной ответственности.

Аналогичной позиции придерживаются правоприменительные и судебные органы. Так, приговором мирового судьи судебного участка N 2 Добрянского судебного района Пермского края от 18 июля 2019 г. гражданин М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, за нахождение на территории государственного природного биологического заказника Пермского края «Пожвинский» с собакой охотничьей породы и расчехленным охотничьим ружьем, то есть за осуществление охоты на особо охраняемой территории*.

Данный пример не является единственным. 21 октября 2018 г. на территории Шатровского государственного природного (зоологического) заказника задержан гражданин П., осуществлявший незаконную охоту путем поиска и выслеживания животных с применением автомобиля, а также с использованием фары-искателя и одноствольного охотничьего ружья, находящегося в собранном и заряженном состоянии. Приговором мирового судьи судебного участка N 27 Шатровского судебного района Курганской области от 27 декабря 2018 г. он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «б», «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 20 000 рублей, несмотря на то, что не было добыто ни одно животное**.

Приведенные примеры свидетельствуют об отрицательном отношении охотников к соблюдению правил охоты. И речь в данном случае идет не только о нахождении в охотничьих угодьях с орудиями охоты, но и о намеренном осуществлении действий, направленных на добычу животных на особо охраняемой территории.

Кроме того, ст. 258 УК РФ является бланкетной, и интерпретация указанных действий как способа приготовления к преступлению не может быть принята

* Приговор по делу N 1-30/2019 от 18 июля 2019 г. // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru>

** Приговор по делу N 1-91/2018 от 27 дек. 2018 г. // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru>

во внимание органами исполнительной власти при решении вопроса о наличии либо отсутствии в действиях лиц, нарушивших Правила охоты, признаков административного правонарушения или уголовно наказуемого деяния.

В то же время наличие проблемных вопросов, в том числе связанных с истолкованием понятия незаконной охоты как признака состава преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, не позволяет правоохранительным органам эффективно противостоять браконьерству.

Отвечая на вопрос о содержании понятия «охота», целесообразно обратиться к истории, рассмотреть определения, имеющиеся в толковых словарях, правилах охоты, а также в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации.

По мнению К.Р. Поппера, в науке нет преимущества между старыми и новыми теориями, любые положения, выдвинутые в одно время, могут быть пересмотрены в последующем [5, с. 11]. К аналогичному выводу можно прийти и в отношении природоохранного законодательства как в целом, так и в части, касающейся соблюдения правил охоты.

Для древних обитателей земли охота представляла собой борьбу с тремя главными врагами — голодом, холодом и четвероногим хищником. Охота как борьба за существование развивала у древних людей способность наблюдения, сообразительность, ловкость, настойчивость и выносливость. Постепенно получило развитие земледелие и скотоводство, а охота стала второстепенной. В результате деления общества на классы и общественного разделения труда охота становится «искусством», доступным ограниченному кругу лиц.

Н.И. Кутепов в конце XIX века отмечает, что в современном ему обществе охота как необходимость борьбы с животными — явление случайное и редкое, как промысел — явление низших классов, как искусство — занятие высших, людей достатка [6, с. 4]. Приведенное мнение и на сегодняшний день является актуальным. Урбанизация, расширение городских территорий становятся негативными факторами, ограничивающими среду обитания диких животных, вследствие чего сокра-

щается их популяция. В связи с этим охота как борьба за существование становится редким явлением, а ее организация и проведение — целым искусством.

В Толковом словаре В.И. Даля охота рассматривается как ловля, травля и стрельба диких животных, как промысел и как забава [7, с. 1269]. С.И. Ожегов определяет охоту как поиск, выслеживание зверей, птиц с целью умерщвления (на кого) или ловли (за кем) [8, с. 484]. В Большой советской энциклопедии исследуемое понятие раскрывается как добыча диких зверей и птиц; одна из древнейших отраслей производственной деятельности человека [9, с. 33].

Наиболее приближенным к действительному определению, содержащемуся в Федеральном законе «Об охоте», является толкование С.И. Ожегова, но и оно, к сожалению, не отвечает требованиям современности, так как слишком узкое.

Используемое в настоящее время в законодательстве определение понятия охоты представляется оптимальным, поскольку предусматривает три основные стадии:

— поиск, выслеживание и преследование — начальная стадия охоты, заключающаяся в обнаружении дикого животного в естественной среде его обитания;

— добыча — основная стадия, направленная на отлов либо отстрел животного;

— первичная переработка и транспортировка — заключительная стадия, направленная на получение выгоды.

Все стадии объединяет одно — удовлетворение определенных потребностей (социальных, материальных, духовных и т.д.).

Исходя из содержания нормы закона, любое из указанных действий может рассматриваться в отдельности и представлять охоту. При этом добыча диких животных не всегда является связующим звеном между первоначальной и заключительной стадиями охоты.

Например, поиск, выслеживание, преследование диких животных с целью их подсчета, фотографирования при научно-исследовательской, образовательной деятельности, спортивного интереса также будет являться охотой. Но если цель охоты — добыча какого-либо объекта животного

мира, то заключительная стадия ее производства в виде первичной переработки и транспортировки не может рассматриваться при отсутствии данного признака.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – постановление Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. N 21) для целей уголовного закона должна осуществляться транспортировка только незаконно добытых животных*. Таким образом, для признания лица виновным в незаконной охоте необходимо доказать, что данный гражданин достоверно знал и осознавал незаконность способа добычи транспортируемого им животного. При этом в рассматриваемом постановлении отсутствуют разъяснения относительно транспортировки частей животного, и это вызывает определенные трудности у органов исполнительной власти при разграничении административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния.

Из буквального толкования п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. N 21 следует, что уголовно наказуемым является только перемещение незаконно добытой туши животного. Данное обстоятельство позволяет браконьерам избегать уголовной ответственности, придумывая разнообразные версии о нахождении в их транспортных средствах диких животных и их частей («ехал домой, остановившись, увидел мешок с мясом, решил взять себе», «на трассе неизвестный предложил купить у него мясо барана»).

1 января 2021 г. вступили в силу новые Правила охоты, утвержденные приказом Минприроды России от 24 июля 2020 г. N 477 (далее – Правила)**. Согласно пункту 5.7 Правил любое перемещение охотничьих животных или их частей является транспортировкой. Пунктом 65 Правил запрещается перемещение (транспортировка) и разделка охотничьих животных

(в том числе погибших) или их частей без соответствующих документов (охотничьего билета, разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия, разрешения на добычу охотничьих ресурсов, разрешения на содержание животных и их разведение в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания).

Таким образом, новые Правила охоты запретили любое перемещение без соответствующих документов диких животных (их частей), независимо от того, добыты они или погибли.

Однако в настоящее время имеется противоречие между правовой оценкой транспортировки незаконно добытых животных и их частей, содержащейся в новых Правилах охоты и в постановлении Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. N 21, которое не учитывает изменений в нормативно-правовом регулировании данного вопроса.

Кроме того, вызывает сложности привлечение лица к ответственности за транспортировку продукции охоты с признаками ее незаконной добычи.

Исходя из положений Правил охоты любое перемещение продукции охоты (туш целиком или их частей) в нарушение установленных правил с применением транспортных средств должно квалифицироваться как уголовно наказуемое деяние по п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ. В то же время согласно п. 4 ст. 1 Федерального закона «Об охоте» под добычей понимается отлов или отстрел диких животных. Соответственно, транспортируемые животные или их части должны иметь признаки их добычи (отстрела или отлова).

Справедливую критику вызывает и то, что вышеуказанный закон относит к добыче только отлов и отстрел. Между тем смерть животному может быть причинена при помощи биты, топора, ножа и т.д. Следовательно, в этих случаях речь не может идти о добыче, поскольку производился отлов или отстрел животного.

Также следует обратить внимание на п. 62 Правил, в котором описаны запрещенные способы производства охоты. К ним, в частности, отнесено применение взрывчатых веществ, легковоспламеняющихся жидкостей, газов, электрического тока. Полагаем, что при этом весьма за-

* Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. N 12.

** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

труднительно осуществить отлов животных, а отстрел — невозможно.

У сотрудников правоохранительных органов достаточно часто возникают сложности при правовой оценке случаев задержания лица, транспортирующего при помощи механического транспортного средства продукцию охоты без соответствующих документов и видимых признаков добычи (когда на фрагментах мяса отсутствуют следы отстрела или отлова). В таких случаях может произойти неверное применение нормы закона, объективное вменение и, как следствие, привлечение лица к уголовной ответственности даже в случае, если оно действительно купило мясо дикого животного у незнакомого гражданина, добывшего его на законных основаниях.

Рассмотренные выше проблемы административной и уголовной ответственности требуют решения в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. В связи с этим в действующем законодательстве и в постановлении Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. N 21 необходимо закрепить единое определение термина «добыча», которым обозначается действие, являющееся связующим звеном между поиском, выслеживанием, преследованием, первичной переработкой и транспортировкой охотничьих ресурсов.

Например, А.С. Курманов предлагает заменить слово «добыча» на слово «добывание» в целях расширения содержания применяемого понятия [10, с. 44]. По мнению данного исследователя, это позволит трактовать добычу не только как действие в момент изъятия животного из естественной среды, но и как те же действия, которые будут совершены, учитывая, что они не являются ни выслеживанием, ни преследованием.

А.С. Курманов также приходит к выводу о том, что изменение термина не повлияет на квалификацию деяния, предусмотренного ст. 8.37 КоАП РФ и ст. 258 УК РФ, поскольку противоправные действия виновного считаются оконченными с момента его появления в охотничьем угодье с орудиями охоты.

На наш взгляд, изменение терминологии не требуется. Существует необ-

ходимость в расширении интенционала понятия «добыча». Рассмотрение добычи как деятельности лица, направленной на умерщвление или отлов диких животных, способствует устранению указанных пробелов и приведению дефидента к более корректному определению.

Аналогичное мнение высказано В.И. Морозовым и В.Г. Пушкаревым еще в 2006 году. Понятие добычи было определено ими как любые действия, могущие привести к изъятию животного из естественной среды [11, с. 6].

Однако возникает вопрос о том, будет ли являться добычей обнаружение туши погибшего животного и ее присвоение для удовлетворения собственных нужд. В настоящий момент Правилами запрещены перемещение и разделка погибших животных, но не определен порядок информирования государственных органов либо должностных лиц, арендаторов охотничьих угодий об обнаружении туш, что свидетельствует о необходимости устранения пробела в законодательстве.

Обращение к правоприменительной практике показывает, что при обнаружении туши погибшего животного, причиной смерти которого не явилось применение какого-либо оружия или орудия лова, в случае его последующей разделки либо транспортировки лицо будет привлечено к административной ответственности за нарушение правил охоты (ст. 8.37 КоАП РФ). Это касается и транспортировки туши животного, полученной в результате дорожно-транспортного происшествия, однако в данном случае лицо также будет привлечено к административной ответственности по ст. 12.27 КоАП РФ за оставление места дорожно-транспортного происшествия. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. N 52-ФЗ «О животном мире»^{*} определяет указанные действия как пользование животным миром и, соответственно, они не могут являться добычей.

По мнению Н.В. Блажевича, в XXI веке наука будет уделять большое внимание проблемам рационального использования природных ресурсов [5, с. 122]. Однако решение данных проблем требует внимания

^{*} Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 17. Ст. 1462.

не только ученых, но и общества в целом, и государства.

Подводя итог, можно констатировать, что применяемая в действующем законодательстве дефиниция охоты является наиболее конструктивной и сбалансированной, включающей в себя три основные стадии ее производства: начальную, основную и заключительную.

В то же время в целях строгого и единообразного применения на всей территории страны основных нормативных правовых актов в области охраны окружающей среды и охотпользования, а также в связи с принятием новых Правил охоты считаем целесообразным внести соответствующие изменения в постановление Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. N 21. В пункте 10 постановления необходимо указать, что любой гражданин может быть признан виновным в незаконной охоте, совершенной с применением транспортного средства, в случае, если им осуществлялась транспортировка не только незаконно добы-

тых животных (в том числе погибших), но и их частей. В постановлении необходимо также отразить положения Правил охоты, раскрывающие дефиницию транспортировки и запрещающие любое перемещение и разделку охотничьих животных (в том числе погибших) или их частей без соответствующих документов.

Кроме того, на наш взгляд, необходимо уточнить понятие добычи, содержащееся в п. 4 ст. 1 Федерального закона «Об охоте», изложив его дефиницию следующим образом: деятельность, направленная на умерщвление либо отлов диких животных.

В Правилах охоты целесообразно предусмотреть норму, определяющую порядок информирования государственных органов либо должностных лиц, арендаторов охотничьих угодий об обнаружении туш животных. Данная обязанность способствует неукоснительному соблюдению ветеринарно-санитарных норм и усилению ответственности за незаконную добычу животных.

Список литературы

1. Забавко Р.А. К вопросу о диалектическом единстве видов общественно опасных деяний, составляющих незаконную охоту // Российская юстиция. 2018. N 9. С. 71-73.
2. Ерофеев Ю.Н. Ответственность за незаконную охоту по уголовному законодательству России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1994. 293 с.
3. Звонков Б.Н. Уголовно-правовая борьба с браконьерством в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1967. 283 с.
4. Жевлаков Э.Н. Квалификация незаконной охоты // Уголовное право. 2009. N 6. С. 14-19.
5. Блажевич Н.В., Анисин А.Л. История и философия науки для юридических специальностей: учебник. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2016. 496 с.
6. Кутепов Н.И. [Царская охота на Руси]: Исторический очерк Николая Кутепова / ил. В.М. Васнецова и С. Самокиша: в 4 т. Т. 1: Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1896. 212 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: в 4 т. Т. 2. И-О. Москва: АСТ; Астрель, 2002. 1280 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1990. 921 с.
9. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 19. Отоми – Пластырь / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Сов. энцикл., 1975. 648 с.
10. Курманов А.С. Незаконная охота как экологическое преступление: учеб. пособие. Уфа: БИСТ, 2019. 122 с.
11. Морозов В.И., Пушкарев В.Г. Уголовно-правовая квалификация браконьерства: учеб.-практ. пособие. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2006. 52 с.

References

1. Zabavko R.A. On the question of the dialectical unity of the types of socially dangerous acts that make up illegal hunting. Russian justice. 2018, no. 9, pp. 71-73. (In Russ.).
2. Erofeev Yu.N. Responsibility for illegal hunting under the criminal legislation of Russia. Cand. Diss. Moscow, 1994. 293 p. (In Russ.).
3. Zvonkov B.N. Criminal and legal struggle against poaching in the USSR. Cand. Diss. Rostov-on-Don, 1967. 283 p. (In Russ.).

4. Zhevlakov E.N. Qualification of illegal hunting. Criminal law. 2009, no. 6, pp. 14-19. (In Russ.).
5. Blazhevich N.V., Anisin A.L. History and philosophy of science for legal specialties. Tyumen, Tyumen Law Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 496 p. (In Russ.).
6. Kutepov N.I. [Tsarist hunting in Russia]: a historical essay by Nikolai Kutepov. In 4 volumes. Vol. 1: Grand Ducal and royal hunting in Russia from the X to the XVI century. St. Petersburg, Expedition of procurement of state papers, 1896. 212 p. (In Russ.).
7. Dal'V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: Modern spelling. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow, AST; Astrel Publ., 2002. 1280 p. (In Russ.).
8. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: 70 000 words. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 921 p. (In Russ.).
9. The Great Soviet Encyclopedia. In 30 volumes. Vol. 19. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1975. 648 p. (In Russ.).
10. Kurmanov A.S. Illegal hunting as an environmental crime. Ufa, BIST Publ., 2019. 122 p. (In Russ.).
11. Morozov V.I., Pushkarev V.G. Criminal and legal qualification of poaching. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 52 p. (In Russ.).

ОВСЯННИКОВ А.В.,
andrej.ovsyannikov.340@mail.ru
Кафедра оперативно-разыскной
деятельности
и оперативно-технических мероприятий
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

OVSYANNIKOV A.V.,
andrej.ovsyannikov.340@mail.ru
Chair of detective activities
and crime detection technical actions
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

Тенденции развития индивидуальной и социальной профилактики в сфере незаконного оборота наркотиков

Аннотация. В статье представлены этапы становления и развития индивидуальной и социальной профилактики в сфере незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации. Отражены основные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность, направленную на профилактику наркомании, а также на реализацию мер по предотвращению правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков. Указаны актуальные данные мониторинга состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. С учетом современных тенденций развития преступности приведена положительная практика деятельности субъектов профилактики, а также выделены приоритетные направления профилактической деятельности по предотвращению наркотизации населения.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков; наркомания; наркотизм; антинаркотическая политика.

Для цитирования: Овсянников А.В. Тенденции развития индивидуальной и социальной профилактики в сфере незаконного оборота наркотиков // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 87-96.

Trends in the development of individual and social prevention in the field of drug trafficking

Annotation. The stages of formation and development of individual and social prevention in the field of drug trafficking in the Russian Federation are presented in the article. The basic legal acts regulating the activities aimed at the prevention of drug addiction, as well as the implementation of measures to prevent offences in the field of drug trafficking are analyzed. The current data on monitoring the state of crime in the field of illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances are provided by the author of the article. Taking into account the recent crime trends, successful practice of the activities of the subjects of prevention is given. The author of the article also identifies the priority directions of preventive activities aimed at preventing drug abuse and addiction among the population.

Keywords: drug trafficking; drug use; drug addiction; anti-drug policy.

For citation: Ovsyannikov A.V. Trends in the development of individual and social prevention in the field of drug trafficking // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 87-96.

В современном мире динамично развиваются информационные технологии, затрагивающие все уровни жизнедеятельности человека, и это не могло не сказаться на стремительном изменении общества в целом. Анализ современной правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что информационно-коммуникационные технологии все чаще

используются для осуществления новых форм преступной деятельности. Примером тому является незаконный оборот наркотических средств.

На протяжении многих лет наркотизация населения остается одной из самых актуальных социальных проблем российского общества. Данная тема является предметом обсуждения политиков, госу-

дарственных деятелей, ученых, сотрудников правоохранительных органов, представителей общественности. Разрабатываются и реализуются программы противодействия наркотизации, однако существенно приблизиться к решению этой проблемы пока не удается [1, с. 2].

В докладе от 26 июня 2019 г. Управление ООН по наркотикам и преступности обратило внимание на то, что, согласно уточненным данным и усовершенствованным формам исследований, неблагоприятные последствия употребления наркотиков для здоровья являются более серьезными и широко распространенными, чем считалось ранее. Около 35 млн человек во всем мире страдают от расстройств, связанных с потреблением наркотиков, и нуждаются в лечении*.

Следует отметить, что к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее – наркотики), а также к болезни наркомании как проблеме в современном ее понимании не всегда относились негативно. В зависимости от исторических особенностей, традиций и обычаев народов, географического положения, вероисповедания потребление наркотиков принимало различные формы и виды. Однако сущность их потребления оставалась неизменной – люди стремились привести себя в состояние наркотического возбуждения, кратковременного блаженства, веселья, легкости, радужных иллюзий.

Длительное время наркомания как явление не была известна большей части населения России. В связи с отсутствием остроты данной проблемы отечественное законодательство ограничивалось наличием отдельных норм по предупреждению противоправных деяний, посягающих на общественную нравственность.

Значительную роль в распространении наркомании в Российской империи сыграли военные и революционные события начала XX столетия, такие как Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 года, Гражданская война. Так, при хирургическом вмешательстве в качестве

* Всемирный доклад о наркотиках Управления Организации Объединенных наций по наркотикам и преступности за 2019 год // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: <https://www.unodc.org>

болеутоляющих средств активно использовались эфир и морфин, поскольку их воздействие является не только болеутоляющим, но и вызывает глубокий сон с потерей болевой чувствительности. Дополнительным негативным фактором в распространении наркомании следует считать введение «сухого закона», который оказал значительное влияние на возрастание популярности кокаина и морфина. Об этом свидетельствуют многие литературные произведения указанного периода.

Осознание общественной опасности наркотизации населения привело к принятию мер государственного контроля за оборотом наркотиков, а также к разработке нормативной базы, предусматривающей ответственность за несоблюдение указанных мер. Этими же обстоятельствами определено и начало международного сотрудничества по борьбе с наркоманией.

В 1909 году в г. Шанхае была проведена первая международная конференция, на которой состоялось заседание Международной опиумной комиссии. В 1912 году в г. Гааге проходила вторая конференция, по итогам которой была принята Международная опиумная конвенция**, подписанная и ратифицированная 58 государствами, в том числе Российской империей. Подобные конференции, на которых был принят ряд правовых международных актов и рассматривались вопросы регулирования производства и распределения наркотиков, проводились в 1925, 1931, 1936 годах.

В 1946 году при ООН создана Комиссия по наркотикам, в состав которой вошли пятнадцать государств, в том числе СССР. По инициативе ООН были приняты Единая конвенция о наркотических средствах (Нью-Йорк, 30 марта 1961 г.)*** и Конвенция о психотропных веществах (Вена, 21 февраля 1971 г.)****.

** International Opium Convention Signed at the Hague January 23, 1912. URL: <http://digital.library.northwestern.edu>

*** См.: Бюллетень международных договоров. 2000. N 8.

**** См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1981. N XXXV. С. 416.

С целью противодействия распространению немедицинского потребления наркотиков ООН при активном участии СССР приняла Конвенцию о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.)*

На основе норм, закрепленных в указанных выше международных документах, государства, подписавшие их, приняли на себя обязательство закрепить нормы права, предусматривающие преследование в уголовном порядке лиц, виновных в незаконных операциях с наркотиками.

Следует отметить, что противодействие наркотизации населения не всегда приносило ожидаемый эффект. Например, в 80-е годы XX века в СССР наркоманами считали лишь тех лиц, которые в связи с основным заболеванием постоянно принимали медицинские наркотические препараты, вследствие этого стали зависимыми наркопотребителями. Подобную позицию высказывали и печатные издания современности [2, с. 12; 3, с. 4]. Противовесом указанному мнению стали открыто опубликованные статистические показатели того времени. Так, в 1988 году на учете в наркологических диспансерах с диагнозом «наркомания» состояло 50 тысяч больных. В начале 80-х годов прошлого века на 100 тысяч населения приходилось 1,2 % лиц, у которых впервые установлен диагноз «наркомания», а в 1987 году этот показатель был равен уже 7,1 % [4, с. 17].

В момент становления и развития Российской Федерации как отдельного государства проблема наркотизации населения носила острый характер. Начало 90-х годов XX столетия негативным образом отразилось на распространении наркомании и наркотизации населения России. Этому способствовали социально-экономические потрясения; нестабильная экономика; упадок системы профилактики правонарушений и преступлений (применительно к освещаемой теме следует упомянуть о ликвидации лечебно-трудовых

профилакториев**); слабое финансирование органов внутренних дел и отсутствие квалифицированных сотрудников, специализирующихся на раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В результате практически перестала работать превентивная функция уголовного наказания. Наркобизнес начал приобретать транснациональный характер, угрожающий нестабильной экономике. В указанный период утратили свое приоритетное значение этические и нравственные идеалы, что привело к еще большему возрастанию угроз национальной безопасности. Лишь за 90-е годы количество лиц, умерших от потребления наркотиков, увеличилось в 12 раз, а среди детей и подростков – в 42 раза [5, с. 9].

Следующим этапом, оказавшим значительное влияние на ситуацию с наркотизацией населения, необходимо считать 2010-2014 годы. В указанный период на территорию Российской Федерации начали активно поступать новые виды синтетических наркотиков, называемых «дизайнерскими». Наркопотребители вместо традиционных видов наркотиков (героин, дезоморфин, производные от растения конопли), а нередко и в дополнение к ним стали массово употреблять так называемые спайсы (одними из первых их видов являлись JWH-196 и его производные; JWH-194 и его производные), «соль» (в некоторых регионах страны данный вид наркотиков называется «скорость» (одним из первых в массовое употребление вошел метилендиоксипировалерон). До законодательного запрета они свободно реализовывались под видом различных курительных смесей, а также как парфюмерные добавки для принятия ванн. Вышеприведенные факты подтверждаются статистическими показателями, которые фиксируют рост количества зарегистрированных преступлений указанной категории (2012 год – 218 974; 2013 год – 231 462; 2014 год – 254 730)***.

** Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. N 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. N 33. Ст. 1316.

*** МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

* См.: Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М., 1994. Вып. XLVII. С. 133.

В настоящее время по сравнению с перечисленными выше периодами наблюдается значительное улучшение качества работы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, о чем свидетельствует статистическая отчетность МВД России. В последние годы прослеживается тенденция к незначительному снижению количества выявленных преступлений данной категории. В 2020 году их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 9,3 %, он практически не изменился по сравнению с показателем 2019 года – 9,4 %. Наибольшую общественную опасность из преступлений данной категории представляет сбыт наркотиков: в 2020 году выявлено 112 267 таких деяний, то есть 59,1 % от общего количества наркопреступлений, что практически соответствует аналогичному показателю 2019 года*.

Количество потребителей наркотиков, совершивших преступления на территории Российской Федерации, в 2020 году снизилось на 4,4 % (с 49,5 тыс. до 47,4 тыс.), на 22 % сократилось количество лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения (с 6,8 тыс. до 5,3 тыс.). В области антинаркотического законодательства выявлено 140 827 административных правонарушений, основную часть которых (67,14 %, то есть 94 554 (увеличение на 3,7 % по сравнению с 2019 годом)** составили правонарушения, предусмотренные ст. 6.9 КоАП РФ, – потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ (см. рис. 1).

При этом не следует недооценивать общественную опасность административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9 КоАП РФ. Практический опыт автора статьи в противодействии преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков позволяет утверждать, что административ-

ное наказание за потребление наркотиков назначается лицам, действия которых в силу недостаточной массы запрещенного вещества не подпадают под состав преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, однако формально отвечают всем признакам уголовно наказуемого деяния.

Незначительную положительную динамику также отражают данные медицинской статистики по заболеваемости населения наркоманией*** (см. рис. 2).

Важно отметить, что по результатам проведенного мониторинга наркоситуация в Российской Федерации в 2020 году была оценена как «тяжелая»****. С учетом современных реалий появляются новые виды и способы потребления, сбыта наркотиков, а также их пропаганды. В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года***** закрепляется новый термин – сочетанное потребление наркотиков (полинаркомания), который означает одновременное потребление нескольких наркотических средств, психотропных веществ или новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Сложившаяся тенденция иллюстрирует современные реалии незаконного оборота наркотиков, который в последние годы претерпел значительные изменения. Например, в 2020 году увеличилась доля изъятых из оборота синтетических наркотиков, их масса составила 8,7 т (в 2019 году – 5,1 т, +69 %). В 6,4 раза возрос объем изъятых прекурсоров наркотических средств – 7,3 т (в 2019 году – 1,1 т), сильнодействующих веществ – 1,2 т (2019 год – 728 кг, +65 %), а также

*** Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru>

**** См.: Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2019 году (Выдержка) // Государственный антинаркотический комитет: официальный сайт. URL: <https://гак.мвд.ру>

***** Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 23 нояб. 2020 г. N 733 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

* МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

** Единая межведомственная информационно-статистическая система: сайт. URL: <https://www.fedstat.ru>

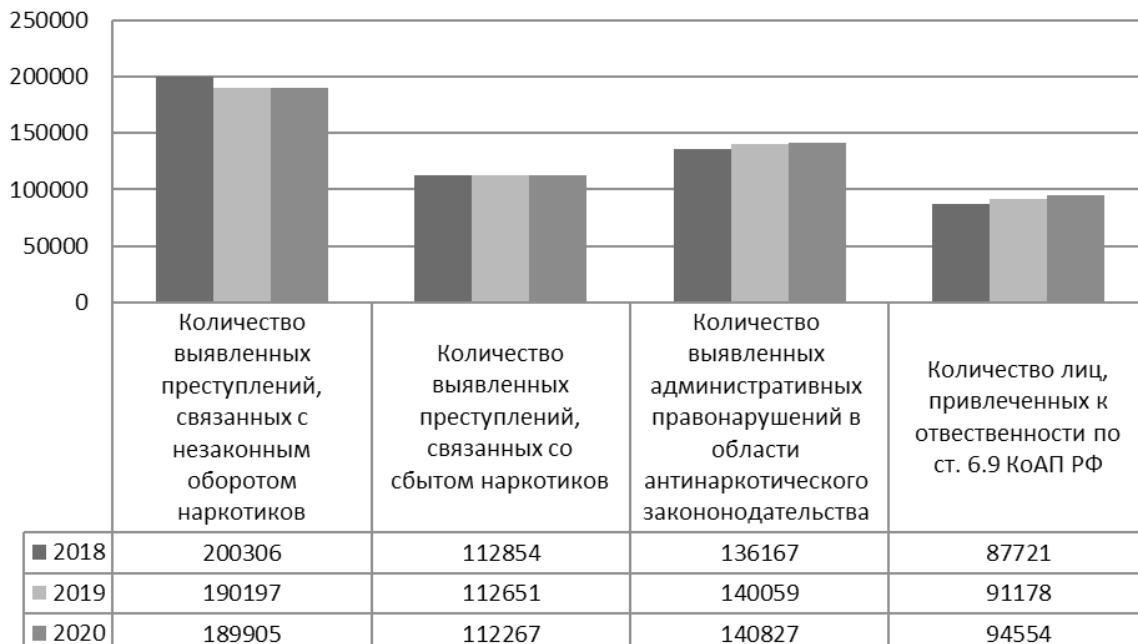

Рис. 1. Тенденции развития незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации в 2018-2020 годах

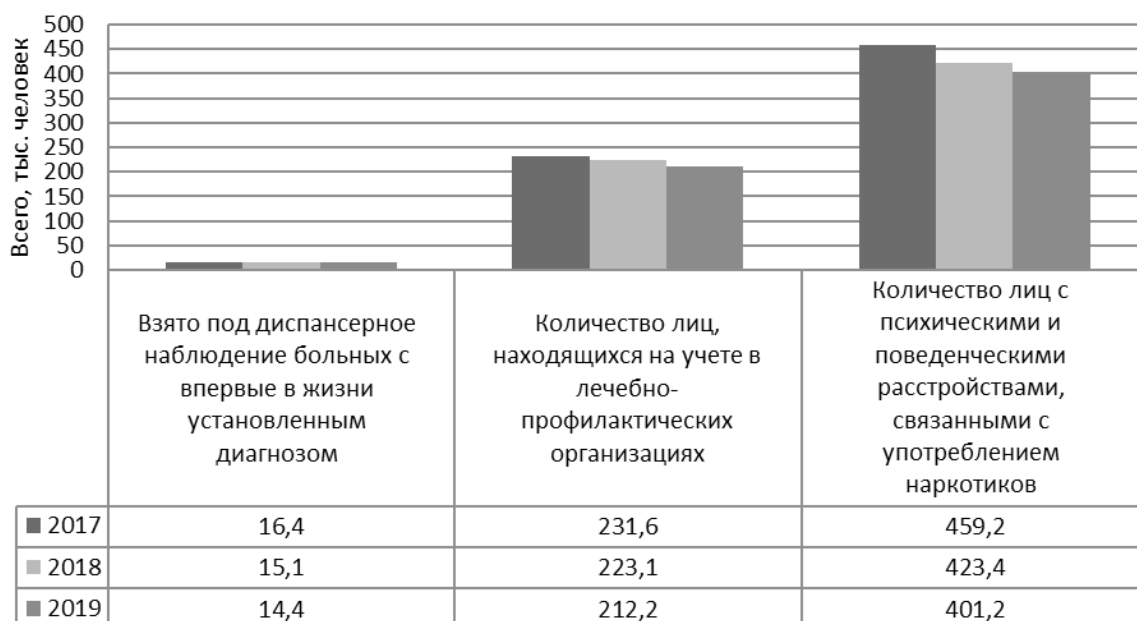

Рис. 2. Заболеваемость населения наркоманией в период с 2017 по 2019 год

психотропных веществ – 560 кг (2019 год – 372 кг (+50 %)*.

В обоснование значимости указанной проблемы необходимо отметить также, что на расширенном заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин

важнейшим направлением работы органов внутренних дел назвал противодействие незаконному обороту наркотиков, в том числе прекращение доступа к сайтам и страницам в социальных сетях, пропагандирующим наркотики. В.В. Путин отметил, что Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и Правительству Российской Федерации необходимо вернуться к детальной проработке законодательной инициативы по установ-

* См.: Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году. (Выдержка) // Государственный антинаркотический комитет: официальный сайт. URL: <https://гак.мвд.ру>

лению уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в сети «Интернет»*.

Однако, помимо репрессивных мер, одним из приоритетных направлений в противодействии незаконному обороту наркотиков остается его профилактика, проводимая с учетом специфики современного развития наркоситуации.

Главные причины девиантного поведения (а деятельность лиц, связанных с незаконным оборотом наркотиков, девиантна) относятся к физиологии, психологии и социальной сфере, а также к низкому уровню общей культуры, включая правовую культуру и культуру личных и семейных отношений.

Согласно Федеральному закону от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»** профилактика незаконного оборота наркотиков и наркомании представляет собой совокупность политических, экономических, правовых, социальных, медицинских, педагогических, культурных, физкультурно-спортивных и иных мероприятий, которые направлены на предупреждение возникновения и распространения наркомании.

В свою очередь, Всемирная организация здравоохранения выделяет три вида профилактики наркомании как разновидности заболевания человека. Первый вид профилактики предусматривает меры, направленные на предупреждение потребления наркотиков. Целевой аудиторией данного вида профилактики является здоровая часть населения, а также группа людей, в окружении которых имеются наркопотребители. Под вторым видом следует понимать меры, предусматривающие предотвращение формирования наркотической зависимости у лиц, потребляющих наркотики в немедицинских целях. Следует отметить, что к данной категории

* См.: Выступление Президента Российской Федерации Владимира Путина на расширенном заседании Коллегии МВД России 26 февраля 2020 г. // Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>

** О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 янв. 1998 г. N 3-ФЗ; ред. от 8 дек. 2020 г. // Рос. газ. 1998. 15 янв.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

лиц не относятся больные наркоманией в ее классическом понимании, это лишь те лица, которые эпизодически употребляют наркотики и не имеют зависимости, характеризующейся абстинентным синдромом. Заключительный, третий вид профилактики предусматривает применение мер к больным наркоманией с целью предотвращения рецидива заболевания [6, с. 165].

29 августа 2006 г. на заседании Государственного совета Российской Федерации с целью эффективного противодействия преступности Президентом Российской Федерации В.В. Путиным дано поручение о воссоздании государственной системы профилактики правонарушений. 16 февраля 2007 г. под председательством МВД России создана Правительственная комиссия по профилактике правонарушений, а также разработана четырехуровневая модель государственной системы профилактики.

Система профилактики правонарушений функционирует посредством реализации государственных программ на уровне Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных программ городов, районов и поселений. В качестве примера можно привести специальные государственные программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности»*** и «Противодействие незаконному обороту наркотиков»****. Дополнительно на каждом из уровней создаются специальные комиссии, в обязанности которых входит координация деятельности органов исполнительной власти, участвующих в реализации мер системы государственной профилактики правонарушений.

Следует отметить, что в рамках реализации деятельности государства по предупреждению и профилактике правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков принят обширный комплекс

*** Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апр. 2014 г. N 345 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru>

**** Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апр. 2014 г. N 299 // Там же.

нормативных правовых актов, наиболее значимыми из которых являются:

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации*;
- Концепция общественной безопасности в Российской Федерации**;
- Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года;
- Федеральный закон от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»;
- Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»***;
- Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»****;
- Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»*****, который является комплексным актом, направленным на формирование единой системы профилактики правонарушений, с разграничением полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере профилактики правонарушений.

Из анализа нормативных правовых актов следует, что система профилактики должна быть нацелена на своевременную работу по предупреждению правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков, эффективное противодействие проявлениям наркомании в обществе, а также на ресоциализацию лиц, употреблявших наркотики. Однако для достижения наиболее продуктивных результатов указанной деятельности требуется усилить меры, направленные на формирование отрицательного отношения общества к про-

явлениям наркомании, не демонстрируя при этом негативного отношения к лицам, страдающим эти недугом.

С целью успешного решения поставленной задачи при выявлении потенциального потребителя наркотиков целесообразно установить с ним доверительный контакт с предоставлением ему альтернативы наркопотребления. Общество должно быть готово оказать поддержку, которая ему необходима, прежде, чем он станет наркоманом. В свою очередь, индивид должен понимать, что, употребляя наркотики, он не только нарушает действующее законодательство, но и пренебрегает нравственными правилами, обеспечивающимися силой общественного мнения.

Одним из приоритетных направлений в борьбе с наркоманией является индивидуальная профилактика, которая предусматривает меры воздействия на отдельную личность с целью недопущения употребления наркотиков, используя при этом правовые, социальные, психологические, медицинские методы воздействия.

Особое внимание в решении данной задачи надлежит уделить отношению подростков к наркотикам, а именно в ходе реализации профилактических мероприятий необходимо наглядно показать альтернативу наркопотреблению, которой является формирование у молодежи самосохранительного поведения с целью поддержания здорового образа жизни, приоритет семейных ценностей в противовес аномичному поведению в обществе. Целесообразно не только демонстрировать негативные последствия потребления наркотиков, но и акцентировать внимание на критериях современного успешного человека. Например, внешний вид, образование, доход, место работы, семья и иное. Фундаментальным в данном случае будет являться здоровье, даже если не обозначать в качестве отдельного критерия, так как успешный молодой человек – это здоровый человек в широком смысле этого слова [7, с. 21].

Обязательным условием достижения положительного результата данного направления деятельности является привлечение средств массовой информации,

* Утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru>

** Утв. Президентом Рос. Федерации 14 нояб. 2013 г. N Пр-2685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Рос. газ. 1999. 30 июня.

**** Там же. 2011. 23 нояб.

***** Там же. 2016. 28 июня.

включая сетевые издания, к просвещению всех слоев населения. Однако, несмотря на усиление мер, направленных на противодействие пропаганде наркотиков, проблема остается актуальной. Нередко для популяризации потребления наркотиков используется сеть «Интернет», ношение одежды с изображением наркосодержащих растений, в том числе эстрадными исполнителями*.

На основании изложенного можно утверждать, что должна быть доступна альтернатива наркотикам — физическая культура, спорт, секции по программированию, вовлечение молодежи в волонтерские организации, в том числе патриотической направленности, а также насыщенный культурный досуг. Именно эти приоритетные направления профилактики необходимо развивать для минимизации спроса на наркотики, которые нередко являются методом ухода от реальности и сложившихся проблем.

Помимо общих профилактических мероприятий, проводимых в образовательных организациях в форме разъяснительных бесед, наглядной демонстрации пагубного влияния наркотиков на человека, социально-психологических тести-

рований, в том числе на употребление наркотиков, развития адаптивных навыков несовершеннолетних, необходимо уделять все больше внимания профилактическим мероприятиям, проводимым в сети «Интернет».

По мнению Ю. Жданова, «люди, употребляющие наркотики, станут все чаще пользоваться даркнетом, чтобы преодолеть последствия личного контроля, а доставка наркотиков по почте будет пользоваться еще большей популярностью. Веб- и даркнетрынки, социальные сети и защищенные шифрованные коммуникационные приложения теперь, по-видимому, играют более заметную роль в поиске наркотиков пользователями**».

Указанную позицию подтверждают данные о состоянии преступности в Российской Федерации в 2020 году, опираясь на которые можно сделать вывод о том, что произошел резкий рост (+73,4 %) количества преступлений, совершенных посредством информационно-телекоммуникационных технологий, при этом каждое одиннадцатое преступление (9,2 %) совершается с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков*** (см. рис. 3).

Рис. 3. Количество преступлений, совершенных в 2019-2020 годах с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

* Например, к административной ответственности по ч. 1 ст. 6.13 КоАП РФ привлечен рэп-исполнитель А. Валеев. (См.: Коммерсантъ. 2021. 3 июня. URL: <https://www.kommersant.ru>).

** Рос. газ. 2020. 28 июня. URL: <https://rg.ru>

*** Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф>

Согласно Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года одной из мер по совершенствованию антинаркотической деятельности и государственного контроля за оборотом наркотиков является выявление и пресечение функционирования интернет-ресурсов, используемых для пропаганды незаконного потребления и распространения наркотиков.

В связи с намеченной тенденцией следует назвать проекты, положительно зарекомендовавшие себя в сфере профилактики наркопотребления. Один из таких проектов – «Киберпатруль Тюменской области», организаторами которого являются Правительство Тюменской области, Администрация города Тюмени, Тюменский государственный университет. Киберволонтеры реализуют проект по следующим основным направлениям:

- поисковая деятельность, направленная на выявление противоправного контента в сети «Интернет»;

- организация и проведение занятий по вопросам использования безопасной, защищенной сети «Интернет»;

- организация обсуждения проблемных тем, возникающих при использовании сети «Интернет» в рамках диалоговых площадок, форумных компаний как с подростками, так и с их родителями.

Информация об обнаруженных интернет-ресурсах, на которых предположительно содержится запрещенный к распространению контент, в обязательном порядке направляется в правоохранительные органы, Роскомнадзор и «Лигу безопасного Интернета».

Другим примером является деятельность некоммерческого партнерства «Лига безопасного Интернета», которая при поддержке Минцифры России, МВД России, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации осуществляет свою деятельность по выявлению и обобщению опасного контента, размещенного в сети «Интернет», а также принимает активное участие в качестве эксперта при разработке законодательной базы, направленной на ликвидацию запрещенного контента.

С целью эффективного противодействия незаконному обороту наркоти-

ков с учетом современных тенденций его распространения в 2020 году в системе МВД России созданы подразделения по борьбе с распространением и пропагандой наркотиков в сети «Интернет»*. Указанные функции были возложены на Управление по организации оперативно-профилактических мероприятий, противодействия наркоугрозе в сфере IT-технологий и легализации наркодоходов, межведомственного взаимодействия, входящего в структуру Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России**.

Как представляется, для более продуктивного противодействия незаконному обороту наркотиков в сети Интернет подразделениями МВД России, помимо мероприятий, направленных на обобщение, блокировку запрещенного интернет-контента, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, нелегальной финансовой деятельностью, необходимо усилить профилактические меры в указанной сфере. Должна быть усовершенствована работа, направленная на первичную профилактику в отношении наркопотребителей, путем контроля их запросов в веб-обозревателях для просмотра страниц сети «Интернет», нацеленных на поиск запрещенных, опасных интернет-ресурсов. Специализированным подразделениям целесообразно осуществлять указанное противодействие в обезличенной форме, на примере контекстной рекламы с последующим информированием пользователей о запрете потребления наркотиков и разъяснения уголовного законодательства Российской Федерации. Это позволило бы эффективно воздействовать на лиц, «осуществляющих знакомство» с наркотиками и способами их употребления.

Подводя итог, необходимо отметить, что на различных этапах развития общества к наркомании и наркотизации насе-

* URL: <https://tass.ru>

** Об утверждении Положения о Главном управлении по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23 апр. 2016 г. N 209; ред. от 14 февр. 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ления относились как к серьезной проблеме, с которой необходимо бороться всеобщими усилиями. В современных условиях значительное развитие информационных технологий внесло коррективы и в противодействие незаконному обороту наркотиков, что не могло не сказаться на превентивной деятельности. Помимо профилактических мероприятий общего характера (разъяснительных бесед, наглядной демонстрации, социально-психологических тестирований, тестирований на

употребление наркотиков и т.п.), а также мероприятий, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков в сети «Интернет» (оперативно-розыскные мероприятия по установлению лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков, блокирование сайтов, ограничение максимальной суммы денежных переводов и т.п.), необходимо осуществлять проведение индивидуальной профилактики на стадии посещения сайтов с целью приобретения наркотиков.

Список литературы

1. Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды: монография. Казань, 2005. 123 с.
2. Бабоян Д. Путевка в ад. Москва: Междунар. отношения, 1974. 230 с.
3. Бабаян Э.А. Внимание: яд // Литературная газета. 1975. N 7. С. 4.
4. Ерышев О.Ф. Жизнь без наркотиков. Санкт-Петербург; Москва: АСТ, 2001. 160 с.
5. Наркомания: метод. рекомендации по преодолению наркозависимости / под ред. А.Н. Гаранского. Москва, 2001. 382 с.
6. Малыгина А.А. О некоторых аспектах профилактики наркомании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. N 4. С. 164-168.
7. Профилактика девиантного поведения молодежи: учеб.-метод. пособие / [авт.-сост. И.В. Чернышева]. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2017. 81 с.

References

1. Komlev Yu.Yu. Sociological monitoring of drug use among adolescents and youth. Kazan, 2005. 123 p. (In Russ.).
2. Baboyan D. A ticket to hell. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1974. 230 p. (In Russ.).
3. Babayan E.A. Attention: poison. Literary newspaper, 1975, no. 7, p. 4. (In Russ.).
4. Eryshev O.F. A drug-free life. St. Petersburg; Moscow, AST Publ., 2001. 160 p. (In Russ.).
5. Drug addiction: guidelines for overcoming drug addiction. Moscow, 2001. 382 p. (In Russ.).
6. Malygina A.A. On some aspects of drug addiction prevention. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 4, pp. 164-168. (In Russ.).
7. [Chernysheva I.V., author-compiler]. Prevention of deviant behavior of youth. Izhevsk, Udmurt State University, 2017. 81 p. (In Russ.).

ЛЬЯНОВ М.М., LYANOV M.M.,
musa-lyanov@mail.ru musa-lyanov@mail.ru
Следственный отдел Investigation Unit
отдела полиции N 1; of Police Department No. 1;
Управление Министерства внутренних дел Department of the Ministry of the Interior
Российской Федерации по г. Тюмени, of the Russian Federation for Tyumen,
625051, г. Тюмень, ул. Пермякова, 43а Permyakova St. 43 a, Tyumen,
625051, Russian Federation

Процесс обнаружения виртуальных следов при расследовании преступлений

Аннотация. В статье рассмотрены способы обнаружения наиболее распространенных виртуальных следов, систематизированных в зависимости от электронных носителей информации, на которых они содержатся. При обосновании актуальности исследования отмечено, что даже если лицо, совершающее преступление, не использует компьютерную технику, то имеется большая вероятность того, что сведения об этом деянии отображаются на электронных носителях информации посредством данной техники, составляющей часть окружающей обстановки места совершения преступления. На основе выявленных особенностей процесса обнаружения виртуальных следов различных видов сформулированы рекомендации по осуществлению соответствующих следственных действий. Приведены недопустимые действия при обнаружении виртуальных следов.

Ключевые слова: виртуальные следы; следственные действия; обнаружение следов; электронные носители информации; компьютерная техника.

Для цитирования: Льянов М.М. Процесс обнаружения виртуальных следов при расследовании преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 97-106.

The process of detecting virtual traces when investigating crimes

Annotation. The methods for detecting the most common virtual traces based on their systematization depending on the electronic device that is used to store the data are discussed in the article. When substantiating the relevance of the research, it is noted that even if a person committing the crime does not use computer technology, there is a high probability that the information about committing such act is stored on electronic media by means of computer equipment, which is part of the crime scene. Having analyzed the revealed specific features of the process of detecting various types of virtual traces, the author of the article has formulated the recommendations for carrying out appropriate investigative actions. Inadmissible methods of detecting virtual traces are described.

Keywords: virtual traces; investigative actions; trace detection; electronic storage media; computer equipment.

For citation: Lyanov M.M. The process of detecting virtual traces when investigating crimes // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 97-106.

В настоящее время в связи с распространением компьютерных технологий и внедрением их в различные сферы жизни общества актуализируются вопросы, касающиеся изучения следов, возникающих на электронных носителях информации. Вследствие этого появилось большое количество научных работ, в которых раскрываются сущность таких следов, их особенности и классификация. Это, в свою очередь, привело к формированию различных подходов к решению поставленных вопросов.

Ученые-криминалисты предлагают различные термины для обозначения следов, возникающих на электронных носителях информации, а также по-разному определяют их сущность. Анализ исследований позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенным термином, используемым учеными-криминалистами, является термин «виртуальный след», который будет использоваться в настоящей статье. Понятие «виртуальные следы» можно определить как разные по

структуре, образующие особый вид материальные следы, которые существуют в пределах электронного носителя информации и неразрывно связаны с ним, а также могут быть расшифрованы только при помощи специальных программно-технических средств.

Особенностью виртуальных следов является то, что они образуются на различных электронных носителях информации. Кроме того, существует обширный перечень возможностей передачи содержащейся в виртуальных следах информации. В условиях активно развивающегося научно-технического прогресса, создания новых вычислительных и запоминающих устройств появляются новые способы образования виртуальных следов, их материального отображения. В связи с этим возникает необходимость в детальном рассмотрении вопроса об обнаружении виртуальных следов, а также в формировании эффективных рекомендаций по их обнаружению.

Имеется большое количество классификаций виртуальных следов по различным основаниям. Например, учеными-криминалистами были предложены критерии для классификации виртуальных следов в зависимости от их местонахождения [1, с. 12], характера вносимых изменений, совершаемых с информацией операций [2, с. 45] и т.д. На наш взгляд, наиболее значимым является деление виртуальных следов в зависимости:

- от электронного носителя информации, на котором содержится виртуальный след;
- местонахождения электронного носителя информации с содержащимися на нем виртуальными следами;
- структуры и содержания информации, которая хранится в виртуальном следе.

Значимость данных критериев объясняется тем, что они затрагивают наиболее важные характеристики, которыми обладают виртуальные следы. Раскрытие перечисленных критериев способствует выявлению сущности виртуальных следов и формированию эффективных методик работы с ними.

Тем не менее исследовать процесс обнаружения виртуальных следов целесообразно в зависимости от носителя ин-

формации, на котором они образуются, а также структуры хранящейся в таких следах информации. В настоящее время все электронные носители информации делятся на три большие категории, которые можно представить следующим образом:

- 1) магнитные носители информации;
- 2) оптические диски;
- 3) полупроводниковые носители информации.

Магнитный носитель информации является одним из основных носителей, на которых можно обнаружить информацию, имеющую значение для раскрытия и расследования преступлений. Это связано с тем, что в настоящее время магнитные носители информации часто используются в системных блоках стационарных компьютеров, на серверах и т.п. Обозначенная особенность позволяет выделить несколько групп виртуальных следов, которые могут быть обнаружены на таком носителе.

Первую группу виртуальных следов составляют видеозаписи с камер видеонаблюдения, а также аудиозаписи. Информация, содержащаяся в виртуальных следах данной группы, на наш взгляд, является наиболее ценной, поскольку позволяет достоверно установить обстоятельства совершенного преступления; точную дату и время его совершения; приметы и личность лица, совершившего преступление; его голос и особенности речи; свидетелей и очевидцев преступления, а также множество другой имеющей криминалистическое значение информации [3, с. 78; 4, с. 73].

Возможности, которые предоставляет научно-технический прогресс, удешевление и повышение качества видеозаписывающих устройств позволяют создавать системы видеонаблюдения как в рамках всего города, так и на отдельных предприятиях, в жилых домах и на прилегающей к ним территории. Это значительно упрощает процесс расследования общеуголовных преступлений, таких как убийства, кражи, причинение вреда здоровью, и др. Исходя из вышеизложенного, наиболее важным при выезде на место происшествия является установление местонахождения видеозаписывающей аппаратуры на близлежащих зданиях, в припаркованных транспортных средствах и т.п. Анализируя

возможные пути прибытия на место происшествия и пути отхода преступников, также целесообразно устанавливать наличие видеозаписывающей аппаратуры на всем пути их следования.

Кроме того, видеозаписи могут быть обнаружены при расследовании экономических преступлений. Например, Н.А. Назырова указывает на возможность обнаружения видеозаписей на персональных компьютерах организаций, отмечая при этом необходимость отражения в протоколе осмотра места происшествия точного расположения видеокамер, позволяющего определить, где именно были зафиксированы обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [5, с. 48]. На наш взгляд, позиция Н.А. Назыровой верна, а указание на расположение видеозаписывающей аппаратуры позволит достоверно установить место совершения преступления.

Тем не менее существует ряд ограничений, связанных как с возможностями электронного носителя информации, так и с техническим обеспечением отдельных предприятий и организаций. Например, видеозаписи могут храниться в среднем 30 дней, однако на некоторых предприятиях из-за небольшого объема памяти электронного носителя информации срок их хранения намного меньше. В связи с этим в процессе обнаружения видеозаписей совершенного преступления многое зависит от оперативности сотрудников правоохранительных органов. После выявления факта совершения преступления важно в кратчайшие сроки установить, имеются ли на месте совершения преступления видеокамеры, и, если имеются, проверить наличие записей, а также осуществить их фиксацию и изъятие.

Среди способов обнаружения виртуальных следов можно выделить следующие:

– первый способ обнаружения виртуальных следов – видеозаписей заключается в осмотре всех папок и файлов, содержащихся на устройстве, к которому подключен или в которое встроен электронный носитель информации. При этом необходимо производить поиск файлов, имеющих определенное расширение имени (формат), соответствующее видеозаписям либо аудиозаписям. Существует большое количество различных форматов фай-

лов, наиболее распространенными из них являются avi, wmv, mov, mpg, mp3 и т.п. [6, с. 255];

– второй способ обнаружения видеозаписей предполагает использование встроенных в операционную систему устройства функций поиска. Для данного способа поиска требуется наличие представлений о функциональных возможностях операционной системы, так как поиск файлов отдельно взятого формата либо группы форматов в разных операционных системах может значительно отличаться. В качестве примера можно привести поиск форматов в операционной системе Windows, в которой искомый формат необходимо указывать в определенной последовательности символов (в частности, для поиска файла формата «.avi» в поисковой строке вводится «*.avi»). Такой порядок символов позволит избежать обнаружения файлов, не представляющих интереса для поиска, в имени которых содержится последовательность символов «avi»;

– третий способ предполагает обнаружение виртуальных следов видеозаписей и аудиозаписей с помощью дополнительного программного обеспечения, которое анализирует всю имеющуюся на устройстве информацию и позволяет отыскать файлы формата видеозаписей при указании его в поисковой строке, а также при поиске по ключевым словам. Также для поиска таким способом можно использовать портативные версии данного программного обеспечения;

– четвертый способ предполагает использование возможностей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет»), в том числе средств обмена информацией между устройствами. Например, видеозаписи и аудиозаписи могут быть обнаружены в папках различных мессенджеров, таких как Telegram, WhatsApp, Viber, и т.п. Для их поиска необходимо запустить соответствующее приложение (программное обеспечение) на электронном устройстве и путем просмотра имеющихся диалогов выявлять значимую для расследования уголовного дела информацию. Кроме того, необходимо осмотреть папки, в которых хранятся данные приложения (программное обе-

спечение), а также пути, по которым производится запись просмотренных (установленных) видеозаписей и аудиозаписей [7, с. 351-352].

Видеозаписи с камер видеонаблюдения могут храниться в сети «Интернет» при помощи специальных сервисов, которые позволяют их дистанционно просматривать. В связи с этим при осмотре технических устройств (персональных компьютеров, мобильных телефонов и т.п.) необходимо обращать внимание на эту категорию программного обеспечения. Посредством авторизации в таких программах можно получить доступ к необходимым видеозаписям.

Вторая группа виртуальных следов, которые можно обнаружить на магнитных носителях информации, – графические файлы. Способы их обнаружения во многом схожи со способами обнаружения видеозаписей, но имеют свои особенности. Актуальность данной группы виртуальных следов определяется распространенностью устройств, позволяющих создавать фотоизображения и обмениваться ими через сеть «Интернет».

При осмотре всех папок и файлов, содержащихся на устройстве, следует учитывать расширения имени файла, которые необходимо искать на электронном носителе информации. Так, должно быть обращено внимание на файлы, имеющие следующие форматы: bmp, gif, jpeg, png, pdf и т.п.

Обнаружение следов при помощи встроенных в операционную систему функций и дополнительного (портативного) программного обеспечения аналогично процессу обнаружения видеозаписей и аудиозаписей. При этом на некоторых устройствах графические файлы могут быть собраны при помощи встроенных в технические устройства приложений, таких как «Галерея», которое есть почти во всех мобильных телефонах. Однако в подобных приложениях могут не отображаться графические файлы, если в них не задан путь к папке, в которой находится графический файл.

Графические файлы можно обнаружить при помощи сети «Интернет», в том числе интернет-сервисов, которые производят поиск файлов по схожим изображе-

ниям. Например, некоторые сервисы позволяют производить поиск информации по фотоизображению человека.

Третья группа объединяет в себе графики, таблицы, справочную информацию, текстовые документы. Такие файлы в рамках магнитных носителей информации могут быть обнаружены при расследовании достаточно большого спектра преступлений. Тем не менее данная группа следов приобретает особое значение при расследовании экономических преступлений [8, с. 310]. Учитывая развитие современных компьютерных технологий, их массовое применение, можно заметить, что в настоящее время документооборот ведется в большей степени при помощи компьютерной техники. Даже при условии использования бумажных носителей информации текстовые и иные файлы, содержащие искомые сведения, могут быть обнаружены на электронном носителе информации. В связи с этим на компьютерах организаций, например незаконно осуществляющих банковскую деятельность, можно обнаружить большой объем информации, относящейся к кредитным обязательствам их клиентов.

Информация, содержащаяся в виртуальных следах данного вида, может быть обнаружена при осмотре изъятых в ходе следственных действий персональных компьютеров. Также ее можно обнаружить на флеш-накопителях, переносных жестких дисках.

Способы обнаружения виртуальных следов в рассматриваемой группе можно представить следующим образом:

– способ, заключающийся в осмотре всех папок и файлов, содержащихся на устройстве, который уже был упомянут при рассмотрении способов обнаружения виртуальных следов в качестве видеозаписей и аудиозаписей. При этом необходимо искать файлы с расширениями имени файла: txt, doc, docx, rtf, xlsx и т.п.;

– способы обнаружения при помощи встроенных в операционную систему и дополнительно установленных средств поиска информации по названию форматов или групп форматов;

– для целей обнаружения информации, содержащейся в текстовых, графических и иных файлах, имеющих значение

для расследования уголовного дела, целесообразно использовать способ обнаружения виртуальных следов при помощи возможностей контекстного поиска, которые предоставляет программное обеспечение персональных компьютеров и иных технических устройств. Контекстный поиск предполагает поиск информации в отдельных файлах посредством ввода фрагмента текста с определенной последовательностью символов, который позволяет обнаружить схожие элементы в исследуемом файле. Возможности использования контекстного поиска уже рассматривались в научных работах [9, с. 263; 10, с. 102].

Несмотря на то, что данный способ значительно ускоряет процесс поиска необходимой информации, а также эффективен при просмотре файлов, содержащих большой объем информации, у него имеются недостатки. Так, при неверном подборе искомого элемента, невнимательном просмотре файла можно упустить значительную часть информации. Кроме того, контекстный поиск не может быть применен при просмотре текстов, содержащихся в графических файлах. Для графических файлов необходимо дополнительно применять программное обеспечение, которое может анализировать их и преобразовывать в текстовые файлы. При этом следует помнить, что в связи с несовершенством программного обеспечения преобразование графических файлов в текстовые может быть произведено некорректно, и это также способно повлиять на качество контекстного поиска;

– обнаружение виртуальных следов, содержащихся в указанной группе файлов, через сеть «Интернет» может осуществляться при помощи осмотра страниц на открытых ресурсах, осмотра переписки в программном обеспечении, позволяющем обмениваться сообщениями и иной информацией.

Четвертую группу виртуальных следов на магнитных носителях информации составляет программное обеспечение. Следы данной группы могут быть обнаружены при расследовании преступлений, отнесенных к компьютерным. Как правило, программное обеспечение определяет способ совершения преступления, который в отдельных случаях может иметь

свои специфические особенности, характерные для определенного лица [11, с. 163; 12, с. 203]. Программное обеспечение, используемое для совершения преступления, можно условно разделить на создаваемое специально для совершения преступлений, а также на легитимное и не предполагающее его использование для совершения преступления, однако приспособляемое для этой цели. Кроме того, могут применяться комбинации данных программ.

При проведении следственных действий в ходе расследования преступления, совершенного с использованием специального программного обеспечения, следует помнить о том, что у лица, которое его совершило, должны иметься знания в области информационных технологий, а также возможно наличие навыков, необходимых для сокрытия виртуальных следов преступления, и предпринять действия по противодействию доступу к информации.

Внешнее выражение виртуальных следов в данном случае также зависит от способа совершения преступления. Основным способом обнаружения виртуальных следов данной группы является осмотр электронных устройств, в которые встроены электронные носители информации. Так, в ходе следственных действий могут быть обнаружены установочные файлы программного обеспечения, предназначенного для неправомерного доступа к информации, а также файлы официального программного обеспечения, которое было использовано при совершении преступления. Кроме того, могут быть обнаружены образы оптических дисков, архивы, предназначенные для установки программного обеспечения, и т.д.

В качестве примера можно привести официальное программное обеспечение, позволяющее дистанционно подключаться к рабочему столу персонального компьютера. В случае обнаружения такого программного обеспечения при неправомерном доступе к персональному компьютеру можно выдвинуть версию о том, что лицо, совершившее преступление, располагало сведениями, необходимыми для подключения. В ходе осмотра важно обращать внимание на файлы следующих форматов: app, exe, ipa и т.п. (исполняемые фай-

лы); zip, rar, tar и т.п. (архивные файлы) и др. Такие файлы можно обнаружить в ходе следственных действий посредством просмотра всех имеющихся в устройстве файлов, а также посредством поисковых сервисов, встроенных (установленных) в техническое устройство.

Следственные действия, проводимые при расследовании преступлений, совершенных с использованием программного обеспечения, специально написанного для совершения определенного преступления или групп преступлений, необходимо осуществлять, обращая внимание на наличие признаков внедрения таких программ, которые могут выражаться в ограничении доступа к той или иной информации на персональном компьютере, в ограничении его функциональных возможностей и т.д. Кроме того, в некоторых случаях признаки присутствия вредоносного программного обеспечения на аппаратном обеспечении могут проявляться косвенно, через ошибки в установленном программном обеспечении, либо быть скрытыми, то есть не иметь каких-либо внешних проявлений [13, с. 204-206].

Также следует отметить, что для создания подобных программ требуется наличие специальных знаний в сфере программирования, а базовых навыков использования компьютерной техники недостаточно, в результате чего круг возможных подозреваемых будет сужен. Подозреваемый в данном случае может владеть навыками написания кода программы, создания внешней формы программы с помощью редакторов и др. При проведении следственных действий, направленных на обнаружение виртуальных следов в жилище или на рабочем месте подозреваемого, следует обращать внимание на наличие специального программного обеспечения, такого как TextMate, Eclipse, Visual Studio, и другого, а также на наличие уже готового программного обеспечения или его прототипов. В качестве способа обнаружения виртуальных следов, содержащихся в виде вредоносных программ, следует назвать осмотр антивирусных программ, в которых на карантине содержатся отдельные файлы, составляющие элементы вредоносной программы.

Следующим электронным носителем информации, на котором могут быть обнаружены виртуальные следы, является оптический диск. Оптические диски могут содержать в себе не только указанную выше информацию, но и иные файлы, такие как установочные файлы программного обеспечения. Оптические диски являются удобным средством для передачи информации с одного персонального компьютера на другой, а также на них можно продолжительное время хранить информацию. В связи с этим при производстве следственных действий необходимо изымать оптические диски для того, чтобы при дальнейшем осмотре обнаружить содержащиеся на них виртуальные следы. С учетом того, что доступ к информации, находящейся на оптическом диске, возможен только при помощи специального аппаратного обеспечения, данный носитель информации можно обнаружить вблизи персональных компьютеров, на специальных подставках, в оптических приводах персональных компьютеров. Кроме того, оптические диски могут быть скрыты в специально оборудованных тайниках. В то же время следует отметить, что на смену оптическим дискам приходят более совершенные флеш-накопители и переносные жесткие диски.

При работе со следами, содержащимися на оптическом диске, можно применять указанные выше способы обнаружения виртуальных следов, так как форматы следов на электронных носителях одинаковы, меняется только механизм записи.

Кроме того, виртуальные следы можно обнаружить на полупроводниковых носителях информации. Среди них выделяются указанные выше флеш-накопители, являющиеся универсальными, поскольку на них, как и на оптических дисках, может храниться любая информация, предназначенная для передачи либо установки. В связи с этим обнаружение данного носителя информации является крайне важным в ходе проведения следственных действий.

Флеш-накопители относятся к разновидности полупроводниковых носителей информации, которые в настоящее время стали активнее применяться в различных технических устройствах, в том

числе в персональных компьютерах. Они применяются в современных мобильных телефонах в виде встроенных в них карт памяти. В связи с распространенностью мобильных телефонов и их применением в ходе совершения преступлений вопрос обнаружения следов преступления на данных устройствах является актуальным.

На мобильных телефонах могут храниться видео- и аудиофайлы, изображения, имеющие значение для раскрытия и расследования преступления [14, с. 141]. Благодаря распространению мессенджеров на мобильных телефонах можно обнаружить переписку, которая относится к расследуемому преступлению. В связи с этим на первоначальных этапах расследования преступления необходимо предпринять действия, направленные на обнаружение и изъятие мобильных телефонов, при осмотре которых могут быть обнаружены данные как в установленных приложениях (при их запуске), так и путем просмотра папок посредством программы «Проводник». Например, на мобильных телефонах могут быть обнаружены фотоизображения, содержащие сведения о сбыте наркотических средств или психотропных веществ. Кроме того, возможно наличие лог-файлов, содержащих сведения о телефонных соединениях пользователя, а также о номерах, на которые осуществлялись звонки. Указанные сведения можно использовать, например, для расследования дистанционного мошенничества, с последующим получением биллинговой информации по данным номерам – информации о базовых станциях (сотах), с которыми производились соединения, за определенный период времени [15, с. 120; 16, с. 188].

Тем не менее следует помнить, что существует множество иных технических устройств, конструктивно схожих с флеш-накопителями. К таким техническим устройствам можно отнести компактные usb-модемы, всевозможные адаптеры (Bluetooth, адаптеры устройств ввода информации) и т.п. В связи с этим при обнаружении таких объектов в протоколе следственного действия необходимо указывать, что было обнаружено техническое устройство, схожее с usb-флеш-накопителями, а не делать преждевременные выводы о его техническом предназначении.

Следующим полупроводниковым носителем информации, на котором можно обнаружить криминалистически важную информацию, являются оперативные запоминающие устройства, хранящие выполняющийся в момент работы технического устройства машинный код. Информация хранится в оперативном запоминающем устройстве непродолжительный период времени, когда у пользователя технического устройства возникает необходимость произвести какую-либо операцию. В связи с такой особенностью оперативных запоминающих устройств необходимо детально прорабатывать следственные действия, направленные на обнаружение виртуальных следов, в ходе которых потребуются изымать персональные компьютеры, ноутбуки и т.п.

Так, при правильном построении хода следственного действия специалист при помощи специального программного обеспечения может в короткий временной промежуток преобразовать данные из оперативного запоминающего устройства в файл, а в дальнейшем расшифровать его. В таком файле, помимо сведений, относящихся к машинному коду операционной системы, могут храниться изображения, информация с посещенных страниц в сети «Интернет» и т.д. Кроме того, следует отметить, что данные в оперативных запоминающих устройствах имеют свойство энергозависимости, то есть хранятся до тех пор, пока есть непрерывный источник электроэнергии. В связи с этим при осуществлении следственных действий, направленных на обнаружение виртуальных следов, необходимо исключить отключение персональных компьютеров от электросети, а также отдавать обнаружению такого вида виртуальных следов приоритет на первоначальных этапах следственного действия.

Дополнительно следует затронуть вопрос обнаружения виртуальных следов в сети «Интернет» с помощью адресов, аккаунтов, учетных записей и т.п. Для поиска информации в сети «Интернет» большое значение имеет знание адресов учетных записей в социальных сетях, имен аккаунтов, адресов сайтов и т.д., которые можно обнаружить в ходе осмотра электронных носителей информации, персональных

компьютеров, мобильных телефонов, получить в ходе допросов потерпевших, свидетелей и т.д. При осмотре указанных технических устройств можно применять обозначенные в статье способы обнаружения виртуальных следов.

Выявленная информация об адресах, аккаунтах и т.п. способствует обнаружению иной информации, содержащейся в виртуальных следах. Например, зная адрес сайта, можно определить его IP-адрес, а также хостинг-сервис, с помощью которого данный сайт осуществляет свою деятельность. В дальнейшем посредством запроса в соответствующую организацию можно получить сведения о лице, зарегистрировавшем сайт. Кроме того, путем запросов в организации можно получить информацию о владельцах аккаунтов, которыми воспользовались мошенники. Например, мошенники используют популярные сервисы, выставляя товары на продажу без цели их реальной реализации. Направив запрос в указанные организации с точным адресом учетной записи лица, совершившего мошеннические действия, можно получить сведения об абонентском номере, используемом при регистрации. Данную информацию можно использовать при дальнейшем расследовании преступления и раскрытии личности совершившего его лица.

Кроме того, следует уделить внимание действиям при обнаружении виртуальных следов, которые являются недопустимыми. Исходя из свойств электронных носителей информации, можно предложить следующие рекомендации:

1. При проведении следственных действий необходимо избегать применения технических устройств, оказывающих сильное электромагнитное излучение, так как оно может негативно сказаться на сохранности информации, содержащейся на электронных носителях информации, принцип работы которых основан на формировании участков намагниченности ферромагнитной поверхности. Среди таких устройств можно выделить металлодетекторы, источники рентгеновских и ультрафиолетовых лучей и иные излучающие установки [17, с. 24] Также следует помнить, что существуют установки,

в которых предусмотрена подача сильного электромагнитного излучения в случае попытки несанкционированного доступа к магнитным носителям информации. Данные устройства могут быть замаскированы под сейфы. В связи с этим при планировании следственных действий необходимо ориентироваться на информацию, полученную при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

2. Необходимо избегать негативного воздействия на электронные носители информации прямых солнечных лучей, которые могут повредить хранящуюся на них информацию. В связи с этим обнаруженные электронные носители информации должны помещаться в упаковку, исключая возможность воздействия на них прямых солнечных лучей. Также необходимо исключить нагревание электронных носителей информации. Данное требование приобретает особое значение при работе с оптическими носителями информации, на которых информация образуется путем нагревания отдельных участков поверхности, воспринимающей информацию.

3. При проведении следственных действий необходимо избегать механических повреждений электронных носителей информации, так как это может негативно отразиться на хранящейся на них информации. Кроме того, повреждение отдельных элементов электронных носителей информации может сделать невозможным воспроизведение информации. Например, повреждение некоторых элементов полупроводниковых носителей информации не уничтожает информацию, однако ее воспроизведение становится невозможным.

В завершение следует сделать вывод о том, что виртуальные следы по своему внешнему выражению многообразны. Данное обстоятельство определяет особенности применяемых способов обнаружения каждой из их разновидностей, а также последовательность их реализации. Совершенствование компьютерных технологий способствует формированию новых разновидностей виртуальных следов, в связи с этим обозначенные способы их обнаружения требуют дальнейшего исследования и развития.

Список литературы

1. Волеводз А.Г. Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Российский следователь. 2002. N 1. С. 4-12.
2. Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. N 8. С. 43-48.
3. Смахтин Е.В., Щербич С.В. Некоторые вопросы использования систем видеонаблюдения в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2017. N 6. С. 77-82.
4. Кисляков С.В. Использование информации с камер видеонаблюдения на первоначальном этапе расследования дорожно-транспортного преступления // Академическая мысль. 2018. N 2 (3). С. 72-74.
5. Назырова Н.А. Тактические особенности изъятия и последующего осмотра видеозаписи по уголовным делам, расследуемым по признакам преступления, предусмотренного ст. 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Полицейская и следственная деятельность. 2019. N 3. С. 45-52.
6. Информатика для гуманитариев: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Г.Е. Кедрова [и др.]; под ред. Г.Е. Кедровой. Москва: Юрайт, 2019. 439 с.
7. Агибалов В.Ю. Криминалистическая сущность виртуальных следов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2009. N 2. С. 350-355.
8. Сереброва С.П. Использование компьютерной информации при расследовании преступлений в сфере экономики // Российский следователь. 2000. N 4. С. 310-314.
9. Себякин А.Г. Возможности использования контекстного поиска информации на компьютерных носителях в целях выявления, расследования и профилактики преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. N 2. С. 262-270.
10. Антонов О.Ю., Себякин А.Г. Особенности использования специальных знаний в области экономики и компьютерной техники при расследовании экономических преступлений // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2017. N 5. С. 100-110.
11. Поляков В.В., Лапин С.А. Средства совершения компьютерных преступлений // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2014. N 2 (32). С. 162-166.
12. Лапин С.А., Поляков В.В. Программное обеспечение как средство совершения компьютерных преступлений // Ползуновский альманах. 2016. N 2. С. 201-204.
13. Чернова Е.В. Информационная безопасность человека: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2020. 243 с.
14. Грибунов О.П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. N 4 (83). С. 137-143.
15. Калужный А.Н. Использование возможностей средств сотовой связи в раскрытии и расследовании преступлений, посягающих на свободу личности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. N 1 (84). С. 118-124.
16. Антонов И.А., Узгорская И.А. Влияние информации, предоставленной операторами сотовой связи, на раскрытие и расследование различных категорий преступлений // Общество и право. 2015. N 2 (52). С. 185-189.
17. Старичков М.В. Тактика осмотра и выемки носителей компьютерной информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. N 2 (61). С. 18-26.

References

1. Volevodz A.G. Traces of crimes committed in computer networks. Russian investigator, 2002, no. 1, pp. 4-12. (In Russ.).
2. Smushkin A.B. Virtual traces in criminalistics. Legality, 2012, no. 8, pp. 43-48. (In Russ.).
3. Smakhtin E.V., Shcherbich S.V. Some issues of the use of video surveillance systems in the activities of law enforcement agencies in the disclosure and investigation of crimes. Russian law: education, practice, science, 2017, no. 6, pp. 77-82. (In Russ.).
4. Kislyakov S.V. Using information from CCTV cameras at the initial stage of the investigation of a road traffic crime. Academic Thought, 2018, no. 2 (3), pp. 72-74. (In Russ.).
5. Nazyrova N.A. Tactical features of the seizure and subsequent examination of video recordings in criminal cases investigated on the basis of a crime under Art. 173.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Police and investigative activities, 2019, no. 3, pp. 45-52. (In Russ.).
6. Kedrova G.E. [i dr.]. Informatics for the humanities. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 439 p. (In Russ.).
7. Agibalov V.Yu. Forensic essence of virtual traces. Voronezh State University Bulletin. Series: Right, 2009, no. 2, pp. 350-355. (In Russ.).
8. Serebrova S.P. The use of computer information in the investigation of crimes in the sphere of economics. Russian investigator, 2000, no. 4, pp. 310-314. (In Russ.).
9. Sebyakin A.G. Possibilities of using contextual search for information on computer media for the purpose of detecting, investigating and preventing crimes. All-Russian criminological journal, 2019, no. 2, pp. 262-270. (In Russ.).

10. Antonov O.Yu., Sebyakin A.G. Features of the use of special knowledge in the field of economics and computer technology in the investigation of economic crimes. Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law, 2017, no. 56, pp. 100-110. (In Russ.).
11. Polyakov V.V., Lapin S.A. Means of committing computer crimes. Reports of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 2014, no. 2 (32), pp. 162-166. (In Russ.).
12. Lapin S.A., Polyakov V.V. Software as a means of committing computer crimes. Polzunov Almanac, 2016, no. 2, pp. 201-204. (In Russ.).
13. Chernova E.V. Information security of a person. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 243 p. (In Russ.).
14. Gribunov O.P. Means of cellular communication as a source of forensically significant information. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 4, pp. 137-143. (In Russ.).
15. Kalyuzhny A.N. Using the capabilities of cellular communications in the disclosure and investigation of crimes that infringe on personal freedom. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 1, pp. 118-124. (In Russ.).
16. Antonov I.A., Uzgorskaya I.A. Influence of information provided by cellular operators on the disclosure and investigation of various categories of crimes. Society and Law, 2015, no. 2, pp. 185-189. (In Russ.).
17. Starichkov M.V. Tactics of inspection and seizure of computer information carriers. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 2, pp. 18-26. (In Russ.).

ЧЕРНЯДЬЕВА А.С., CHERNYADYEVA A.S.,
lina1198@inbox.ru lina1198@inbox.ru
Общество с ограниченной Limited Liability Company "VEK",
ответственностью «ВЕК», Sevastopolskaya St. 41d,
295013, г. Симферополь, Simferopol, 295013,
ул. Севастопольская, 41д Russian Federation

О необходимости закрепления права на спорт в российском законодательстве

Аннотация. Автором статьи отмечается, что вопросы спорта входят в сферу конституционных интересов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. При помощи метода юридического анализа аргументируется, что субъективное право на спорт следует считать конституционным. В результате проведенного исследования выделены основные характеристики субъективного права на спорт: 1) оно может быть как индивидуальным, так и коллективным; 2) имеет комплексный характер; 3) принадлежит к группе социальных прав; 4) имеет особенный объект, позволяющий выделить его в отдельную подгруппу социальных прав; 5) сочетает в себе элементы естественного и позитивного права; 6) относится к третьему поколению прав человека.

Ключевые слова: права человека; право на спорт; интегральное право; управление в сфере спорта.

Для цитирования: Чернядьева А.С. О необходимости закрепления права на спорт в российском законодательстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 107-113.

On the need for enshrining the right to sport in the Russian legislation

Annotation. The author of the article substantiates that sports issues fall within the scope of the constitutional interests of the Russian Federation and the federal subjects of the Russian Federation. By means of legal analysis, it is argued that the subjective right to sport should be considered as a constitutional one. As a result of the conducted research, the following characteristics of the subjective right to sport are distinguished: 1) it can be both individual and collective; 2) it has a complex character; 3) it belongs to the group of social rights; 4) it has a special object that makes it possible to allocate this right into a separate subgroup of social rights; 5) it combines elements of natural law and positive law; 6) it belongs to the third generation of human rights.

Keywords: human rights; right to sport; integral law; the field of sports management.

For citation: Chernyadyeva A.S. On the need for enshrining the right to sport in the Russian legislation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No 4 (58). P. 107-113.

Введение

Внимание к сфере спорта обусловлено его значимостью для всего мирового сообщества, в том числе для главной международной организации — ООН. Специальный советник Генерального секретаря ООН В. Лемке формулирует цели, непосредственно связанные с правами человека в сфере спорта: 1) соблюдение и обеспечение всеми участниками мирового сообщества права каждого индивида на занятия физической культурой; 2) использование спорта как недорогого

и эффективного инструмента в гуманитарных и миротворческих целях*.

В последнее время все чаще наблюдаются случаи необоснованного отстранения от участия в соревнованиях, лишения завоеванных наград и т.д. Например, в декабре 2020 г. Спортивный арбитражный суд принял решение о запрете российским

* Роль спорта в достижении целей в области устойчивого развития. Доклад специального советника Генерального секретаря ООН В. Лемке // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: <https://www.un.org>

атлетам выступать под национальным флагом и сохранил в силе дисквалификацию российского антидопингового агентства*. Спортсмены были бездоказательно лишены права участвовать в международных спортивных соревнованиях. При этом они не имеют эффективной возможности защитить себя, так как в современном спортивном праве отсутствуют соответствующие механизмы.

Проблема обеспечения права на спорт является не только международной, но и внутригосударственной проблемой. В частности, необеспеченность надлежащей защиты прав спортсменов была отмечена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным во время подведения итогов реализации Стратегии развития физкультуры и спорта до 2020 года**. В связи с этим представляется актуальным исследование понятия права на спорт в российском праве.

Специфика спортивных отношений проявляется в комплексе субъективных прав человека в сфере спорта и физической культуры. Представляется, что право на спорт обладает интегральным характером и включает разнообразные правомочия. Следует согласиться с Р.Д. Гребневым в том, что необходимо различать компоненты права на спорт и права в области спорта. Последние «...совокупно по объему существенно шире первых, корреспондируя им» [1, с. 10]. Содержание права на спорт четко не закреплено в российском законодательстве.

В статье 3 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» закреплен лишь принцип обеспечения права каждого человека на свободный доступ к физической культуре и спорту как необходимое условие развития способностей личности***.

* ANTI-DOPING CAS. Decision in the arbitration WADA v. RUSADA. Lausanne, 17 Decembre 2020 // TAS-CAS. URL: <https://www.tas-cas.org>

** Владимир Путин провел в режиме видеоконференции заседание Совета по развитию физической культуры и спорта. 6 октября 2020 г. // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>

*** О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федер. закон от 4 дек. 2007 г. N 329-ФЗ; ред. от 1 сент. 2021 г. // Рос. газ. 2007. 8 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

В Конституции Российской Федерации отсутствует положение о праве человека на спорт. Однако анализ данного нормативного правового акта позволяет утверждать о том, что вопросы спорта входят в сферу конституционных интересов. В части 2 ст. 41 Конституции Российской Федерации устанавливается, что в Российской Федерации «...поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта...». В соответствии с ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации «государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей...». В подпунктах «б», «е» и «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации установлены полномочия совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, имеющие отношение к сфере спорта (защита прав и свобод человека; общие вопросы физической культуры и спорта; создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью). При этом положения о спортивной сфере в двух из трех случаев (в ст.ст. 67.1 и 72) были включены в Конституцию Российской Федерации в 2020 году****. Это свидетельствует об уделении в Российской Федерации особого внимания вопросам развития физической культуры и спорта.

В Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года (далее — Стратегия) определяются цель, задачи и приоритетные направления развития физической культуры и спорта в Российской Федерации*****. Стратегия ориентирована на развитие России как ведущей мировой

**** О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ // Рос. газ. 2020. 16 марта.

***** Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 нояб. 2020 г. N 3081-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 49. Ст. 7958.

спортивной державы, граждане которой ведут здоровый образ жизни и активно вовлечены в массовый спорт, с экономически стабильным профессиональным спортом, высоким авторитетом на международной спортивной арене и нулевой терпимостью к допингу. При этом Стратегия не содержит предписаний, связанных с обеспечением и защитой прав человека в сфере спорта. Представляется, что действующая Стратегия должна расширить механизм защиты интересов спортсменов.

Основная часть

В ситуации правовой неопределенности содержания понятия «право человека на спорт» следует обратиться к мнениям представителей правовой науки. Например, Д.В. Якшин рассматривает право на спорт в контексте нескольких правомочий: а) поощрение и финансирование со стороны государства развития физической культуры и спорта; б) равный доступ к занятиям физической культурой и спортом; в) государственная поддержка спортивных объединений; г) обеспечение населения необходимым количеством спортивных сооружений; д) обеспечение и стимулирование спортивных учреждений дополнительного образования [2, с. 198]. Полагаем, что в предложенной дефиниции смешаны разные правовые элементы: обязанности государства и гарантии реализации права. Безусловной поддержки заслуживает признание исследователем «равного доступа к занятиям физической культурой и спортом» частью интегрального права на спорт.

В свою очередь, Р.Д. Гребнев выделяет в праве на спорт 15 правомочий, в том числе: право на охрану здоровья и право на здоровый образ жизни; право на благоприятную психологическую среду и на психологическую разрядку; право на психическое здоровье; право на отдых и досуг, на доступ к развлечениям, включая право на выбор формы досуга (в том числе спортивной формы досуга); право на игру и право на состязательность; право на защиту от дискриминации; интегральное право на определенное качество жизни и благополучие [1, с. 10].

Точка зрения Р.Д. Гребнева наиболее полно отражает интегральность права на спорт и может считаться оптимально кон-

кретизирующей исследуемое право. Однако представляется, что в предложенном им содержании излишне акцентируется внимание на комбинированном характере права на спорт. Из всех предложенных правомочий связанными со спортом следует считать лишь:

- право на отдых и досуг;
- на доступ к развлечениям, включая право на выбор формы досуга (в том числе спортивной формы досуга);
- право на игру и право на состязательность.

Обращает на себя внимание то, что Р.Д. Гребнев обосновал системное действие права на спорт с признанными конституционными правами. По мнению исследователя, право на спорт должно считаться конституционным [1, с. 10].

Таким образом, точки зрения авторов на содержание права на спорт в правовой науке отличаются, но общим является то, что они связывают правомочия в сфере спорта с личностью. Представляется, что право на спорт имеет самостоятельный характер. Его самостоятельность выражена, во-первых, в объекте, а во-вторых, в комплексном характере. Следует согласиться с мнением о невозможности обоснования права на спорт только с помощью одного правомочия.

Интегральность права на спорт выражается в наличии правомочий в сфере спорта. Содержание субъективного права человека раскрывается посредством системы правомочий. Это позволяет определить объективное содержание права на спорт и выявить его природу.

Можно предложить следующую систему правомочий, входящих в интегративное право на спорт: 1) право на занятия спортом и физической культурой; 2) право на участие в спортивных соревнованиях; 3) право на спортивное образование и воспитание; 4) право на безопасность в спортивной сфере; 5) равный доступ к занятиям физической культурой и спортом и запрет дискриминации в этой сфере; б) право на государственную поддержку и финансирование.

Думается, что именно эти правомочия отражают особенности интегративного права на спорт и создают основу всех правомочий в спортивной сфере. Предложенная

формулировка предполагает возможность использования всей совокупности правомочий или их части. Такое понимание права на спорт удовлетворяет потребности личности в спортивных правоотношениях.

Впервые вопрос о правах человека в сфере спорта был поставлен в международном праве на рубеже 60-70 гг. XX века в связи с многочисленными нарушениями, касающимися дискриминации в спорте, с использованием международных спортивных состязаний в политических целях. Генеральная Ассамблея ООН неоднократно заявляла о своей всесторонней поддержке одного из главных принципов олимпизма – недопустимости дискриминации ни по какому признаку*. В дальнейшем, на рубеже XX-XXI веков права человека в сфере спорта стали признаваться на национальном уровне [3, с. 112].

Например, частью 3 ст. 45 Конституции Республики Беларусь предусмотрено право граждан на охрану здоровья, в том числе посредством развития физической культуры и спорта**. С 1997 года в Великобритании признается судебная защита права на спорт [4, с. 9]. В связи с этим следует предположить, что субъективные права в сфере спорта относятся к третьему поколению прав человека [5, с. 120].

Особенностью исследуемого права является его не только индивидуальный, но и коллективный характер. Коллективные права большинством исследователей также относятся к правам третьего поколения [6, с. 252]. По справедливому замечанию И.А. Конюховой, общие вопросы физической культуры и спорта наряду с общими вопросами воспитания, образования, науки и т.д. входят в социальную и культурную сферы [7, с. 89].

Выделим черты, присущие спорту как социальному благу:

* Политика апартеида, проводимая правительством Южной Африки: резолюция ГА ООН 3411 (XXX) от 28 нояб. 1975 г. // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: <https://www.un.org>

** Конституция Беларуси (Республики Беларусь) 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by>

1) наличие связи человека с обществом. Спорт является одним из главных средств взаимодействия человека с социумом;

2) цель спорта является основной для всей социальной сферы.

«Спортивные» права выделяются среди всех социальных прав человека особым объектом (возникают по поводу спорта). Это позволяет утверждать, что права в сфере спорта являются подгруппой социальных прав.

Представляется, что право на спорт должно относиться к категории конституционных прав. По мнению Р.Д. Гребнева, предмет конституционного права на спорт – это «совокупность предметов прав, выступающих компонентами конституционного права на спорт и закрепляемых национальными конституциями и законами, а также международными актами» [1, с. 10]. Данная точка зрения представляется верной, но требует обоснования.

Во-первых, право на спорт связано со здоровым образом жизни и существенно влияет на качество жизни человека. Спорт играет одну из главных ролей в укреплении физического и нравственного состояния человека. Это соответствует положениям ст. 2 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Во-вторых, спорт и физическая культура стали важной самостоятельной сферой, в которую вовлекается все большее количество граждан. Например, открытие XXII Зимних Олимпийских игр в г. Сочи посмотрели более 3 млрд. человек***. Еще один аспект популяризации спорта выделил Президент Российской Федерации В.В. Путин. В частности, им было отмечено, что за период с 2009 по 2020 год количество людей разных поколений, занимающихся спортом регулярно, увеличилось в два с половиной раза и составило почти 60 млн человек (примерно 43 % граждан)****.

*** Церемонию открытия Игр в Сочи посмотрели 3 миллиарда телезрителей // РИА Новости. URL: <https://ria.ru>

**** Владимир Путин провел в режиме видеоконференции заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>

В-третьих, спорт связан с системой государственного управления. От эффективности этой связи зависит качество спорта в Российской Федерации, успешность Российской Федерации в пограничных сферах: здравоохранении, демографии и т.д. В осуществление политики в области спорта вовлечены и органы местного самоуправления. В их компетенции находится, например, детский спорт («низовой сегмент»), который является фундаментом для достижений в спорте в будущем.

В-четвертых, интересы в области спорта должны войти в сферу публичного права — они отражают интересы общества и государства в целом [8, с. 531]. Спортивные победы способствуют росту авторитета государства в глазах мирового сообщества и укреплению безопасности страны. Встреча на национальных и международных соревнованиях — это всегда важное мероприятие для спортсменов, остающееся у них в памяти навсегда. На соревнованиях возникают интернациональные связи, обмен опытом, формируется отношение к представителям других государств. Как говорится в Олимпийской хартии, олимпизм способствует «созданию мирного общества... дух Олимпизма [предполагает] взаимопонимание, дружбу, солидарность» (принципы 2 и 4)*.

Вышеизложенное позволяет предположить, что субъективное право на спорт по своей природе соответствует конституционному уровню.

Закрепление права на спорт в Конституции Российской Федерации может стать основой для дальнейшего расширения нормативно-правовой базы в области спорта. Конституционный статус права на спорт позволит проводить более успешную политику в области демографии, здравоохранения, сохранения и развития человеческого потенциала [1, с. 10]. Формальное закрепление права на спорт на конституционном уровне обеспечит гарантированные государством возможности всех индивидов в спортивной сфере.

Предложим правовой механизм закрепления этого права. Конституционное

закрепление права на спорт требует внесения поправок в Конституцию Российской Федерации. Правам человека посвящена вторая глава Конституции Российской Федерации. В соответствии со ст. 64 положения этой главы могут быть изменены только в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации. Правила изменения норм Конституции Российской Федерации, в том числе ее второй главы, закреплены в ст. 135. В соответствии с частью 3 этой статьи внесение изменений в главы 1, 2 и 9 предполагает принятие новой Конституции Российской Федерации. Конституция является гарантом стабильности государства, правовой ценностью нашего общества. Ее отмена исключительно в интересах защиты права человека на спорт не оправданна.

В связи с установлением конституционных прав и свобод на государство налагаются обязанности, направленные на содействие в осуществлении индивидом принадлежащих ему прав и свобод [9, с. 308]. Исходя из этого представляется, что праву на спорт можно придать конституционный характер посредством установления конституционной обязанности государства по реализации данного права, через полномочия государства (Российской Федерации и ее субъектов), которые предусмотрены в ст.ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации (глава 3). Достоинством такого решения является стабильность главы 2 Конституции Российской Федерации.

В соответствии со ст. 71 Конституции Российской Федерации в ведении Российской Федерации находятся: регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина (п. «в»); установление основ федеральной политики и федеральные программы в области социального, культурного и национального развития; установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования (п. «е»). Принятые в 2020 году поправки в настоящую статью Конституции Российской Федерации расширили полномочия государства в сферах воспитания и образования (установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования). Однако, к сожалению, изменения

* Olympic Charter. In force as from 17 July 2020. Lausanne, Switzerland. URL: <https://stillmed.olympic.org>

не коснулись спорта. Думается, что этот недостаток необходимо устранить включением слов «сферы спорта» в п. «е» ст. 71 Конституции Российской Федерации в части установления единых правовых основ.

Таким образом, п. «е» ст. 71 Конституции Российской Федерации будет сформулирован следующим образом: «...установление единых правовых основ системы здравоохранения, сферы спорта, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования».

При этом спорт не должен быть изъят из совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Предметы совместного ведения предполагают, что Российская Федерация и ее субъекты реализуют свои полномочия в этой сфере согласованно, с учетом интересов друг друга [9, с. 729]. Совместное ведение общими вопросами физической культуры и спорта (подп. «е» п. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации) направлено на выполнение органами государственной власти своих обязанностей по созданию необходимых условий для реализации права на спорт.

Заключение

Таким образом, следует предположить, что:

— во-первых, право на спорт является самостоятельным, имеет специфический объект и комплексный характер. Понятие права на спорт предлагается определить через систему входящих в него правомочий: 1) право на занятия спортом и физической культурой; 2) право на участие в спортивных соревнованиях; 3) право на спортивное образование и воспитание; 4) право на безопасность в спортивной сфере; 5) равный доступ к занятиям физи-

ческой культурой и спортом и отсутствие дискриминации в этой сфере; 6) право на государственную поддержку и финансирование. Правомочия направлены на удовлетворение потребностей личности, могут использоваться как система или отдельные элементы;

— во-вторых, субъективное право на спорт обладает следующими характеристиками: 1) может быть как индивидуальным, так и коллективным; 2) имеет комплексный характер; 3) принадлежит к группе социальных прав; 4) наличие особого объекта позволяет выделить правомочия в сфере спорта в отдельную подгруппу социальных прав; 5) сочетает в себе элементы естественного и позитивного права; 6) относится к третьему поколению прав человека. Все это подтверждает интегративный характер права на спорт;

— в-третьих, право на спорт следует считать конституционным, так как: 1) право на спорт связано со здоровым образом жизни; 2) спорт и физическая культура стали важной самостоятельной сферой, в которую вовлекается все большее количество граждан; 3) право на спорт связано с системой государственного управления; 4) интересы в области спорта входят в публичную сферу; 5) физическая культура и спорт являются частью общей культуры народа в широком понимании этого явления;

— в-четвертых, установлено, что вопросы спорта входят в сферу государственных конституционных интересов. Предлагается придать праву на спорт конституционный характер посредством конкретизации полномочий Российской Федерации в п. «е» ст. 71 Конституции Российской Федерации в части установления единых правовых основ сферы спорта.

Список литературы

1. Гребнев Р.Д. Конституционное право на спорт: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Москва, 2012. 27 с.
2. Якшин Д.В. Реализация конституционных прав и свобод граждан на занятия по физической культуре и спорту // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях: сб. ст. XI междунар. науч. конф., 23-24 апреля 2015 г.: в 2 ч. Ч. II. Москва, 2015. С. 198-201.
3. Иглин А.В. Международное спортивное право и процесс: учеб. пособие. Москва, 2020. 227 с.
4. Алексеев С.В., Буянова М.О., Чеботарев А.В. Спортивное право. Договорные отношения в спорте. Москва, 2020. 108 с.
5. Олейник Н.Н., Олейник А.Н. Историческое развитие поколений «Прав человека» // Научные ведомости. Сер.: Философия. Социология. Право. 2015. N 14. Вып. 33. С. 120-128.
6. Мутагиров Д.З. Права и свободы человека. Москва: Юрайт, 2020. 516 с.

7. Конституционное право Российской Федерации: учебник / под ред. И.А. Умновой, И.А. Алешковой. Москва: РАП, 2014. 382 с.

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., пересмотр. / под ред. В.Д. Зорькина. Москва: Норма, Инфра-М, 2011. 999 с.

9. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд. Москва: НОРМА, 2007. 782 с.

References

1. Grebnev R.D. The constitutional right to sport: comparative legal research. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2012. 27 p. (In Russ.).

2. Yakshin D.V. Realization of constitutional rights and freedoms of citizens to physical culture and sports classes. Physical education and sport in higher educational institutions. In 2 parts. Part II. Moscow, 2015. Pp. 198-201. (In Russ.).

3. Iglin A.V. International Sports law and process. Moscow, 2020. 227 p. (In Russ.).

4. Alekseev S.V., Buyanova M.O., Chebotarev A.V. Sports law. Contractual relations in sports. Moscow, 2020. 108 p. (In Russ.).

5. Oleynik N.N., Oleynik A.N. Historical development of generations of "Human rights". Scientific statements. Series: Philosophy. Sociology. Right, 2015, no. 14, issue 33, pp. 120-128. (In Russ.).

6. Mutagirov D.Z. Human rights and freedoms. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 516 p. (In Russ.).

7. Umnova I.A., Aleshkova I.A. (ed.). Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow, RAP Publ., 2014. 382 p. (In Russ.).

8. Zor'kin V.D. (ed.). Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article). Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2011. 999 p. (In Russ.).

9. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow, NORMA Publ., 2007. 782 p. (In Russ.).

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

ХОЛИКОВ И.В., доктор юридических наук, профессор, iv_kholik@mail.ru Отдел международного права; кафедра международного и европейского права; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34	KHOLIKOV I.V., Doctor of Legal Sciences, professor, iv_kholik@mail.ru International law section; Chair of international and European law; The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Bolshaya Cheremushkinskaya St. 34, Moscow, 117218, Russian Federation
---	---

Характеристика развития отечественного судоустройства.

Рецензия на монографию В.М. Большаковой «Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование)»*

Аннотация. В рецензии приводятся и поддерживаются выводы и аргументация автора, относящиеся к понятию, сущности, причинам и закономерностям судебных преобразований. Особо подчеркивается теоретико-методологическая, историческая и юридическая обоснованность исследования динамики судебных преобразований в отдельной стране за длительный исторический период. Рецензирование монографии «Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование)» осуществлялось на основании системно-структурного и функционально-исторического методов исследования. Проведенный рецензентом анализ позволяет оценить монографию В.М. Большаковой как глубокое теоретическое исследование отечественного судоустройства, охватывающее продолжительный период истории страны.

Ключевые слова: судебные преобразования; судебные реформы; судебная система; судебные институты; прокуратура; адвокатура; суд присяжных; мировой суд; судебные приставы.

Для цитирования: Холиков И.В. Характеристика развития отечественного судоустройства. Рецензия на монографию В.М. Большаковой «Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование)» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 114-120.

Characteristics of the development of the Russian judicial system.

Review of the monograph by V.M. Bolshakova “The dynamics of judicial reforms in Russia in the second half of the XIX – early XXI century (historical and legal research)”

Annotation. The review provides and supports the author of the monograph's conclusions and arguments concerning the concept, essence, causes and patterns of judicial transformations. The theoretical, methodological, historical and legal validity of the study of the dynamics of judicial reforms in a particular country over a long historical period is especially emphasized. The monograph “The dynamics of judicial reforms in Russia in the second half of the XIX – early XXI century (historical and legal research)” was reviewed on the basis of systematic, structural, functional and historical

* Большакова В.М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование): монография / под науч. ред. А.А. Демичева. Тамбов: ИД «Державинский», 2021. 660 с.

research methods. The analysis carried out by the reviewer makes it possible to evaluate the monograph by V.M. Bolshakova as a deep theoretical study of the Russian judicial system, covering a long period of the country's history.

Keywords: judicial transformations; judicial reforms; judicial system; judicial institutions; Prosecutor's Office; bar; jury trial; magistrate court; bailiffs.

For citation: Kholikov I.V. Characteristics of the development of the Russian judicial system. Review of the monograph by V.M. Bolshakova "The dynamics of judicial reforms in Russia in the second half of the XIX – early XXI century (historical and legal research)" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 114-120.

Представление научного труда.

На рецензирование представлена монография «Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование)», подготовленная кандидатом юридических наук, доцентом Большаковой Валентиной Михайловной.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных российским судебным преобразованиям, проведенным во второй половине XIX – начале XXI века, до сих пор в научной литературе не было работ, в которых бы целенаправленно изучалась динамика судебных преобразований в Российской империи, РСФСР/СССР и Российской Федерации. Монография В.М. Большаковой восполняет указанный пробел.

Автором проиллюстрировано, что анализ историографии судебных преоб-

зований в России во второй половине XIX – начале XXI века логично приводит к выводу, что в настоящий момент отсутствуют историко-правовые исследования, рассматривающие динамику судебных преобразований в указанный период. При этом имеется обширная источниковая база, состоящая, в первую очередь, из нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы судостроительства и судопроизводства, а также научных источников. Изучение данного комплекса позволило автору монографии проследить динамику судебных преобразований в Российской империи, РСФСР/СССР и современной России.

Эффективно, всесторонне и объективно оценить в рецензии столь объемное и глубокое историко-правовое исследование – непростая задача, которую рецензент попытался решить.

Введение. Право во все времена было источником социальной сплоченности, добра, справедливости и выступало эффективным средством защиты моральных добродетелей и иных благ. Эффективная, реальная и свободная реализация возможности судебной защиты интересов личности, общества и государства характеризует культурную развитость, цивилизованность и гуманность общества. Законное, справедливое и объективное осуществление судебной деятельности дает возможность не только эффективно вершить правосудие, но и поддерживать в обществе идею важнейшей моральной ценности – солидарности, поскольку позволяет более слабому в отношениях с крупными организациями и государством индивидуальному субъекту – отдельной личности чувствовать охрану своей самости, уникальности и самого факта своего существования.

Следует отметить, что логичен временной период, выбранный автором мо-

нографии для проведения исследования. В XIX веке складываются некоторые ключевые предпосылки для формирования современного судостроения, определяются формы и принципы организации судебной системы, способы отправления правосудия. Также в XIX веке происходит становление принципов деятельности судов и формируются представления об оптимальной для удовлетворения нужд общества и государства судебной структуре.

Двадцатое столетие стало переломным в вопросах международного признания и закрепления в нормах права неотчуждаемых прав и свобод, данных человеку с рождения, часть из которых (например, право на погребение и могилу по обычаям своего народа) не прекращает своего действия и после смерти. Именно этими нормами, сформулированными по итогам кровопролитных войн и международных судебных процессов, зафиксировано право человека на публичное, цивилизованное и равное разрешение споров или справедливое судебное разбирательство. Указанное право нашло свое закрепление во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., а также в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и других международных правовых документах.

В современной России конституционные нормы гарантируют право на открытое, справедливое, полное и объективное судебное разбирательство, до разрешения которого человека нельзя считать виновным и подвергать наказанию или применять иные социально-экономические меры принуждения. В связи с этим весьма интересен авторский анализ, посвященный бытию судебных структур в их динамическом развитии в XX веке. Что касается советских судебных преобразований, то они имели свои особенности и во многом отличались от судебных преобразований предшествующего и последующего периодов. Тем не менее советская эпоха является специфическим периодом в истории судебных преобразований в России, для которого характерны собственные закономерности развития.

В конце XX и первых десятилетиях XXI века Россия переживает несколько

этапов изменений судостроения, последний из которых завершается структурно-процессуальной революцией, произошедшей в ходе судебной реформы 2018 года, ознаменовавшейся, например, созданием судов кассационной инстанции и масштабными изменениями процессуальных норм. После внесения изменений в Конституцию Российской Федерации уточняются и нормы о судостроении, а также упраздняются конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации.

В современном российском обществе происходит переоценка ценностей, поиск точек опоры на отечественные социальные традиции и формулирование основных целей и задач дальнейшего развития. При построении отечественной системы правосудия, поиске эффективной структуры судебной системы важным этапом становится опора на результаты цивилизационного развития судебных органов нашей страны в длительный исторический период. Исследование судебных преобразований в их динамической характеристике так актуально сегодня постольку, поскольку именно при изучении динамики изменений судебных структур можно выявить предпосылки, причины, закономерности, функции, сущность, особенности и проблемы происходивших эволюционных изменений судостроения. Это позволит учесть богатый исторический и правовой опыт, а также избежать ошибок прошлого при модернизации отечественной системы правосудия в будущем.

Как верно отмечает автором в начале работы, исторический опыт свидетельствует, что реформирование судебной системы, судостроения и судопроизводства является, как правило, одной из важнейших составляющих комплексного преобразования всего государственного строя. Так было с судебной реформой 1864 года, проводившейся в ходе «Великих реформ» Александра II, с судебными преобразованиями первых лет советской власти, вылившимися в РСФСР в судебную реформу 1922 года. Так стало и с судебной реформой в Российской Федерации конца XX – начала XXI века, реализующейся в контексте глобального реформирования всей государственной и общественной жизни.

Нельзя не согласиться и с утверждением автора о том, что в настоящее время

в России функционирует понятная, исторически сформированная, в целом отвечающая потребностям общества, государства и вызовам времени система организации публичной власти, к одной из ветвей которой в соответствии с Конституцией Российской Федерации относится судебная власть.

Оценка структуры и полноты работы. В рецензируемой монографии проводится комплексное исследование судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века на основании «сквозного» анализа динамики российских судебных преобразований в дореволюционный, советский и современный период, включая революционные и эволюционные изменения внутри каждого периода. Автором предлагается периодизация истории судебных преобразований, выявляются их причины, сущность и проблемные аспекты. Также анализируются судебные российские институты и формулируется ряд рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Развернутое представление о монографии можно получить через анализ ее содержания, которое представлено пятью главами, включающими 14 параграфов.

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования динамики судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века» рассматриваются историография судебных преобразований в России второй половины XIX — начала XXI века, источники изучения судебных преобразований, периодизация истории и методология их исследования.

Особенно ценно, что автором отмечается характеристика судебных преобразований в исследуемый период. Они представляют собой многоаспектное сложное хронодискретное явление, включающее такие составные элементы, как:

- 1) концептуальные основы, идеи реформ;
- 2) нормативная основа судебных преобразований;
- 3) отдельные судебные институты;
- 4) теоретические и практические проблемы реализации;
- 5) результаты; соответствие того, что получилось, тому, что было задумано реформаторами;

б) отношение юридического сообщества и общественности к реформе в целом и отдельным ее институтам.

Безусловным вкладом в историко-правовую науку является то, что, используя метод периодизации, исходя из разграничения понятий «судебная реформа» и «судебные преобразования», основываясь на таком критерии, как характер нормативных правовых актов, регулирующих судоустройство и судопроизводство, автор выделяет периоды в истории судебных преобразований в России во второй половине XIX — XXI вв.: I период (20 ноября 1864 г. — 1 июля 1899 г.) — судебная реформа 1864 года; II период (1 июля 1899 г. — 22 ноября (5 декабря) 1917 г.) — преобразование судоустройства и судопроизводства, созданных Судебными уставами 1864 года; III период (22 ноября (5 декабря) 1917 г. — 25 мая 1922 г.) — судебные преобразования первых лет советской власти; IV период (25 мая 1922 г. — 10 июля 1923 г.) — судебная реформа 1922 года; V период (10 июля 1923 г. — 24 октября 1991 г.) — преобразование судоустройства и судопроизводства в РСФСР, созданных в ходе судебной реформы 1922 года; VI период (24 октября 1991 г. — 29 июля 2018 г.) — судебная реформа в Российской Федерации.

Во второй главе «Причины и проблемные аспекты судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века» осуществляется сравнительно-правовой анализ причин и сущности судебной реформы 1864 года в Российской империи и судебных преобразований конца XX — начала XXI века в Российской Федерации, освещаются проблемные аспекты российских судебных преобразований, раскрываются советские судебные преобразования как специфический этап изменений в сфере судоустройства и судопроизводства. Отмечается, что во второй половине XIX века, в начале и в конце XX века предпосылкой судебных преобразований являлся кризис государственного и социально-экономического строя, в условиях которого существующая судебная система перестала соответствовать интересам общества и государства.

Автором выделяется комплекс причин, вызвавших судебную реформу 1864 года и современную судебную ре-

форму, которые имеют сходство и отличия. И те и другие обуславливаются сходством и различием политических, социально-экономических и иных условий в соответствующие конкретно-исторические периоды. Характер обеих изучаемых судебных реформ был радикальным и демократическим, а их сущность заключалась в кардинальном реформировании старой, существовавшей ранее судебной системы, отказе от нее, построении новой судебной системы, основанной на иных принципах и сопровождавшейся введением (в Российской империи) или возрождением (в Российской Федерации) различных институтов (суда присяжных, мирового суда, апелляции, судебных приставов и др.).

В третьей главе «Тенденции развития судебной системы России во второй половине XIX – начале XXI века» свое отражение находят вопросы динамики развития принципов организации судебной системы в Российской империи, РСФСР/СССР и Российской Федерации, несменяемость и независимость судей в системе принципов организации российской судебной системы, эволюции российской судебной системы во второй половине XIX – начале XX века.

К научным результатам главы относится выделение эволюции принципов организации судебной системы. В изучаемый период принципы эволюционировали в нескольких направлениях, а именно: 1) изменение их количества; 2) конкретизация формулировок, 3) раскрытие содержания принципов организации судебной системы становилось более подробным. В совокупности это способствовало повышению качества их закрепления, следствием чего становилась понятность для правоприменителя. Система принципов организации судебной системы обуславливалась во все исторические периоды государственными и общественными интересами, зависела и зависит от социального заказа и общественной морали. Также качество закрепления принципов организации судебной системы обуславливалось уровнем развития законодательной техники.

Четвертая глава монографии «Эволюция институтов прокуратуры и адвокатуры в России во второй половине XIX – начале XXI века» посвящена исследо-

ванию динамики развития института прокуратуры, а также динамики развития института адвокатуры в Российской империи, РСФСР/СССР и Российской Федерации.

В завершение данной главы отмечается, что динамика развития прокуратуры и адвокатуры шла в русле динамики судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XX века в целом и обуславливалась логикой социально-исторического процесса. Также нельзя не учитывать развитие институтов адвокатуры и прокуратуры в советский период. Внутри этого периода происходила их эволюция, хорошо встроенная в логику развития судебных преобразований в РСФСР со всеми присущими им характеристиками и атрибутами. Современная прокуратура и адвокатура являются синтезом достижений дореволюционной и советской прокуратуры и адвокатуры, а также новелл, вызванных изменениями в государственном и общественном сознании, во всей правовой системе России.

В пятой главе «Сравнительно-правовой анализ российских судебных институтов во второй половине XIX – начале XXI века» исследуются сущность эволюции института мировых судей в России и институт присяжных заседателей в Российской империи и Российской Федерации в сравнительно-правовом аспекте, а также развитие института судебных приставов и трансформация института апелляции.

В заключительной части главы отмечается, что мировой суд, суд присяжных, судебные приставы и апелляция являются классическими отечественными судебными хронодискретными институтами, имеющими сходные черты. При этом первые три института отличает четкое организационное выражение в виде соответствующих государственных органов, а институт апелляции носит процессуальный характер.

Каждый из рассмотренных институтов требует дальнейшего изучения в хронодискретном ракурсе. Перспективными направлениями изучения являются следующие:

1. Мировой суд: 1) нормативно-правовая основа института мировых судей; 2) модель мировой юстиции; 3) компетенция мирового суда; 4) мировой суд как институт гражданского общества; 5) тре-

бования, предъявляемые к кандидатам в мировые судьи; б) механизм формирования корпуса мировых судей; 7) права и обязанности мировых судей; 8) ответственность мировых судей; 9) льготы и гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей;

2. Суд присяжных: 1) суд присяжных как институт гражданского общества; 2) модель суда присяжных заседателей; 3) причины введения суда присяжных; 4) проблемы введения суда присяжных; 5) отношение общественности к институту присяжных заседателей; 6) требования к присяжным заседателям; 7) проблема вознаграждения присяжных заседателей; 8) механизмы формирования коллегии присяжных заседателей (составление списков, механизмы отбора, отводы и др.); 9) постановка вопросов перед коллегией присяжных заседателей и вынесение вердикта; 10) проблема защиты прав человека в суде присяжных;

3. Судебные приставы: 1) нормативно-правовая основа института судебных приставов; 2) модель исполнительного производства; 3) требования, предъявляемые к судебным приставам; 4) механизм формирования корпуса судебных приставов; 5) права и обязанности судебных приставов; 6) ответственность судебных приставов; 7) льготы и гарантии реализации прав и обязанностей судебных приставов; 8) процедуры исполнительного производства;

4. Апелляция: 1) нормативно-правовая основа института апелляции; 2) структура апелляционных инстанций; 3) модель апелляции и полномочия апелляционных инстанций; 4) процедуры подачи апелляционной жалобы в гражданском и уголовном судопроизводстве; 5) процедуры рассмотрения апелляционной жалобы в гражданском и уголовном судопроизводстве.

В монографии обращает на себя внимание и осуществленное автором изучение научной литературы по вопросу. Так, В.М. Большаковой проанализировано более 1000 источников, которые последовательно приведены в списке литературы.

Монография В.М. Большаковой выполнена на материале ранее проведенных автором историко-правовых исследований и опубликованных в печати научных

работ. Кроме того, материалы и разработки, послужившие основой для написания рецензируемой книги, обсуждались и получили одобрение со стороны научного сообщества на научно-представительских мероприятиях различного уровня, а также нашли свое отражение в двух ранее изданных монографиях.

Анализ дискуссионных вопросов.

В представленном научном труде находят свое отражение и развитие несколько известных направлений научных дискуссий по проблемам судостроительства и судопроизводства (о принципах судопроизводства и правосудия, социально-политической обусловленности судебных преобразований, статусе судей и работников суда и др.), а также формируется несколько новых направлений научного дискурса (исследование принципов судостроительства, анализ сопоставимых проблем судебных реформ, изучение классических и неклассических хронодискретных судебных институтов, а также исследование органов, осуществляющих вспомогательные функции по отношению к судебной системе). При этом важно, что оценка судостроительной сферы автором производится исходя из системной связи с другими общественными институтами, деятельность которых непосредственно связана с представлением разных сторон процесса в судах — прокуратуры и адвокатуры.

Не вызывает сомнения, что автором монографии закладывается новое научное направление в истории государства и права — исследование динамики судебных преобразований в отдельном государстве за длительный исторический период. Оно предполагает комплексный анализ причин, проблем реализации и результатов судебных преобразований, изучение судебного законодательства, принципов организации судебной системы, ее элементов, эволюции отдельных институтов, а также проведение периодизации.

В то же время рассматриваемая монография, как представляется, не лишена некоторых изъянов. В частности, лишь эпизодически представлен сравнительно-правовой и структурный анализ отечественного судостроительства и устройства судебной системы в Великобритании, США, Германии, Китае и других странах.

Возможно, это объясняется риском превышения разумного объема работы, однако, по мнению рецензента, исследование от такого сравнения, несомненно, выиграло бы. Вызывает вопросы и отсутствие в монографии графического представления судебных структур как в тексте работы, так и в приложениях. Представление судебных структур на различных этапах судебных преобразований с помощью средств иллюстрации (схем и рисунков) обогатило бы работу структурированным суждением о ее результатах и упростило бы понимание их сущности читателем. Вместе с тем указанные замечания не носят принципиального характера и не снижают теоретической и практической значимости книги.

Заключительное слово. Несмотря на значительный объем, изучение монографии В.М. Большаковой оставляет целостное и приятное впечатление, стимулирует любопытство к дальнейшему исследованию

проблем социального бытия судебной власти, а также к персоналиям, осуществлявшим ее в разные исторические периоды.

Монография В.М. Большаковой «Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование)» оценивается как самостоятельное научное исследование, обусловленное социальными противоречиями и происходящими изменениями в сфере судоустройства, обоснованное с теоретико-методологической и историко-правовой точек зрения, обладающее безусловной научной новизной и положительной значимостью для юридической науки и практики.

Научное сообщество с ее изданием, безусловно, приобретет новые систематизированные представления о системе отечественного судоустройства. Этот факт имеет социально-теоретический, правоприменительный и законодательный смысл.

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
chernovaswetlana@mail.ru
Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
chernovaswetlana@mail.ru
Research and editorial and publishing
department;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75,
Tyumen, 625049,
Russian Federation

**Отзыв на диссертацию А.А. Патрушевой
«Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие
в связи со смертью участников уголовного судопроизводства»***

Аннотация. В отзыве отражены основные положения диссертационного исследования, посвященного комплексному анализу уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих в связи со смертью незаменимых участников уголовного судопроизводства. Рассмотрен ряд выводов и предложений, сформулированных соискателем и не вызывающих сомнения в их научной обоснованности и практической значимости. Отмечено, что диссертантом сформулированы определения понятий «смерть как юридический факт в уголовном судопроизводстве» и «уголовно-процессуальное правопреемство», разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» с целью уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти незаменимого участника уголовного судопроизводства. В порядке дискуссии высказаны замечания и отмечены моменты, нуждающиеся в уточнении. Сделан вывод о том, что диссертация А.А. Патрушевой является завершённой и самостоятельной работой, полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук.

Ключевые слова: смерть участника уголовного судопроизводства; юридический факт; близкие родственники; правопреемство; оглашение показаний.

Для цитирования: Чернова С.С. Отзыв на диссертацию А.А. Патрушевой «Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 121-125.

Review of A.A. Patrusheva's thesis "Legal relations in criminal procedure arising due to the death of participants in criminal proceedings"

Annotation. The review contains an overview of the main provisions of the dissertation devoted to a comprehensive analysis of legal relations in criminal procedure, arising due to the death of irreplaceable participants in criminal proceedings. A number of conclusions and proposals formulated by the applicant is considered. These conclusions and proposals do not raise doubts concerning their scientific validity and practical significance. It is noted that the author of the dissertation formulated the definitions of the concepts "death as a legal fact in criminal proceedings" and "criminal procedure succession", developed the draft of Federal Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" in order to clarify the procedure in the event of death of an irreplaceable participant in criminal proceedings. Some comments to be discussed are made. The points that need clarification are noted. It is concluded that A.A. Patrusheva's thesis is a completed and independent study that fully complies with the requirements for dissertations for the scientific degree of Candidate of Sciences.

Keywords: death of participant in criminal proceedings; legal fact; close relatives; legal succession; presenting testimony.

* Патрушева А.А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2020. 257 с.

For citation: Chernova S.S. Review of A.A. Patrusheva's thesis "Legal relations in criminal procedure arising due to the death of participants in criminal proceedings" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 121-125.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Вместе с тем при реализации назначения уголовного судопроизводства дознаватель, следователь, суд нередко сталкиваются с независимыми от них обстоятельствами, которые этому препятствуют. Одним из таких обстоятельств является смерть незаменимого участника уголовного судопроизводства: потерпевшего, свидетеля, подозреваемого (обвиняемого, подсудимого).

Проблемы, возникающие у правоприменителей в связи со смертью незаменимых участников уголовного судопроизводства, являются, как правило, следствием того, что в действующем законодательстве урегулированы не все аспекты процессуального порядка деятельности в сложившихся обстоятельствах. Например, в законодательстве не названы потерпевшими близкие родственники, близкие лица, родственники лица, погибшего от преступления, а лишь указывается на то, что они наделены правами потерпевшего. В связи с этим сложно определить процессуальный статус указанных лиц.

Вопросы, касающиеся производства предварительного расследования по уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого или лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, урегулированы лишь частично (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), определяя возможности принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела. При этом постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. N 16-П указанная статья УПК РФ признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в которой она позволяет прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого без согласия его близких род-

ственников. Подготовленный в 2013 году Правительством Российской Федерации проект Федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности)» до настоящего времени остается законопроектом.

Таким образом, предпринятая в работе попытка комплексного анализа последствий ухода из жизни значимых участников уголовного судопроизводства представляется весьма интересной и актуальной. Предыдущие обращения ученых к вопросам смерти лиц, вовлеченных в уголовный процесс, не смогли ни исчерпать тему, ни снизить ее актуальность.

Научная новизна диссертационного исследования А.А. Патрушевой подтверждается комплексным подходом к рассмотрению последствий смерти наиболее значимых субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Соискателем даны авторские определения понятий «смерть как юридический факт в уголовном судопроизводстве» и «уголовно-процессуальное правопреемство».

Научную новизну диссертационного исследования определяют положения, выносимые на защиту, а также выводы и предложения соискателя.

На базе проведенного исследования разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» с целью уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти незаменимого участника уголовного судопроизводства.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что сделанные выводы и предложения вносят определенный вклад в науку уголовного процесса, способствуют оптимизации действующего законодательства и практики его применения. Теоретические выводы и практические рекомендации могут быть использованы в дальнейших научных разработках, в нормотворческом и учебном процессе.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, высокая, их достоверность обеспечивается методологией исследования, большим количеством использованных источников – 417, обширной эмпирической базой, формировавшейся в течение 14 лет, которую составили: 157 уголовных дел, 112 постановлений о прекращении уголовных дел, 270 судебных решений.

Автором проведены репрезентативные социологические исследования – опрошены несколько сотен сотрудников и руководителей подразделений следствия и дознания МВД России, Следственного комитета Российской Федерации, прокуратуры Российской Федерации, широко использован статистический материал.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в 19 научных статьях, подготовленных автором лично или в соавторстве. 8 статей опубликовано в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень, определенный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России для публикации результатов диссертационных исследований. В необходимой мере осуществлена апробация исследования в виде докладов на всероссийских и международных научно-практических конференциях. Результаты исследования внедрены в образовательный процесс и используются в практической деятельности органов внутренних дел.

Диссертационная работа А.А. Патрушевой изложена на 257 страницах, включая список использованных источников и приложения. Основной текст диссертационного исследования состоит из введения, двух глав, содержащих семь параграфов, заключения и библиографии.

Во введении обосновываются актуальность темы, степень ее научной разработанности, определены объект и предмет исследования, цель и задачи. Дана характеристика методологической и теоретической основ исследования, перечислены использованные диссертантом методы. Представлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, обоснована достоверность полученных результатов исследования. Сформулировано 9 выносимых соискателем на защиту по-

ложений, в которых отражены основные результаты исследования.

Первая глава «Смерть как юридический факт в уголовном судопроизводстве» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Социально-правовая обусловленность законодательного учета обстоятельств, связанных со смертью участников уголовного судопроизводства» соискатель анализирует комплекс социально-этических факторов, свидетельствующих о необходимости предоставления членам семьи умершего участника уголовного судопроизводства нормативно закрепленного доступа к средствам уголовно-процессуальной защиты нематериальных благ, принадлежавших умершему, своих собственных законных интересов и интересов семьи. Критической оценке соискателя подвергается действующее законодательство, неспособное, по его мнению, в полной мере удовлетворить доступ семьи умершего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего к правосудию. Соискатель делает вывод о том, что предоставление доступа к правосудию родственникам умершего участника уголовного судопроизводства обеспечит реализацию закрепленного в Конституции Российской Федерации права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Во втором параграфе «Исторический очерк развития правоотношений, связанных со смертью участников уголовного судопроизводства» соискатель выделяет семь основных этапов развития уголовно-процессуальных правоотношений, связанных с наступлением смерти участников уголовного судопроизводства. С учетом выделенных этапов соискатель подчеркивает, что рассматриваемые отношения были предметом регулирования на протяжении всего периода развития российского уголовно-процессуального законодательства.

В третьем параграфе «Возникновение и прекращение правоотношений в случае смерти участников уголовного судопроизводства на современном этапе» соискатель рассматривает смерть как юридический факт в уголовном судопроизводстве, влекущий за собой возникновение, изменение и прекращение уголовно-про-

цессуальных правоотношений. Сделан обоснованный вывод о том, что правовые последствия влечет только смерть незаменимых участников уголовного судопроизводства, к которым относятся подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель. Логичным завершением параграфа стало авторское определение понятия смерти как юридического факта в уголовном судопроизводстве.

В четвертом параграфе «Уголовно-процессуальное преемство прав умерших участников уголовного судопроизводства» анализируются научные подходы к определению правового положения близких родственников, родственников и близких лиц умершего участника уголовного процесса. Проведенный анализ позволил соискателю сформулировать определение понятия «уголовно-процессуальное правопреемство». Кроме того, выделен перечень не подлежащих преемству неотчуждаемых прав потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Вторая глава «Правовое регулирование отношений при наступлении смерти отдельных участников уголовного судопроизводства» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Правоотношения, возникающие в связи со смертью потерпевшего, свидетеля» исследуются особенности вовлечения и участия в уголовном судопроизводстве правопреемников потерпевшего. Соискателем сделан обоснованный вывод о том, что приоритетом в вопросе правопреемства прав умершего потерпевшего должны обладать близкие родственники и близкие лица. При этом правопреемству подлежат не только права потерпевшего (за исключением неотделимых от личности умершего), но и его обязанности. Представляет интерес вывод о том, что к правопреемнику не должно переходить право примириться с лицом, совершившим преступление. Также заслуживает внимания вывод о возможности преемства отдельных уголовно-процессуальных прав имущественного характера при наступлении смерти свидетеля.

Во втором параграфе «Правоотношения, возникающие в связи со смертью подозреваемого, обвиняемого» соискатель выделяет и анализирует проблемы, явившиеся следствием отсутствия регламента-

ции в современном уголовно-процессуальном законодательстве вопросов, связанных со смертью подозреваемого, обвиняемого. Проведенный анализ позволил соискателю сделать вывод о необходимости обязательного участия защитника с момента установления смерти преследуемого лица. Соискателем аргументируется позиция, согласно которой на момент окончания предварительного расследования умерший подозреваемый или лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, должны получить статус обвиняемого. Также заслуживает внимания вывод о том, что единственной формой итогового процессуального решения, принимаемого в отношении умершего, выступает постановление о прекращении уголовного дела.

В третьем параграфе «Оглашение показаний умерших участников уголовного судопроизводства» соискатель выделяет и обосновывает условия, при которых смерть потерпевшего, свидетеля не влечет утрату доказательственного значения их показаний. Обосновывается целесообразность распространения правил, предусмотренных п. 1 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, на случаи смерти подозреваемого, обвиняемого, производство в отношении которых продолжено в целях возможной реабилитации, а также на случаи смерти соучастника преступления.

В завершающем разделе диссертации – заключении – подведены итоги исследования и представлены главные выводы, обозначена перспектива дальнейшего изучения проблематики, связанной с процессуальными последствиями смерти подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля.

Характеризуя работу в целом, следует отметить ее актуальность и практическую значимость, полноценность реализации комплексного подхода к анализу последствий ухода из жизни наиболее значимых субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Важным результатом диссертационного исследования является разработка соискателем предложений, направленных на совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства и сложившейся правоприменительной практики.

Таким образом, диссертационное исследование А.А. Патрушевой можно оце-

нить как отвечающее необходимым требованиям, предъявляемым к работам подобного рода.

На основании анализа материалов диссертационного исследования можно сделать заключение о том, что поставленная соискателем цель достигнута. Автореферат и публикации в полной мере отражают основное содержание диссертационного исследования, его главные гипотезы, положения, результаты, выводы.

Вместе с тем следует обратить внимание на некоторые дискуссионные моменты:

1. Представляется нелогичным подход соискателя к доказыванию факта смерти в зависимости от процессуального статуса участника уголовного судопроизводства. Так, по отношению к погибшему в результате преступления лицу соискатель считает достаточным наличие «протокола осмотра трупа (места происшествия), заключения судебно-медицинской экспертизы и других доказательств, подтверждающих смерть потерпевшего и его личность». По отношению к подозреваемому, обвиняемому, свидетелю, потерпевшему, умершему от причин, не связанных с преступлением, указывается на необходимость «истребовать сведения в органах ЗАГС».

Подобный подход, соответствующий положению 3, выносимому на защиту, в котором соискатель указывает, что смерть участника уголовного судопроизводства – это событие, «требующее официального оформления в материалах уголовного дела», по нашему мнению, противоречит выводу по третьему параграфу первой главы, содержащему авторское определение понятия «смерть участника уголовного судопроизводства», под которой понимается «...смерть лица, прошедшая процедуру обязательной государственной регистрации, подтвержденная в материалах уголовного дела официальными сведениями органов ЗАГС».

2. Позиция соискателя, отнесшего возражения заинтересованных лиц к числу обстоятельств, влекущих необходимость дальнейшего расследования уголовного дела при наступлении смерти подозреваемого, обвиняемого, на наш взгляд, нуждается в уточнении, поскольку в статье 24 подготовленного законопроекта соиска-

тель в качестве подобного обстоятельства указывает на несогласие правопреемников, определение которых как участников уголовного процесса включено в статью 47.1 указанного законопроекта.

Кроме того, представляется, что автор оставил без внимания дискуссионный вопрос относительно количества привлекаемых к участию в уголовном судопроизводстве правопреемников умершего подозреваемого, обвиняемого.

3. Поддерживая положение 8, выносимое на защиту, в части надления правопреемника умершего потерпевшего правом на возмещение ущерба, причиненного преступлением, путем возврата похищенного имущества, денежной компенсации вреда и т.п. только в случае, если правопреемник обладает правовой возможностью наследовать имущество, считаем, что требует уточнения ситуация, при которой правопреемником, вовлеченным в ход расследования или судебного разбирательства, является одно лицо, а право наследования имущества умершего потерпевшего принадлежит большему кругу лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства.

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и не умаляют теоретической и практической значимости работы, не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования, содержание которого соответствует научной специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.

С учетом изложенного диссертация А.А. Патрушевой «Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства» является завершённой и самостоятельной работой, полностью соответствует предъявляемым к диссертационным исследованиям на соискание ученой степени кандидата наук требованиям пунктов 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842*.

* О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24 сент. 2013 г. N 842: ред. от 11 сент. 2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Раздел 10. Обзор правозащитной практики

ГУСЕВ В.А., GUSEV V.A.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences, associate
GusevVA@mail.ru professor,
Омская академия GusevVA@mail.ru
Министерства внутренних дел Omsk Academy of the Ministry of the Interior
Российской Федерации, of the Russian Federation,
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7 Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

БЕКЕТОВ О.И., BEKETOV O.I.,
доктор юридических наук, профессор, Doctor of Legal Sciences, professor,
ol_beketov@mail.ru ol_beketov@mail.ru
Кафедра административного права Chair of administrative law
и административной деятельности and administrative activities
органов внутренних дел; of the internal affairs bodies;
Омская академия Omsk Academy of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
644092, г. Омск, просп. Комарова, 7 Russian Federation

МАЗУНИН Я.М., MAZUNIN Ya.M.,
доктор юридических наук, профессор, Doctor of Legal Sciences, professor,
yakvmazunin@yandex.ru yakvmazunin@yandex.ru
Кафедра криминалистики; Chair of criminalistics;
Омская академия Omsk Academy of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
644092, г. Омск, просп. Комарова, 7 Russian Federation

Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи посредством адвокатского расследования: оперативно-розыскной аспект

Аннотация. Статья посвящена вопросам реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи на стадии проведения в отношении их оперативно-розыскных мероприятий. Рассматриваются методы адвокатского расследования фактов нарушения должностными лицами оперативных подразделений юридической процедуры проведения оперативно-розыскных мероприятий. Подчеркивается значение современных технологий и средств коммуникации, позволяющих обеспечить не только объективность изучения событий, нуждающихся в правовой оценке, но и состязательность сторон в уголовном процессе. На основании изучения соответствующих материалов судебной практики демонстрируется, что законные действия адвокатов, направленные на собирание доказательств и установление истины по делу, позволяют восстановить нарушенные права, свободы и законные интересы граждан, попавших в сферу оперативно-розыскных правоотношений.

Ключевые слова: адвокат; оперативно-розыскное мероприятие; провокация; состязательность уголовного судопроизводства; квалифицированная юридическая помощь.

Для цитирования: Гусев В.А., Бекетов О.И., Мазунин Я.М. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи посредством адвокатского расследования: оперативно-розыскной аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 126-132.

Implementation of the constitutional right to receive qualified legal assistance be means of the defense counsel's investigation: operational aspect

Annotation. The article is devoted to the issues of implementation of the constitutional right of citizens to receive qualified legal assistance at the stage of carrying out crime detection actions relating to them. The methods of the defense counsel's investigation of the facts of violation of the legal procedure for carrying out crime detection actions by the officials of investigative and detective units are considered. The authors emphasize the importance of modern technologies and means of communication, which make it possible to ensure not only the objectivity of the study of the events that need legal assessment, but also the competitiveness of the parties involved in criminal proceedings. Based on the study of relevant materials of judicial practice, it is substantiated that the legal actions of defense counsels aimed at collecting evidence and establishing the truth in the case allow to restore the violated rights, freedoms and legitimate interests of the citizens involved in the sphere of legal relations concerning crime detection activities.

Keywords: counsel for defense; crime detection action; provocation; adversarial nature of criminal proceedings; qualified legal assistance.

For citation: Gusev V.A., Beketov O.I., Mazunin Ya.M. Implementation of the constitutional right to receive qualified legal assistance be means of the defense counsel's investigation: operational aspect // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 4 (58). P. 126-132.

Включение адвоката в защиту прав и законных интересов лиц, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия, является яркой тенденцией в современной системе оперативно-розыскного противодействия преступности. Еще в 2005 году Конституционный Суд Российской Федерации достаточно четко обозначил свою позицию по данному вопросу, указав, что «право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката гарантируется любому лицу, в отношении которого осуществляется деятельность, направленная на выявление фактов и обстоятельств, уличающих его в подготовке или совершении преступления, а значит, лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в связи с подозрением его в причастности к подготовке или совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката, если таковая не исключается... необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конспиративности»*.

* По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. N 327-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Основываясь на данном судебном решении, можно констатировать, что должностные лица оперативных подразделений не имеют права препятствовать участию адвоката в проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), осуществляемых в отношении их доверителей. Если адвокат успевает прибыть на место проведения ОРМ, то он должен быть допущен к своему доверителю, ему должна быть обеспечена возможность наблюдать за действиями оперативных сотрудников, знакомиться с составленными ими процессуальными документами, делать замечания относительно результатов проведенного ОРМ и его оформления. Именно в этом и заключается оказание квалифицированной юридической помощи гражданину, внезапно для него попавшему в сферу оперативно-розыскных правоотношений, особенно на стадии доследственной проверки информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении.

Однако юридическая помощь этим не ограничивается. В соответствии с законодательством Российской Федерации адвокат вправе: собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи; опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь; собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны

вещественными доказательствами (ст. 86 УПК РФ, ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»^{*}). Эти и ряд других действий, которые адвокат имеет право осуществлять в целях защиты интересов своего доверителя, фактически составляют содержание такого юридического явления, как адвокатское расследование.

Следует оговориться, что термин «адвокатское расследование» отсутствует в российском законодательстве, однако факт его существования в юридической теории и практике сомнению не подвергается. Например, Ю.Ф. Лубшев отмечает, что «адвокатское расследование — это межотраслевой правовой институт, основывающийся на совокупности норм права двух отраслей: уголовно-процессуального и адвокатского права, обоснованно выделяемого в науке об адвокатуре в самостоятельную отрасль знаний» [1, с. 10-11]. Развивая эту мысль, Е.Г. Мартынич подчеркивает, что в нормативно-регулятивном плане адвокатское расследование представляет наибольший интерес как институт уголовного процесса, и в таком качестве он может *конкурировать* (курсив наш. — *Авт.*) с такими институтами уголовного судопроизводства, как дознание, предварительное следствие, а следовательно, адвокатское расследование может быть использовано на различных стадиях уголовного процесса, если только возникает необходимость выявить, собрать, исследовать доказательства, которые могут повлиять на выводы обвинения либо решения, сформулированные в приговоре [2].

Вместе с тем помимо собирания сведений и документов, положительно характеризующих доверителя или свидетельствующих о его невиновности, адвокат в рамках своего расследования изучает доказательства стороны обвинения с целью их опровержения или дискредитации. Именно поэтому результаты оперативно-

розыскной деятельности (далее — ОРД), которые являются основой для принятия решения о возбуждении уголовного дела или представляются следователю в качестве доказательств, становятся объектом тщательного исследования со стороны адвоката. К сожалению, в некоторых случаях адвокаты выявляют факты фальсификации, допускаемые оперативными сотрудниками при проведении ОРМ и оформлении их результатов, что в итоге приводит к негативным последствиям: признанию доказательств недопустимыми, прекращению уголовных дел, привлечению к ответственности оперативных сотрудников и их руководителей.

Принимая во внимание значимость указанной проблемы, полагаем целесообразным рассмотреть методы адвокатского расследования, которые адвокаты противопоставляют оперативно-розыскным методам документирования действий их доверителей. Прежде всего, необходимо отметить, что адвокаты детально изучают оперативно-служебные документы, составленные оперативными сотрудниками, и проверяют все сомнительные обстоятельства и сведения, которые в них отражены. Фактически они проводят контрразведывательные и аналитические мероприятия: детально реконструируют (восстанавливают) картину, отражающую процесс осуществления ключевого ОРМ, результаты которого послужили основанием для возбуждения уголовного дела или позволили сформировать основные доказательства обвинения, а затем сопоставляют полученные фактические (проверенные) данные с информацией, зафиксированной в оперативно-розыскных документах, а также в показаниях самих оперативных сотрудников и лиц, оказывавших им содействие при проведении ОРМ.

Например, в юридической литературе описывается случай успешного адвокатского расследования по факту проверочной закупки наркотических средств, проведенной в отношении подзащитного. Адвокат, изучая материалы ОРМ (протоколы личного досмотра, осмотра и вручения денежных средств на проведение закупки и протокол изъятия наркотических средств), обратил внимание на оперативного сотрудника, от имени которого они

^{*} Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ: ред. от 31 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 23. Ст. 2102; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

были оформлены, и «поняты», сведения о которых были отражены в указанных документах. Посредством Интернета ему удалось установить, что некоторые понятия числятся «в друзьях» у оперативных уполномоченных, а кто-то является сотрудником другого подразделения полиции. При этом выяснилось, что девушка — оперативный уполномоченный полиции, от имени которой были составлены протоколы, во время проведения ОРМ находилась за пределами Российской Федерации*.

Безусловно, указанные действия должностных лиц оперативных подразделений полиции носили противозаконный характер и недопустимы в ОРД, поэтому следует согласиться с негативной правовой оценкой таких результатов ОРМ и последующим судебным решением. Вместе с тем оперативным сотрудникам в своей деятельности необходимо учитывать то обстоятельство, что противоборствующая сторона может путем несложного мониторинга интернет-пространства (а точнее, персональной информации, которую они в свободном доступе выкладывают на своих электронных ресурсах) выявить их социальные связи и местонахождение в определенное время. Эти сведения могут быть использованы не только адвокатом в целях установления истины по делу, но и преступными элементами для расшифровки личности участников ОРМ и оказания противоправного воздействия на них.

Другим примером эффективного использования методов адвокатского расследования можно считать запрос адвоката в рамках судебного разбирательства о получении информации о месте нахождения телефонных аппаратов участников ОРМ во время тех или иных оперативно-розыскных действий, указанных в процес-

суальных документах. Полученные данные наглядно продемонстрировали, что в момент составления оперативно-служебных документов и протоколов понятия находились в другом месте и не имели физической возможности их подписать в указанное время. Оперативный сотрудник, который, согласно документам, осуществлял осмотр и прослушивание аудиозаписи ОРМ, был в это время далеко от того места, где составлялся протокол. В итоге суд окончательно пришел к выводу о провокации ввиду того, что данные телефонных соединений оперативного сотрудника и обвиняемого прямо свидетельствовали о том, что именно оперуполномоченный предлагал установить ему контрафактную программу, чтобы взять с личным программиста**.

Интересно отметить, что должностные лица оперативных подразделений достаточно часто обращаются к операторам мобильной связи для получения информации о телефонных соединениях абонентов (месте, дате, времени и продолжительности) в целях решения оперативно-розыскных задач. Однако не следует забывать о том, что и сами оперативные сотрудники в этом аспекте могут стать объектом изучения со стороны суда, а следовательно, быть разоблаченными.

Не менее показательный пример из адвокатской практики приведен в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2011 г. N 330П11. При производстве предварительного расследования по делу был допрошен в качестве свидетеля П. — старший оперуполномоченный по особо важным делам Управления по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД г. Москвы, который для удостоверения своей личности предъявил свое служебное удостоверение. Как следует из показаний П., изложенных в протоколах его допросов следователем, он был одним из участников «проверочной закупки» и выступал в качестве покупателя поддельного векселя,

* В результате рассматриваемое уголовное дело по факту сбыта наркотических средств было прекращено, тогда как в отношении заместителя начальника отдела полиции и троих его подчиненных, которые, как выяснилось, систематически фальсифицировали материалы ОРМ «Проверочная закупка», были возбуждены уголовные дела по факту злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога. (См.: Адвокат выявил оперативников-фальсификаторов // Уголовный процесс. 2013. N 4. URL: <http://e.uqpr.ru>).

** Приговор Всеволожского городского суда Ленинградской области от 16 дек. 2016 г. по делу N 1-233/2016. (См.: Суд указал на незаконную проверочную закупку и провокацию преступления // Уголовный процесс. 2017. N 4. URL: <http://e.uqpr.ru>).

при этом передал деньги, после получения которых был задержан И.

В связи с нахождением в длительной командировке свидетеля П., указанного в приложении к обвинительному заключению в числе лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, суд по ходатайству государственного обвинителя огласил показания, которые П. дал на допросе следователю. Эти показания на предварительном следствии суд использовал в приговоре как одно из доказательств виновности И.

На запросы адвоката по месту службы П. было получено два ответа: 1) «...вся имеющаяся информация в отношении П. находится в материалах уголовного дела. Более подробная информация будет предоставлена по запросу судьи, рассматривающего уголовное дело»; 2) «...по учетным данным ГУВД г. Москвы П. не значится». Указанные ответы на запросы защитника были приобщены к кассационной жалобе И., в которой он оспаривал законность и обоснованность приговора. При этом в числе других доводов И. ссылался на то, что «...офицера милиции П. не существует»*.

На наш взгляд, очевидно, что П. является сотрудником оперативного подразделения, осуществляющим оперативное внедрение в преступную среду и использующим специальные документы. В данном случае полагаем, что руководители оперативной службы недостаточно ответственно отнеслись к легализации полученных результатов ОРД. В итоге адвокат в рамках своего расследования путем направления простых запросов в оперативное подразделение и кадровый аппарат полиции поставил под сомнение показания основного свидетеля обвинения.

Адвокаты в процессе своего расследования особое внимание уделяют аудио- и видеозаписям, фиксирующим встречи и переговоры их подзащитных с агентами в рамках проводимого ОРМ. Очевидно, что непосредственная фиксация действий и слов обвиняемого лица является важным доказательством, сформированным в рамках негласного ОРМ, поэтому отсутствие в материалах уголовного дела самих аудио- или видеозаписей вызывает

у адвокатов обоснованные подозрения. Прежде всего, они сопоставляют аудио- и видеоматериалы с их стенограммами, содержащимися в печатном виде в оперативно-служебных документах и протоколах осмотров результатов ОРД, с целью выявления несоответствия и расхождений. Следует отметить, что адвокатам неоднократно удавалось выявлять и доказывать в суде факты отсутствия в стенограммах, представленных стороной обвинения, отдельных фраз и эпизодов, имеющих значение для квалификации и правовой оценки действий подзащитных и позволивших в последующем представить доказательства провокации преступления [3; 4].

В случае выявления адвокатом указанных фактов он переходит к тактике активной защиты: заявляет ходатайство о проведении экспертиз с привлечением экспертов в области лингвистики и психологии. Цель такой экспертизы — убедить суд в провокации преступления. В совокупности с обнаруженными нарушениями порядка проведения ОРМ и процедуры их оформления адвокат использует оперативные аудиовидеозаписи в целях защиты и ходатайствует о признании результатов ОРД и полученных на их основе доказательств недопустимыми [5].

Важным методом адвокатского расследования является опрос отдельных участников ОРМ, очевидцев, а также лиц, которым что-либо известно о действиях оперативных сотрудников, начиная с этапа подготовки ОРМ и заканчивая его оформлением. Например, в адвокатской практике защиты лица, обвиняемого в получении взятки, имеется случай, когда результаты опроса адвокатом участников ОРМ и посторонних граждан, не принимавших участия в ОРМ, но ставших очевидцами оперативного эксперимента, позволили доказать в суде провокационный характер действий оперативных сотрудников [6]. Адвокату удалось выявить противоречия между процессуальными документами, отражающими процедуру проведения оперативного эксперимента, и фактическими обстоятельствами обстановки на месте происшествия. В частности, в ходе опроса выяснилось, что лицо, которое должно было передать взятку, неоднократно заходило в здание местной администрации

* См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. N 5. С. 11-12.

и бесконтрольно посещало кабинет главы администрации, действия которого документировали оперативные сотрудники. Впоследствии это позволило поставить под сомнение факт передачи денег. Кроме того, показания были опровергнуты тремя свидетелями защиты по всем ключевым позициям обвинения, что привело в результате к оправдательному приговору.

В иных эпизодах адвокатской практики предметом расследования стали действия оперативных сотрудников при проведении проверочной закупки. В первом случае адвокат провел тщательное изучение личности И., которая была подругой его подзащитной Л. и не только приняла участие в ОРМ, но и дала против Л. заведомо ложные показания. В итоге адвокату удалось установить, что И. была более активным потребителем наркотиков и ранее представляла оперативный интерес, о чем Л. не догадывалась. В результате Л. и И. были задержаны одновременно, при досмотре полицейские составили акт изъятия, в котором указали, что нашли у Л. помеченные спецсредством денежные купюры, а у И. — наркотические средства в крупном размере. Таким образом, фабула дела состояла в том, что Л. сбывала наркотики И., которая перед этим обратилась в полицию, чтобы «разоблачить» подругу, совершающую преступные действия.

Необходимо подчеркнуть, что в последующем грамотная тактика адвоката позволила разрушить позицию обвинения путем склонения основного свидетеля к даче правдивых показаний. Учитывая, что в отношении обеих девушек в качестве меры пресечения была избрана подписка о невыезде, адвокат сумел нейтрализовать конфликт между ними и в ходе адвокатского опроса получил от И. признание в оговоре его подзащитной Л. и участии в провокации под давлением со стороны оперативных сотрудников. Для объективной фиксации этих показаний адвокат направил И. к дежурному следователю Следственного комитета Российской Федерации, который принял от нее заявление в установленном законом порядке [7].

По другому уголовному делу адвокат установил, что его подзащитная О. приобрела наркотические средства по просьбе ее подруги М., ранее неоднократно суди-

мой за хранение наркотических средств. Оплатив через Интернет покупку, О. забрала ее на месте «закладки» и во время встречи с М. была задержана сотрудниками полиции за приобретение, хранение и сбыт наркотических средств. Личность М. вызвала подозрения у адвоката, и он запросил последнее уголовное дело, по которому М. была осуждена за торговлю наркотическими средствами. Изучая копию приговора, адвокат обнаружил, что М. задерживали те же оперативные сотрудники, которые позже задержали его подзащитную О. Причем после возбуждения уголовного дела следователь не ходатайствовал о заключении ее под стражу, а суд в приговоре освободил от отбывания наказания в связи с наличием у нее малолетних детей. Основываясь на этих фактах, адвокат предположил, что М. оказывает содействие, в том числе посредством провокации преступлений, связанных со сбытом наркотических средств.

На судебном заседании адвокат представил результаты своего расследования, а также свидетелей защиты, которые подтвердили факт предварительного знакомства О. и М., характер их взаимоотношений. Кроме того, адвокат сумел доказать, что у оперативных подразделений полиции не было сведений о том, что его подзащитная О. ранее сбывала наркотические средства и намеревалась осуществить их сбыт своей знакомой М., по факту которого было возбуждено уголовное дело. В результате суд, изучив все доводы защиты, признал О. виновной только в приобретении и хранении наркотических средств [7].

В заключение необходимо подчеркнуть, что конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи может быть реализовано как в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, так и на стадии проведения в отношении их оперативно-розыскных мероприятий. При этом реализация указанного конституционного права заключается не только в пассивной юридической консультации лица, ставшего объектом ОРД, но и в активном адвокатском расследовании всех обстоятельств инкриминируемого доверителю деяния. Наряду с широкомасштабным использованием результатов ОРД в доказывании по уго-

ловным делам происходит активизация адвокатской деятельности, направленной на изучение оперативно-розыскных материалов, с целью установления процессуальных ошибок в документах, отражающих порядок проведения ОРМ, их соответствия фактическим обстоятельствам дела.

При этом следует отметить, что современные технологии и средства коммуникации оставляют цифровые следы, которые может использовать не только сторона обвинения, но и сторона защиты. В этом фактически проявляется, с одной стороны,

объективность изучения событий, нуждающихся в правовой оценке, а с другой — состязательность в уголовном судопроизводстве, конкуренция оперативно-розыскных методов и методов адвокатского расследования. И этот факт необходимо обязательно учитывать оперативным сотрудникам, которые допускают ошибки в оформлении отдельных «незначительных», на их взгляд, элементов ОРМ, а также полагают, что результативность ОРД можно повысить за счет провокаций, маскируемых под законные оперативно-розыскные действия.

Список литературы

1. Лубшев Ю.Ф. Адвокатура в России. Москва: Профобразование, 2001. 832 с.
2. Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование как институт уголовного процесса // Адвокатская практика. 2011. N 5. С. 28-32.
3. Хорошилов И. Дело было в Звереве // Новая газета. 2014. 11 авг.
4. Рамазанов И.Р. Суд признал провокацией пять эпизодов должностных преступлений // Уголовный процесс. 2014. N 4. С. 78-83.
5. Чупилкин Ю.Б. Как адвокату доказывать провокацию преступления // Уголовный процесс. 2018. N 12. С. 24-33.
6. Рамазанов И. Оперативный эксперимент привел к оправдательному приговору // Уголовный процесс. 2012. N 9. С. 74-79.
7. Халиков А.Н. Как адвокат использовал право проверять и собирать доказательства. Два успешных дела о сбыте наркотиков // Уголовный процесс. 2019. N 9. С. 24-28.

References

1. Lubshev Yu.F. Advocacy in Russia. Moscow, Vocational education Publ., 2001. 832 p. (In Russ.).
2. Martynchik E.G. Advocate investigation as an institution of criminal procedure. Advocate practice, 2011, no. 5, pp. 28-32. (In Russ.).
3. Horoshilov I. It was in Zverev. Novaya Gazeta, 2014, 11 August. (In Russ.).
4. Ramazanov I.R. The court recognized five episodes of malfeasance as a provocation. Criminal Procedure, 2014, no. 4, pp. 78-83. (In Russ.).
5. Chupilkin Yu.B. How a lawyer can prove provocation of a crime. Criminal Procedure, 2018, no. 12, pp. 24-33. (In Russ.).
6. Ramazanov I. Operational experiment led to acquittal. Criminal Procedure, 2012, no. 9, pp. 74-79. (In Russ.).
7. Halikov A.N. How a lawyer used the right to check and collect evidence. Two successful cases on the sale of drugs. Criminal Procedure, 2019, no. 9, pp. 24-28. (In Russ.).

Раздел 11. In memoriam

**Владимир Петрович Лавров
(1932–2021)**

9 ноября 2021 г. после тяжелой болезни ушел из жизни Владимир Петрович Лавров, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник МВД СССР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, полковник внутренней службы в отставке.

Владимир Петрович родился 27 сентября 1932 г. в г. Вельске Архангельской области.

В 1955 году с отличием закончил юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В этом же году поступил на краткосрочные курсы при Рижской школе МВД СССР.

С 1955 по 1961 год — на следственной и оперативной работе в г. Москве.

21 января 1965 г. в Высшей школе МВД СССР защитил кандидатскую диссертацию «Основные положения методики расследования преступлений, совершенных рецидивистами» (научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Р.С. Белкин).

5 июня 1980 г. в Академии МВД СССР защитил докторскую диссертацию «Общие положения организации и методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет».

В органах внутренних дел служил с 1955 по 1994 год, ушел в отставку в звании полковника внутренней службы, после чего продолжил заниматься научной и педагогической деятельностью.

7 ноября 1997 г. Указом Президента Российской Федерации присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

С 1961 по 2021 год преподавал криминалистику в вузах МВД СССР и Российской Федерации: в Высшей школе МВД СССР, Академии МВД СССР, Высшей юридической заочной школе, Московском университете, Академии управления МВД России.

Прошел путь от адъюнкта, преподавателя до начальника кафедры, заместителя начальника института по научной работе.

2002–2005 гг. — профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России. С 2005 года работал в должности профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

С 2009 года входил в состав редакционной коллегии журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика».

Общий стаж службы и работы в органах внутренних дел и внутренней службы Владимира Петровича Лаврова свыше 65 лет, научно-педагогической работы — 59 лет.

В.П. Лавров входит в число ведущих ученых России в области криминалистики. Является одним из основателей криминалистической теории временных связей (отношений). Им опубликовано более 300 научных и учебно-методических работ по проблемам общей теории криминалистики, криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. Соавтор и научный редактор 15 учебников по криминалистике для юридических вузов (1968–2009), 7 учебных пособий, ряда учебных программ, курсов лекций по криминалистике и организации расследования преступлений. Принимал активное участие в подготовке научно-педагогических кадров. Под руководством В.П. Лаврова успешно защитили кандидатские диссертации 46 адъюнктов и соискателей, в том числе из вузов Украины, Казахстана, Чехословакии.

В течение пяти лет работал председателем специализированного (диссертационного) докторского совета ВАК в ВЮЗШ – Юридическом институте МВД России. Долгие годы работал в диссертационных советах МГУ им. М.В. Ломоносова, Академии МВД СССР и Санкт-Петербургского института МВД СССР.

В последние годы являлся членом двух диссертационных советов, созданных на базе Академии управления МВД России, и одного – при Московском университете МВД России. Постоянно выступал оппонентом и рецензентом по докторским и кандидатским диссертациям во многих диссертационных советах страны.

Более 20 лет являлся членом Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой работы. Участник многих научных, научно-практических конференций и семинаров.

Заслуженный профессор Академии управления МВД России, почетный про-

фессор Юридического института МВД России, академик Международной академии общественных наук.

Имеет несколько правительственных наград; награжден нагрудными знаками «Отличник милиции», «За отличную службу в МВД», «Заслуженный работник МВД», медалью «За безупречную службу» I, II, III степени. Удостоен высоких общественных наград: серебряного ордена «Общественное признание» Национального фонда Российской Федерации и Почетного знака Региональной общественной организации «Поморское землячество в Москве» «За заслуги и содействие».

Редакция журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» и коллектив Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России скорбит и выражает соболезнование родным и близким. Светлая память о Владимире Петровиче навсегда сохранится в наших сердцах.